

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Коваленко Лидия Анатольевна

Образ Свердловска / Екатеринбурга в русской прозе 2000–2010-х гг.

10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор М. А. Литовская

Екатеринбург – 2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Образ Екатеринбурга в автобиографической прозе	38
1.1. Свердловск / Екатеринбург как место действия.....	42
1.2. Образ города как хранилища памяти	51
Выводы	66
Глава 2. Образ города в социально-психологической прозе	68
2.1. Горожанин как объект изображения	69
2.2. Социально-психологическая интерпретация изображения городской повседневности.....	77
Выводы	91
Глава 3. Образ Свердловска / Екатеринбурга в документальной литературе	92
3.1. Образ Екатеринбурга в путеводителях	94
3.2. Образ Екатеринбурга в очеркестике	109
Выводы	125
Глава 4. Образ Екатеринбурга в текстах с фантасмагорической фабулой ...	128
4.1. Фантасмагорические интерпретации городской повседневности	131
4.2. Екатеринбург в современной политической сатире	161
Выводы	174
Заключение	176
Список литературы	182

Введение

Город Екатеринбург, основанный в 1723 году В. Н. Татищевым и Г. В. де Генниным и названный в честь Екатерины I, не раз менял имя: в 1924 году (решением комиссии во главе с Б. В. Дидковским) был переименован в Свердловск в честь большевика Я. М. Свердлова. В 1991 году (по инициативе комиссии по науке, культуре, религии, национальным отношениям под руководством Ю. Ю. Демидова) городу было возвращено историческое имя. Триада наименований «Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург» хранит в себе переломные периоды истории, «смену культурных представлений»¹, сложную архитектурную историю города.

«Он (Екатеринбург – прим. Л. К.) единственный воплощает в себе все индустриальные смыслы человечества – от зарождения индустрии до наших дней. Например, пруд, Плотинка и Исторический сквер – обозначают собой горный завод с водобойными машинами XVIII века; классицизм – улица Ленина, горная аптека (нынешний Камнерезный музей), особняк Глинки, дом Малахова – это время горнозаводской державы военно-заводского режима, XIX век. Это организация индустрии в виде государства. Екатеринбург – это крупнейшее в мире собрание конструктивизма – а это идея индустрии XX века – жизнь как производство, как промышленность. И, наконец, современный хайтек – та же башня Высоцкий или Екатеринбург-сити – это уже идея индустриальной и пост-индустриальной цивилизации, которая в первую очередь производит софт. Это уже последний, финальный смысл индустриального развития человечества <...> Вот это и делает Екатеринбург уникальным городом»².

Современный Екатеринбург «умиляет старинными купеческими особняками и раздражает бестолковостью дорожных развязок. Торчащие в

¹ Вепрева И. Т. Имя города в оценках горожанина: мифотворчество и парадоксы восприятия // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г. С. 423.

² Иванов А. Екатеринбург – это супер // Столица Урала. 2014. № 42. С. 43.

самых неожиданных местах торговые центры и офисные небоскребы “из стекла и бетона” у кого-то вызывают восхищение, а кому-то кажутся совершенно неуместными. Это город амбиций и контрастов <...> Гуляя по центру, вы можете оказаться у кучи мусора, а зайдя в подворотню – наткнуться на музей»³.

Екатеринбург нельзя назвать прочно обосновавшимся на литературной карте городом: «золотопромышленный и горнозаводской, культурный и торговый» центр, «живой узел» Д. Н. Мамина-Сибиряка; «железный город» П. П. Бажова; «новый город: работник и воин», «городище <...> из воли Урала, труда и энергии» В. Маяковского – всё это, скорее, исключительно удачные варианты художественного определения столицы Урала. Но спорадически попадающий на страницы художественных произведений Свердловск / Екатеринбург все-таки смог накопить определенный массив литературных текстов, отличающий его от других нестоличных городов.

Культурная ситуация 2000-х показывает, что в последние 15 лет наблюдается стабильное повышение интереса к городу: писатели, архитекторы, социологи, политологи, музейные работники активно занимаются городской темой, пытаются сформулировать новое представление об уникальности столицы Урала.

Выходят разного рода путеводители⁴, энциклопедии⁵, научно-популярные издания⁶, исследования по истории, архитектуре, культуре города⁷, сборники статей и тезисов научно-практических конференций⁸.

³ Кулешова С. Неожиданный Екатеринбург. Екатеринбург, 2009. С. 3.

⁴ Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург, 2009; Наш Екатеринбург. Путеводитель по центру столицы Урала. Екатеринбург, 2012; Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску. Екатеринбург, 2017; Шахрин В. Екатеринбург в оранжевом настроении. Екатеринбург, 2018.

⁵ Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007; Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008; Войтенко А. А. Пьедесталы бессмертия: памятники и памятные места Великой Отечественной войны Свердловска-Екатеринбурга. Екатеринбург, 2010; Долгов А. В. Деревянное зодчество Урала: Свердловская область, Челябинская область. Екатеринбург, 2012; Екатеринбург литературный. Екатеринбург, 2016.

⁶ Гладкова И. М. 25 екатеринбургских тайн. Екатеринбург, 2003; Слукин В. М. Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск. Екатеринбург, 2005; Корепанов Н., Блинов В. Город посредине России. Екатеринбург, 2005; и т.д.

⁷ Старков В. Мой город. Екатеринбург в памятниках истории и культуры. Екатеринбург, 2005; Лыжин С. М. Интрига жилища. Архитектура массовых жилых зданий Екатеринбурга и городов Свердловской области с 1900 по 2000 годы. Верхняя Пышма, 2005; Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого

Пользуются популярностью мемуары местной творческой интеллигенции⁹, издания о свердловско-екатеринбургских деятелях культуры и искусства¹⁰, заметки о писательских адресах¹¹.

Занимают активную социальную позицию местные «культуртрегеры» – люди разных профессий, которые принимают участие в общественной, культурной жизни города, стремясь сделать его более удобным, доступным, интересным¹². Распространены сегодня и различные городские практики, воплощающие идею диалога, связи жителей и города: разработка актуальной сувенирной продукции¹³, проведение тематических экскурсий¹⁴, культурно-

Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005; Стариков А. А. Знаменитые памятники архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2007; Раскин А. М. Знаменитые усадьбы Свердловской области. Екатеринбург, 2008.

⁸ Екатеринбург: От завода-крепости к евразийской столице : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 23-24 мая 2002 г.). Екатеринбург, 2002; Будущее прошлого: футурология ДК УЗТМ (Екатеринбург, 2014); Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия : материалы конф. Екатеринбург, 2005. Среди ежегодных конференций всероссийского/ международного научного уровня нужно отметить «Дергачевские чтения», «Литература Урала: история и современность», «Уральское поэтическое движение (1981-2013): история, аналитика, прогнозы», «Современный город: социальность, культура, жизнь людей», «Культурологические чтения». В разноформатном режиме (научная школа, открытая дискуссионная платформа) рассуждают о городском искусстве студенты, аспиранты, представители творческой интеллигенции на факультете искусствоведения и культурологии УрФУ; в 2000-е годы традиционными стали студенческие конференции, конференции молодых ученых при Екатеринбургской академии современного искусства.

⁹ Матафонова Ю. Кумиры сцены. Очерки театральной жизни Екатеринбурга-Свердловска, 2000; Не просто прочитанная жизнь: биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях. Екатеринбург, 2015; Демченко И. Н. Маргарита, Марго, Рита Божественная и земная: по воспоминаниям балерины Маргариты Окатовой. Екатеринбург, 2016; Слово современников Бориса Ельцина. Екатеринбург, 2012; «Хочу быть в русской нашей литературе первым...». Из потаенных дневников (1979-1980). Публикация А. А. Никоновой // Урал. 2016. № 1. С. 182–197.

¹⁰ Бирюков Е. М. Метенков и Ко. Екатеринбург, 2007; Пихоя Р. Г. Борис Ельцин. Екатеринбург, 2011; Семенова С. В. Денисов-Уральский. Екатеринбург, 2011; Сутырин В. А. Павел Бажов. Екатеринбург, 2012; Матафонова Ю. К. Эрнст Неизвестный. Екатеринбург, 2013; Кириллова Н. Б. Ярополк Лапшин. Екатеринбург, 2014; Алексеев Е. П. Лев Эппле. М., Екатеринбург, 2017. Публикации о деятелях культуры и искусства в журнале «Урал»: «Вспоминая Романа Тягунова» (воспоминания друзей и близких) // Урал. 2012. № 8. С. 165–194; Блажес В. «Уйду за собственную тень»: Е. М. Малахин и Б. У. Кашкин // Урал. 2013. № 6. С. 189–204; Зашихин Е. Жанровый подход: к 90-летию со дня рождения А. С. Субботина // Урал. 2013. № 12. С. 214–218.

¹¹ «Литературные прогулки по Екатеринбургу» (сост. Г. П. Гурбич; М. Е. Шамагина, И. Н. Щеголева). Екатеринбург, 2007; Известные литераторы в Свердловске (1920-1970-е гг.) // Веси. 2015. № 7 (113). С. 2(82)-40 (120).

¹² Публичные страницы в социальных сетях Д. Москвина (<https://www.facebook.com/DEMoskvin>), П. Ивановой (<https://www.facebook.com/polika.pti>), Э. Кубенского (<https://www.facebook.com/edkubensky>), С. Каменского (<https://www.facebook.com/sergey.kamenskiy.16>), И. Янкова (<https://www.facebook.com/igor.yankov.79>) и др.

¹³ Сувенирные значки с екатеринбургскими достопримечательностями Д. Фатхиева-Долохова, агентства «Дикий Филин»; открытки А. Сафронова (в рамках проекта «Горнозаводская цивилизация»); «Подарки с Урала и про Урал» компании «Инпро»; сувенирная продукция, разработанная Музеем истории Екатеринбурга (настольная игра «Екатеринбург», кружка с Водонапорной башней, блокнот с Музеем фотографии и т.д.); линия одежды брендов «URALS», «MadeinUral»; продукция, посвященная снесенной телевизионной башне, от «Проекта без названия» и т.д.

¹⁴ Цикл пеших прогулок «Коды города» под эгидой ГЦСИ («По шпалам истории: детская железная дорога», «Исчезнувшие площади Екатеринбург» и т.д.); пешие и автобусные экскурсии при Музее истории Екатеринбурга («Автобус 33. Путешествие по Уралмашу», «От ВИЗадо НИЗа течет Исеть по городу» и т.д.); экскурсии при Объединенном музее писателей Урала («Вторчермет Бориса Рыжего», «Царская-Пролетарская»); экскурсии при Муниципальном объединении библиотек («Екатеринбург музыкальный»,

массовых мероприятий¹⁵, организация «полевых» исследований городской среды¹⁶ и т.д.

Выходят новые художественные тексты, местом действия которых оказывается Екатеринбург: «Фабрикантша» (2001), «Женская азбука» (2003) Н. Смирновой, «Повесть, которая сама себя описывает» (2011) А. Ильенкова, «Екатеринбург, восемнадцатый» (2014) А. Титова, автобиографические рассказы А. Кирьяновой; поэзия и проза И. Сахновского, поэзия А. Расторгуева, М. Никулиной, В. Чепелева и др.; пьесы представителей Уральской школы драматургии (А. Архипова, Я. Пулинович, В. Сигарева); сценарии к фильмам, действие которых разворачивается в Екатеринбурге («Европа-Азия» (2011) братьев В. и О. Пресняковых, «Страна Оз» (2016) В. Сигарева и А. Ильенкова); «Уральский монстр. История разоблачения самого громкого серийного убийцы Советского Союза» (2018) А. Ракитина; а также многочисленные интервью современных авторов, рассуждающих о городе и его художественном воплощении.

Несмотря на стабильное внимание к теме города, «высокому уровню саморефлексии, самоописания города»¹⁷, количественному росту художественных текстов, связанных со Свердловском / Екатеринбургом, образ города остается изученным фрагментарно. С вышесказанным связана **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

«Щипанская слобода. Былое и думы»), при «Ельцин-центре» («Из слободы в Сити», «Уральские бренды в наших квартирах»).

¹⁵ Инсталляции, субботники, экскурсионная работа на водонапорной башне УЗТМ силами арх-группы Podelniki; акции общественного движения Комитета Городского пруда («Обними пруд», «Воскресный субботник НА ДНЕ Городского пруда»); мероприятия, организованные Муниципальным объединением библиотек («Фестиваль живых историй»); проект «Читаем город» при Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В. Г. Белинского; фестиваль восстановления исторической среды «Том Соьер Фест»; театральные постановки, посвященные городу, городским объектам: спектакль-променад «Школа» (при содействии Коляда-театра и Свердловского театра драмы); уличный спектакль-променад М. Конторович «Мой Екб»; проект театральной платформы «В Центре» «Сны Екатеринбурга. Почти документальный спектакль».

¹⁶ Полевое исследование воспоминаний жителей Уралмаша силами ученых НИУ ВШЭ; циклы встреч о культурном ландшафте города при ГЦСИ; форум «CULTURALICA»; проект «100 мыслей о Екатеринбурге» (сбор идей о будущем и настоящем Екатеринбурга от горожан и городских профессионалов – администрации города, бизнесменов, общественных организаций, городских медиа); исследование городской культуры в рамках проекта «Екатеринбургский пульс. Культурная среда и символический капитал».

¹⁷ Екатеринбургский пульс. Культурная среда и символический капитал [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ekaterinburgpulse.ru/> (дата обращения: 14.02.2019).

Разнообразие современных текстов, действие которых разворачивается в Свердловске / Екатеринбурге, указывает на необходимость если не системного освещения закономерностей развития образа города, то обозначения тенденций. Как пишет С. Л. Зенкин, теория и практика изучения литературы «поддаются лишь частичному логическому упорядочению – картографии, но не классификации»¹⁸. Образ города, по-разному воспринимаемый авторами, заново перечитываемый исследователями, также не может быть вписан в статичную «сетку» вариантов литературного воплощения.

Наше исследование носит, скорее, описательный характер, **материалом** которого стали репрезентативные прозаические тексты, относимые к разным жанрово-видовым типологическим разновидностям прозы.

Среди большого количества текстов мы отобрали прозаические по следующей причине: образ города в них создается детализированно, объемно, в динамическом развитии. Обозначенные хронологические рамки обосновываются тем, что именно на этот период истории Екатеринбурга приходится значительное повышение интереса к образу, имиджу.

Теоретико-методологической основой исследования стали работы, выполненные в рамках различных научных направлений.

Так, для нас значим опыт исследований, выполненных в рамках *локально-исторического подхода*¹⁹ к изучению образа города (работы Н. Анциферова, А. Белоусова, И. Гревса, М. Строганова и др.).

Выбрав ключевым методом изучения городского образа экскурсии, основатели направления предложили поэтапное изучение специфики города: от знакомства с основными городскими объектами, подробного культурно-исторического комментария к литературно-художественному осмыслению городского образа. Именно работа с текстами, воспринимаемыми как

¹⁸ Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты. М., 2018. С. 13.

¹⁹ Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. С. 27.

репрезентативные, по мнению исследователей, должна помочь выйти к «идее города», его «собирающей личности», «душе», некому таинству «власти места»²⁰.

Сделав основным предметом анализа Санкт-Петербург, представители отечественного городоведения подготовили базу для последующего семиотического изучения петербургского текста. Как пишет А. Б. Муратов, «Николай Анциферов первым, говоря о “душе Петербурга”, сформулировал новое понимание петербургской темы <...> Он же первым заговорил о мифе Петербурга, объяснив, почему именно с Пушкина начинается то, что мы сейчас называем петербургским текстом русской литературы»²¹.

Говоря о локально-исторических исследованиях отечественного городоведения, можно указать также на теорию «областных культурных гнезд» (Н. К. Пиксанов), основанную на мысли о том, что для полного проникновения в творчество художника необходимо оценить культурную ситуацию места, где писатель сформировался. Впоследствии годы теория «вчитывания» в особенности местной культурной ситуации оказывается достаточно популярной²². Сложились университетские научные школы изучения «литературы провинции» в Екатеринбурге²³, Перми²⁴, Тюмени²⁵ и т.д.

Методологически важны *исследования структурно-семиотической школы* (труды В. Иванова, Ю. Лотмана, А. Пятигорского, В. Топорова,

²⁰ Цит. по: Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920-1930-х гг. : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2001. С. 27.

²¹ Муратов А. Б. Действительно ли существует Петербургский текст // Петербургский сборник. СПб., 2005. С. 68.

²² Русская провинция. Культура XVIII–XX вв. М., 1992; Русская провинция: миф-текст-реальность. М., СПб., 2000; Белоусов А.Ф. Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001; Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Мир русской провинции: вчера, сегодня, завтра. Балашов, 2006.

²³ Ежегодные научные конференции «Литература Урала», первый том «Истории литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.в.» (под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной), энциклопедия «Екатеринбург литературный», краткий энциклопедический словарь «Литературный Урал»; проект «Уральская поэтическая школа», серия «Голоса Уральской Литературы»; сборники: «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка (Екатеринбург, 4-5 ноября 2002 г.). Екатеринбург, 2002; Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010.

²⁴ Труды В. Абашева, М. Абашевой, Е. Власовой, А. Сидякиной, А. Фирсовой и др.

²⁵ Работы Н. А. Рогачевой, С. О. Драчевой, Г. В. Сильченко и т.п.

Б. Успенского, Т. Цивьян, М. Б. Плюхановой, Г. В. Вилинбахова и др.), представители которой видели в городе «сложный семиотический механизм, генератор культуры», «котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных»²⁶.

Результатом такого осмысления пространственного образа стала разработка понятия «городской текст» – «структурно-семантического образования», входящего в концептуальное пространство русской литературы. Структура «городского текста», по мнению О. С. Горелова, устойчива: смысловой центр (некий религиозно-философский базис, «душа города», власть места, *genius loci*), внутренние законы и процессы, мотивы и образы, словарь и грамматика. Единство «городского текста» основывается на сильной мифологеме, вырастающей из общей смысловой установки и совмещающей в себе реальность сверхтекста и внетекстовую эмпирическую реальность²⁷.

Два магистральных направления в изучении «городского текста» (изучение «петербургского»²⁸ и «московского»²⁹ текстов) стали импульсом для анализа других «городских текстов»: пермского³⁰, калининградского³¹, оренбургского³², коломенского³³, омского³⁴ и т.д.

Стоит учитывать и *синтетические* (совмещающие культурологические, литературоведческие, географические приемы описания) методы анализа образа города (труды В. Абашева, А. Белоусова, Л. Зайонц, Е. Милюковой, И. Разумовой, Е. Эртнер и др.).

Основа геопанорамного подхода – осмысление культуры как творческой, конструирующей реальность силы, «не нейтральной к физическому пространству, но идеально «его переустраивающей и

²⁶ Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2. Таллинн, 1992. С.14.

²⁷ Горелов О. С. Петербургский текст в художественной концепции И. Бродского. Иваново, 2006.

²⁸ Работы С. Бойм, А. Ваксера, Г. Каганова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского и др.

²⁹ Безродный М. В., Данилевский А. А., Вендина О., Минц З. Г., Митрофанов А., Молева Н., Плюханова М. Б., Рахматуллина Р., Ревзин Г., Трущенко О., Цивьян Т. В. и др.

³⁰ Абашев В., Бойм С., Ваксер А., Каганов Г. и др.

³¹ Гаврилина Л. М., Николаева Е. В. и др.

³² Пыхтина Ю. Г., Прокофьева А. Г. и др.

³³ Викторovich В. А., Денисов А. Е., Петросов К. Г. и др.

³⁴ Горелова Ю. Р., Мысливцева Г. Ю., Ремизов А. В. и др.

трансформирующей, сообщающей ему структуру и смысл»³⁵; города – как «аккумулятора памяти, личной, исторической, литературной, мифологической»³⁶.

В русле геопоэтики написана монография «Пермь как текст» В. Абашева, который рассматривает «пермский текст» как сложную семиотическую модель, «вписанную» в общекультурное смысловое поле, как сетку «семантических констант» («пермский звериный стиль», городские символические объекты, легендарные личности, первые литературные тексты, традиционно связываемые с пермской землей, произведения В. Каменского, Б. Пастернака, А. Решетова, В. Кальпиди и др.).

Усиление пространственно-географической компоненты в методологии современных гуманитарных наук определило развитие «культурной географии» («новой культурной географии»)³⁷. Проблемы, которые изначально ставили перед собой теоретики «культурной географии», обобщены в статье Н. Черняевой «Культурная география и проблематика «места»: обзор новой литературы»: «проблемы соотношения экономического и дискурсивного в производстве пространства, “аутентичности” и “репрезентирования”, механизмов и факторов смыслообразования в сфере географии и ландшафта и др.»³⁸.

Географический образ в художественной литературе, по мысли Д. Замятина, наделен особой силой: воссозданный по воле художника территориальный образ превращается в «активное агрессивное начало, которое по-своему преобразует структуры восприятия реального географического пространства»³⁹. Итогом изучения географического образа

³⁵ Работы Абашева В., Белоусова А., Давыдова А. Н., Милуковой Е. В., Строганова М., Эртнер Е. и др.

³⁶ Кислова Е. А. Возможности музея Бажова в формировании геопоэтического образа Екатеринбурга // Культурологические чтения – 2016. Екатеринбург, 2016. С. 215.

³⁷ См. обзор современных зарубежных исследований: Черняева Н. А. Культурная география и проблематика «места» // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. Вып. 9. № 35. В отечественной науке проблемой образа места в ракурсе «культурной географии» занимаются В. А. Евсеев, Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, В.Л. Каганский, И. Корнева, О. А. Лавренева, И. И. Митин, С. А. Смирнов, А. С. Тайков.

³⁸ Черняева Н. А. Культурная география и проблематика «места»: обзор новой литературы // Известия уральского государственного университета. № 35 (2005). Вып. 9. С. 283.

³⁹ Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 56.

может стать составление концептуальной географической карты с размещенными на ней локусами культуры.

Интересными для нашего исследования также могут быть наблюдения *урбанистов*⁴⁰, рассматривающих город как совокупность пересекающихся социальных сетей, как проектируемое действие, изучающих логику «присвоения, освоения и усвоения» пространства. Распределение власти в пространстве города, жизнь и ритм культуры, городские сообщества, логика расселения – эти и другие вопросы проецируются на карту города. Именно картографирование, рациональное и подсознательное, позволяет посредством постоянных наблюдений и уточнений системно изучать пространственную организацию города.

Еще одним «поворотом» в исследовании образа города можно обозначить *социокультурное направление*⁴¹, представители которого анализируют город в качестве «кумулярующего, интегрирующего и транслирующего социокультурные программы организма»⁴², как «аккумулятор творческого потенциала», непрерывно «накапливающегося в городской среде» и «находящего свою реализацию в сфере искусства»⁴³. Например, по мнению авторов сборника «Город и искусство», город «создает порождающую искусство ситуацию»⁴⁴, при этом «искусство оказывается фактором, определяющим природу и судьбу города».

Пунктирно представив методологическое разнообразие трудов по изучению образа города, вновь хотелось бы согласиться с С. Н. Зенкиным, утверждающим, что «сводить имеющиеся теоретические идеи в какую-либо стройную и непротиворечивую систему» представляется проблематичным, но

⁴⁰ Работы А. К. Высоковского, В. Л. Глазычева, Л. Б. Коган, Е. Трубиной и др.

⁴¹ Исследования Н. В. Зубаревич, Ю. В. Медведкова, Г. И. Осадчей, Ю. Л. Пивоварова, В. О. Рукавишника, Е. Г. Трубиной, В. Г. Федотова и т.д.

⁴² Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / сост. Степугина Т. В. М., 1996. С. 3.

⁴³ Яковенко И. Г. Художественное сознание и городская среда // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / сост. Степугина Т. В. М., 1996. С. 21.

⁴⁴ Там же. С. 21.

вполне реалистично показать «методологическую разнородность этих идей и их несводимость воедино»⁴⁵.

При всей разнонаправленности суждений исследователи темы города солидарны в следующем: образ города – это постоянно становящееся, исторически, культурно, экономически, политически обусловленное явление, вырастающее из естественного и культурного ландшафта, обусловленное активностью городской среды и конструируемое сознанием его жителей. Именно в «сознании людей, живущих или недолго пребывающих в городе, изучающих и наблюдающих город исследователей объективные измеряемые характеристики городского пространства и времени переплавляются в образ»⁴⁶.

Социолог Л. Н. Везнер в статье «Структура образа города: основные теоретические подходы»⁴⁷ дает обзор современных исследований, посвященных анализу образа города, и приходит к выводу, что в качестве теоретического конструкта, некоей модели образ города может рассматриваться с содержательной, процессуальной и семио-функциональной точек зрения. При этом категория «образ города» оказывается предметом дискуссий и трактуется по-разному:

– как «репрезентация городского пространства в сознании субъекта»⁴⁸, «сложный синтез прямых впечатлений», «совокупность характеристик города, отраженных в сознании людей», «динамичное местоощущение»⁴⁹, «результат

⁴⁵ Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты. М., 2018. С. 7.

⁴⁶ Журавлева Н. И. Екатеринбург–Свердловск: трансформация образа города [Электронный ресурс] / Н. И. Журавлева, С. В. Мельникова // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekaterinburg-sverdlovsk-transformatsiya-obraza-goroda> (дата обращения: 23.04.2018).

⁴⁷ Везнер Л. Н. Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 221–224.

⁴⁸ Давыдкина Л. В. Исследование образа города Самары студентов разных профессиональных групп [Электронный ресурс] / Л. В. Давыдкина // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2012. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-obraza-goroda-samary-studentov-raznyh-professionalnyh-grupp> (дата обращения: 01.03.2017).

⁴⁹ Алексева В. Л. Образ города в культурном сознании [Электронный ресурс] / В. Л. Алексева // Университетская площадь : альманах. – 2010. – № 3. – С. 174–176. – Режим доступа: <http://pus.vsu.ru/pdf/2010/2010-01-27.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).

рефлексии личностей и сообществ, населяющих данное пространство», который задается «совокупностью образов-символов, идеалов и мифов»⁵⁰;

– как определенная система образов, являющаяся результатом взаимодействия субъекта с городом: «расшифровывая культурные коды города, содержащиеся в его архитектурно-ландшафтной среде (улицы, площади, фонтаны, парки, мосты...), ощущая звуки и запахи, мы сознательно, либо неосознанно, взаимодействуем с ним» и формируем цельный образ места⁵¹;

– как «многосоставная структура предметных и духовных координат», «комплекс этико-социальных и биологических связей, образующих некое метафизическое поле притяжения»⁵²;

– как «товар, которому нужна реклама и искусственный положительный имидж», «составная часть долгосрочной социально-экономической стратегии»⁵³ и т.д.

В настоящем исследовании образ города мы будем понимать как авторское оригинальное видение пространства, воплощенное в конкретном наборе художественных средств и predetermined накопленными представлениями о городе.

Уместно заметить, что целенаправленный интерес к изучению образа столицы Урала появился в 2000-е годы, что объясняется объективными культурно-историческими причинами. Радикальные перемены 1990-х годов «потребовали переосмысления задач культурной политики»: «Переход от монокультуры, возникшей в сталинский период, к полистилистичности, полисубъектности культурной жизни сопровождался освобождением от

⁵⁰ Горелова Ю. Р. Образ города: диалектическое единство реального и идеального // *Личность. Культура. Общество. Город*. 2009. Т. 11. Вып. 4 (51-52). С. 353–360.

⁵¹ Там же.

⁵² Немчинов В. М. *Метафизика города* // *Город как социокультурное явление исторического процесса*. М., 1995. С. 237.

⁵³ Щербинин А. И. К постановке проблемы внешнего позиционирования университетского города [Электронный ресурс] / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина // *Философия, социология, политология*. – 2012. – № 4 (359). – С. 53–58. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-postanovke-problemy-vneshnego-pozitsionirovaniya-universitetskogo-goroda> (дата обращения: 14.02.2017).

цензурных запретов, прежних стереотипов, однолинейных оценок и подходов»⁵⁴.

Если в 1990-е годы «периферические» города переживали «кризис идентичности», не умолкали споры о сущности литературного регионализма⁵⁵, то в начале XXI века, напротив, появился спрос на выявление локальной идентичности, специфики «места», «создание привлекательного образа региона»⁵⁶.

Регионализм, по мнению Е. К. Созиной, стал «реагированием провинции на стирание границ и унификацию социокультурного, национально-этнического и аксиологического пространства»⁵⁷. На фоне радикального «переформатирования внутрисоссийского пространства» регионы ощутили «необходимость в поиске себя, обновлении своего образа, переосмыслении отношений с другими регионами и столицей»⁵⁸.

Благодаря разностороннему изучению текстов, посвященных городу, удалось выстроить историю формирования образа Екатеринбурга. На материале разнородных текстов конца XVIII–начала XIX веков (начиная с «Абрисов» Геннина, «Наказа» Татищева, писем, чертежей) собранных Л. Злоказовым и В. Семеновым⁵⁹, видно, как Екатеринбург, поданный сквозь призму восприятия приезжих и местных жителей, постепенно менял свои роли: изначально выступал как «небольшой городок», «центр всех рудников и литейных заводов Сибири». Динамично миную статусы «завода-крепости, вотчины Берг-коллегии», «областного города Зауральской области»⁶⁰, «уездного города Пермской губернии», город занял положение «настоящего горного города», значительно превосходящего Пермь «величиной и

⁵⁴ Мурзина И. Я. Очерки истории культуры Урала. Екатеринбург, 2008. С. 393.

⁵⁵ См. обзор ситуации: Подлесных А. С. Геопозитика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008.

⁵⁶ Гаврилина М. С. «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности [Электронный ресурс] / М. С. Гаврилина // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 88–99. – Режим доступа: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/gavrilina.pdf> (дата обращения: 13.02.2018).

⁵⁷ Созина Е. К. Об «Истории литературы Урала»: предисловие к проекту // Литература Урала : история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 7.

⁵⁸ Мурзина И. Я. Очерки истории культуры Урала. Екатеринбург, 2008. С. 395.

⁵⁹ Злоказов Л. Д. Старый Екатеринбург : Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. 607 с.

⁶⁰ Там же. С. 62, 77.

благосостоянием»; «центра не только заводского, рудничного и “золотого” дела», но и «цивилизованного и деятельного промышленного центра», «стягивающего к себе денежные силы края»⁶¹. По наблюдениям Ю. В. Клочковой, попытки «перевода реального географического пространства» Екатеринбурга в «образ, соответствующий его содержанию»⁶², предпринимались еще в XIX в.

Полномасштабно объектом художественного воплощения Екатеринбург предстанет в многочисленных текстах Д. Н. Мамина-Сибиряка, опирающегося на комплекс сложившихся представлений о городе, его историю, городскую мифологию⁶³. В целом, по наблюдениям исследователей, образ Екатеринбурга в творчестве Мамина развивался поэтапно: изначально – сквозь призму сознания «новоиспеченного» жителя города, который только изучает городское пространство; позже – через опыт активного и заинтересованного горожанина. Такая «процессуальность» в постижении города определила колебания писателя в отношении к Екатеринбургу и, соответственно, «разнонаправленность» образа: одновременно «бойкого городка» и провинциального локуса, «уральского уездного города» и центра «горного края», «завода и крепости», «раскольничьего гнезда», центра «золотой лихорадки» и хранителя духовности, родного дома и др.

По мнению Ю. С. Подлубновой, в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка концептуальна идея «пограничности» Екатеринбурга: именно в текстах «певца Урала» Екатеринбург начинает позиционироваться как город, «заброшенный на рубеж между Европой и Азией» и заряженный «определенной двойственностью»⁶⁴. По наблюдениям исследователя, трансформация городской мифологии произойдет в 1920-е годы – время активной рефлексии

⁶¹ Злоказов Л. Д. Старый Екатеринбург : Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 276,307, 364, 307.

⁶² Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII– середина XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 53.

⁶³ «От Урала до Москвы», «Письма с Урала», «Путевые заметки – от Зауралья до Волги»; «Приваловские миллионы», «Башка», «Золотая ночь», «Золотопромышленники», «Поправка доктора Осокина», «Верный раб» и др.

⁶⁴ Подлубнова Ю. С. «Пограничный миф» Екатеринбурга: литературные воплощения // Книжное дело : достижения, проблемы, перспективы – V : сборник материалов Международ. науч. конференции. Екатеринбург, 2015. С. 80,74.

авторов, с одной стороны, на тему пограничного положения города между Европой и Азией («Детство Люверс» Б. Пастернака); с другой стороны – на тему расстрела царской семьи (рассказы «25-го июля 1918 года», «Шесть дней», «Трава-пышма» (1923) Н. Никитина, роман-эпопея «От Двуглавого Орла к красному знамени» (1922) П. Н. Краснова, «Император» В. Маяковского, «Последние дни императора Николая Второго» (1922) П. Северного)⁶⁵.

Тема Романовых, «окруженная множеством загадок и догадок, большая часть которых текстуализирована и, по сути, вписана в свод городских мифологем», работает, во-первых, на негативный, зловещий образ Екатеринбурга («место однозначно опасное и кровавое»). Во-вторых, тема Романовых оказалась «сильнее» самого образа города: историческое «победило» геопозитическое⁶⁶, и Екатеринбург предстал просто как «далекая и жестокая российская провинция», где есть безымянная «тюрьма», «место расстрела» (дом Ипатьевых).

В стихотворении «Екатеринбург-Свердловск» (1928) В. Маяковского будет утвержден более продуктивный миф о Свердловске – «городе-стройке, городе-заводе». Активно развивающаяся в 1920–1930-е годы тема индустриализации поддержит традицию описания города, наделенного, прежде всего, производственной функцией. «Екатеринбург-Свердловск» В. Маяковского, «Точка опоры» Н. Куштума, «Свердловск» К. Тюляпина, «Годен!» Д. Гранина, «Зеленый город» С. Балина – эти и многие другие тексты запечатлели индустриальный, промышленный Свердловск, который «ясен, наполнен солнцем и шумом» и транслирует образ «города-утопии, в

⁶⁵ Интересно, что С. Кропотков объясняет «манипуляцию с темой останков Романовых» экономическими и политическими процессами: «К началу XXI века уральская промышленность находилась в состоянии упадка, и для привлечения средств региону потребовалась “раскрутка” уральских мифов. Тогда, в 1920-е годы, уральские рабочие гордились “не только своим активным участием в пролетарской революции, но и тем, что в недрах Урала лежат останки тирана, заплатившего жизнью за вековой гнет и произвол своих предков над русским народом, над рабочими и крестьянами обнищавшей и окровавленной страны” (как написано в книге 1921 г. «Рабочая революция на Урале»)» (Кропотков С. Легенды и мифы постиндустриального Урала // Директор. 2005. № 1. С. 37).

⁶⁶ Подлубнова Ю. С. Трагедия семьи Романовых и локальная мифология Екатеринбурга в драме П. Северного «Последние дни императора Николая Второго» // Актуальные проблемы современного краеведения на Среднем Урале : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2015. С. 146–151.

котором индивидуальные черты подавляются всеобщей государственной мечтой о светлом будущем»⁶⁷.

Как «сдвиг» складывающегося в советской литературе канона описания города воспринимается представленный П. П. Бажовым многоаспектный способ изображения Екатеринбурга как бойкого торгового города, удивляющего «своей величиной»⁶⁸; как места амбиций и перспектив, где можно учиться и трудиться; «страховитого места» – огромного, чужого локуса, в котором «худому научат»; «железного города» и т.д. По наблюдениям исследователей, такая «множественность» ролей города во многом зависит выбранного автором жанрового поворота. Так, в сказах пространство города практически не описывается – город воспринимается сквозь реплики главных героев. В автобиографической повести «Дальнее – близкое» (1949) образ города наполнен деталями из городской повседневности разных лет и подан, как пишет Ю. В. Клочкова, сразу «в трех измерениях»: сквозь сознание десятилетнего ребенка, впервые увидевшего большой город; взрослого человека, приехавшего в город своего детства, и человека 40-х годов XX века. В краеведческих выступлениях Бажова и опубликованных воспоминаниях также обозначена тема Екатеринбурга: образ города, созданный человеком, всю жизнь прожившим на Урале, получается объемным, насыщенным историческими реалиями, именами и фактами.

Образ города, предложенный П. П. Бажовым, был сразу принят горожанами, что, по мнению М. А. Литовской, можно объяснить рядом концептуально важных идей, популярных в городе: идеей об «исторической предопределенности города, созданного зачем-то»; о потенциальной столичности; о символической роли некоего «креста на карте не России

⁶⁷ Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII–середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 139.

⁶⁸ Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 425.

только, но мира»; «о внутреннем сходстве Екатеринбурга с Санкт-Петербургом»⁶⁹.

Советское время потребовало обновления имиджа города-завода и города миллионщиков-старообрядцев, но попытка, например, В. Маяковского задать новый образ не увенчалась успехом: Свердловск, описанный как рядовой советский город, оказался лишен индивидуальности. И вполне понятно, почему появившаяся в конце 1930-х годов «Малахитовая шкатулка» оказалась так востребована: П. П. Бажов, превративший «центр металлургии, золотодобычи, раскольничьей жизни в край камнерезов, гранильщиков, горных мастеров», дал шанс на новую «позитивную городскую самоидентификацию»⁷⁰.

Новые способы изображения города складываются в период Великой Отечественной войны в текстах как местных, так и на время оказавшихся в городе писателей А. Коца, Л. Младко, Л. Скорино, О. Высотской, К. Мурзиди, Б. Рябилина, А. Караваевой и т.д. Выработанный послереволюционным периодом канон описания города значительно дополняется новыми темами и образами: темой эвакуации (соответственно, образами крова, убежища для «худых, почерневших, со скорбными, испуганными лицами»⁷¹ беженцев); темой трудового подвига тружеников тыла; прифронтового режима (образ тылового города-завода); «декабристского текста» (образами представителей эвакуированной интеллигенции, изначально представляющей Свердловск «ужасно каким далеким и холодным, глухим городом, чуть ли не с белыми медведями на улицах»⁷², но впоследствии принявшей город и обогатившей

⁶⁹ Литовская М. А. Авторская реструктуризация мифологии места: бажовский Екатеринбург // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальная развитие и региональные особенности : материалы VII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2006. С. 449–454.

⁷⁰ Интересен «прикладной» опыт работы с наследием П. П. Бажова: так, например, сотрудник мемориального дома-музея писателя Е. Кислова, опирающаяся на геопозитическую теорию, рассуждает о потенциале жанра экскурсии для формирования образа Екатеринбурга. Пытаясь понять, как «художественные образы помогают раскрыть пространство», Е. Кислова составляет планы-«схемы» «мифологических» прогулок по городу, которые через обращение к бажовским смыслам, комментариям и реальным бажовским маршрутам раскрывают геопозитический образ Екатеринбурга (Кислова Е. А. «Возможности музея П. П. Бажова в формировании геопозитического образа Екатеринбурга» // Культурологические чтения – 2016; материалы международных научно-практических конференций. Екатеринбург. 2016. С. 215).

⁷¹ Головина В. Страницы музыкальной школы // Урал. 1976. № 7. С. 149.

⁷² Рябинин Б. Ушедшее – живущее. Книга воспоминаний. М., 1985. С. 99.

«провинциальный Свердловск интеллектуально и эмоционально насыщенной жизнью»⁷³⁾⁷⁴ и т.д.

Традиция создания многопланового и многослойного образа Свердловска / Екатеринбурга будет поддержана в производственных очерках, повестях, романах 1950–70-х годов. Л. Слобожанинова писала в статье 1979 года о повестях Н. Никонова: «... с какой рефлексивностью обозначен в повести реальный мир! Многие свердловчане, возможно, узнали себя, свое детство и характерный быт, который от старого Екатеринбурга дошел кое-где до нашего времени: пыльные немощные улицы, кварталы деревянных домов с огородами, голубятнями, надворными постройками. Никонов точен в деталях, умеет придать им исторический смысл»⁷⁵.

Действительно, город будет описан и в текстах «реалиста и психолога»⁷⁶ Н. Никонова, и в «маркированных лейблом “соцреализма”» произведениях В. Очеретина⁷⁷, Ю. Хазановича, и в «документальной прозе»⁷⁸ Я. Резника. По утверждению В. К. Очеретина, «писателям индустриального Свердловска, даже не надо ехать в творческую командировку»⁷⁹, поскольку «литературными героями» оказываются представители местного «веселого народа»⁸⁰: геологи, рабочие, солдаты, студенты, просто местные жители, у большинства из которых есть общие «страницы пионерские, комсомольские, страницы военные и строительные, заводские и целинные»⁸¹.

Для «закрытого» Свердловска важны собственные герои, сюжеты и последовательная интерпретация исторического прошлого: дореволюционного времени; города 1917 года – «рабочего форпоста Урала», в

⁷³ Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII– середина XX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 149.

⁷⁴ Кроме того, в текстах военных лет усложнится форма: категория времени свердловских текстов военных лет оказывается многоплановой («это и четыре года страшной войны, и календарное время, в основном, зима, холодная, долгая», кроме того, разделение на довоенное и военное время). Пространство также одновременно расширено и уплотнено (в городе появляются «другие» – эвакуированные, но при этом действие в повестях и рассказах разворачивается в таких закрытых локусах, как завод, квартира, дом, больница и т.д.).

⁷⁵ Слобожанинова Л. Из поколения шестидесятых // Урал. 1979. № 7. С. 153.

⁷⁶ Слобожанинова Л. Две повести Николая Никонова // Урал. 2004. № 6. С. 140-147.

⁷⁷ Зашихин Е. С. Жизнь на изломе // Культура Урала. 2015. № 1. С. 10.

⁷⁸ Екатеринбург литературный: энциклопедический словарь. Екатеринбург, 2016. С. 302.

⁷⁹ Там же. С. 5.

⁸⁰ Старостин А. Парни из легенды // Урал. 1967. № 6. С. 131.

⁸¹ Очеретин В. О тех, кого любят // Урал. 1958. № 10. С. 4.

котором проходят партийные собрания, «по Покровскому проспекту беспорядочной толпой идут солдаты, только что приехавшие с фронта», в «хоромах миллионера Харитонов» проходит съезд Союза молодежи: на фоне «беседок, павильонов, скульптур», «лепных потолков, дорогой живописи» слышатся «песни, веселый шум» делегатов⁸².

Выразительно описывается этап 1920-х годов – времени «преобразовавшегося», «самого большого уральского»⁸³ города, в развитие которого «было вложено много труда»⁸⁴. Центр города символизируют «городской пруд, выложенный частично по берегам гранитом»; «сквер, обнесенный чугунной оградой со стороны пруда»⁸⁵; «вымерший» дом Харитоновых («на белых колоннах следы от пуль, стекла разбиты, ворота распахнуты») и дом Ипатьева, вокруг которого уже «не было частокола, которым он был окружен, когда служил местом заключения для Николая Романова». Статусы многих объектов меняются (например, «в бывшей гостинице «Американские номера» размещается областная чрезвычайная комиссия»⁸⁶; в «вымерший» дом Харитоновых «может ходить каждый»). Авторы улавливают произошедшие «сдвиги» и чувствуют сосуществование двух реальностей – старого Екатеринбурга и советского Свердловска, которые словно наслаиваются друг на друга.

Предстает в прозаических текстах образ «бурно росшего, строившегося», «большого индустриального города»⁸⁷ 1930-х годов. В Свердловске появляются «многоэтажные дома», об уровне благоустройства которых «ходили легенды»: «новые дома “городка чекистов” и еще какие-то ”госпромураловские”, ”инорсовские” и вот по Банковскому переулку»⁸⁸.

⁸² Старостин А. «Парни из легенды» // Урал. 1967. № 6. С. 130

⁸³ Гарин С. Приметы времени // Урал. 1958. № 10. С. 127.

⁸⁴ Букина М., Постнов Ю. Жизнь, отданная революции // Урал. 1966. № 6. С. 154.

⁸⁵ Старостин А. Парни из легенды // Урал. 1967. № 6. С. 129.

⁸⁶ Резник Я. Чекист // Урал. 1968. № 11. С. 15.

⁸⁷ Никонов Н. Солнышко в березах. Екатеринбург. 2004. С. 12.

⁸⁸ Никонов Н. Весталка. М., 1989. С. 233.

Символом строящегося города становится «новый завод» Уралмаш – «кузница новой техники, родина многих патриотических начинаний»⁸⁹.

Как знаки старого города упоминаются Мельковка, по притокам которой еще катались на лодках, и «чудом уцелевшие» островки старого города рядом с ней: например, подробно описанная Н. Никоновым «кривая улица Основинская» с «двухэтажными, темными, состарившимися, с поломанной резьбой над окнами, с беленым кирпичным низом»⁹⁰ домами, в которых жили «ювелиры, гранильщики, камнерезы»⁹¹.

При описании города этого периода также нередко используется прием «переформатирования» старого мира, когда локусам из старого города присваиваются новые функции: величественный особняк Харитоновых-Расторгуевых превращается в «веселый, чистенький Дворец пионеров; «старый парк» с аллеями берез, дуплистыми аллеями, гордо «плавающими лебедями, полощущимися утками» становится пионерским парком «со стадионом, шахматным клубом, игротеккой, зоосадам, читальней и буфетом, городком фанерных зверей»⁹² и т.д.

Военный Свердловск описан в «Весталке» Н. Никонова – «историко-биографическом» романе с «мифологической проекцией»⁹³, где городские изменения описаны поэтапно: сначала город живет «по инерции» в довоенном режиме – с работающей танцплощадкой, бесперебойным «хлебом, сахаром, печеньем, даже новыми рижскими конфетами», гуляньями «на плотине, у пруда». Чтобы изобразить «слом» городского благополучия, вводятся знаки войны: объявления диктора о «воздушной тревоге», «керосиновые коптилки из одеколонных пузырьков»; повсюду открывавшиеся госпитали с «вечным запахом войны, крови, присохлых бинтов, воспаленных ран»⁹⁴; «толкучки –

⁸⁹ Хазанович Ю. Рабочая академия // На Урале, в рабочем краю. Свердловск, 1957. С. 43.

⁹⁰ Никонов Н. Солнышко в березах. Екатеринбург. 2004. С. 6.

⁹¹ Там же. С. 20.

⁹² Там же. С. 66.

⁹³ Граматчикова Н. Б. Мифопоэтические коды в романе Н. Никонова «Весталка» // Литература Урал : история и современность: сб. ст. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 331.

⁹⁴ Никонов Н. Весталка. М., 1989. С. 26, 25, 267.

уродливые детища войны»⁹⁵. Главным признаком военного Свердловска оказывается превращение его в город «почужелый», «суровый», «темный и тихий», где родной дом вдруг становится «ниже», пропадает «парадное крыльцо», а на окне висят «чужие шторы, чужой угол кровати в окне»⁹⁶.

Описания Свердловска 1950–60-х годов будут основаны на двух ведущих оппозициях, выстроенных в текстах –

Первая – *столичность / провинциальность*. Признаками столичности, «деловитой озабоченности, стремительного темпа жизни»⁹⁷ стали крупные гастрономы («Рыба», «Центральный»); широкие улицы (Свердлова с «только что построенными домами с высокими потолками и узкими окнами»; проспект Ленина, напоминающая «фешенебельный район с бульваром, обсаженным крепкими тридцатилетними липами»); кинотеатры («МЮД» «с блистающими на эстраде саксофонами, тромбонами музыкантов, певичками, поющими перед толпой, ждущей в фойе»); заводы («мажорный» Уралмаш и Химмаш, «казенный» завод на Плотинке).

С другой стороны, есть очевидные признаки *провинциальности* «серого и маленького» города: «ветшалые заборы, совсем развалившиеся за войну дома и домишки», «перекошенные хибарки»; бараки в районе вокзала с «кисло-тоскливой вонью беленых уборных, помоек, чадом примусов, керосинок, тухлым духом коридора и словно бы вечными в нем гулко-пьяными, дурными голосами»⁹⁸.

Вторая – *очарование / безобразие*. С одной стороны, город видится современным и удобным благодаря городской набережной, где зимой «с коньками на плече и в руках» прогуливаются после катка «парни и девчонки», а летом «сидят на скамейках» и «смотрят закаты»; благодаря особой городской атмосфере, когда летом на улицах появляются «желтые цистерны с квасом, голубые лотки с газированной водой», а весной «пахучая сирень»⁹⁹. С

⁹⁵ Никонов Н. Глагол несовершенного вида // Следы рыси. Екатеринбург, 2004. С. 202.

⁹⁶ Никонов Н. Весталка. М., 1989. С. 228, 233.

⁹⁷ Хазазович Ю. Тревоги, поиски, мечты // Урал. № 1. 1957. С. 164.

⁹⁸ Никонов Н. Весталка. М., 1989. Стр. 316.

⁹⁹ Николаев В. Суеват (Северный дневник). Урал // 1961. № 1. С. 34.

другой стороны, город многим кажется мрачным, нелюдимым из-за «домов на скорую руку», «бараков», «заборов с колючкой», «будок-проходных», «копченых корпусов», «черноты труб»¹⁰⁰ и т.д. «Чужим» в городе плохо: они замечают «серые бесконечные заборы», «грохочущие» заводы и неодушевленные конструктивистские постройки, на которые «невесело смотреть»¹⁰¹. Гостей города нередко охватывают «робость и страх», и даже появляются мысли о смерти: «... я понял, что, если сейчас не застану Элю дома, если ее не будет – я лягу и помру. От холода и тоски»¹⁰².

Атмосфера города 1970-х («индустриальной столицы Урала»¹⁰³, «культурного, административного, а уж потом промышленного»¹⁰⁴ центра, «юного, удивительного» «города-завода» в прошлом и «города-парка»¹⁰⁵ в будущем) также передается неоднозначно. Так, в свое 250-летие Свердловск видится городом с «напряженно-плановой жизнью», который, с одной стороны, «растет безоглядно и поспешно, снося и утилизируя прошлое, очарованный будущим своих проспектов и стеклом своих витрин»¹⁰⁶. Но также Свердловск воспринимается как город, «застраиваемый беспланово» с «кварталами-близнецами», которые есть в каждом насленном пункте. У города есть опасность – «стереть с лица земли казенный завод» и превратиться в «универсально-европейски безликий»¹⁰⁷ локус.

В литературе 1950–1970-х годов закрепляется канон изображения Свердловска как «города контрастов»: с архитектурной точки зрения (благодаря «разношерстной архитектуре то купеческих особняков, то конструктивистских коробок, то современных многоэтажных громадин»¹⁰⁸); с

¹⁰⁰ Никонов Н. Весталка. М., 1989. С. 293.

¹⁰¹ Путилов Б. Детство на Пароходной улице // Урал. 1980. № 3. С. 80.

¹⁰² Там же. С. 80.

¹⁰³ Сюньков Г. Неоконченный спор // Урал. 1973. № 3. С. 117.

¹⁰⁴ Хомяков О. Всё до последнего слова // Урал. 1971. № 9. С. 67.

¹⁰⁵ Свердловску – 250. Наш юбилей. Размышления после встречи с председателем горисполкома // Урал. 1973. № 11. С. 87–94.

¹⁰⁶ Шишов К. В музей или в металлолом? // Урал. 1976. № 5. С. 140.

¹⁰⁷ Там же. С. 140.

¹⁰⁸ Традиция изображения города контрастов поддерживается и в путеводителях тех лет: например, Буранов Ю. А. Пискунов В. А. Свердловск. Экскурсия без экскурсовода. Свердловск, 1973; Бердников Н. Н. Город в двух измерениях. Свердловск, 1979; Алферов Н. С., Белянкин Г. И., Козлов А. Г., Коротковский А. Э. Свердловск: (строительство и архитектура). М., 1980.

точки зрения климатических особенностей (из-за «непостоянной, капризной, причудливой», «привередливой, своенравной, своевольной»¹⁰⁹ погоды); с топографической точки зрения (на карте города выделяются такие «смысловые» зоны, как «старый город» с «деревянными теремами», «домами-замками» с «зубчатыми коронами башен и с чешуйчатыми куполами» и «заржавелыми ажурными флюгерами»¹¹⁰, которые «внушают почтение» своим благородным видом; промышленные окраины, «застроенные заводами, бетонными заборами» и отпугивающие «засыхающими соснами»; среднестатистические спальные кварталы «из пепельного кирпича и бледного бетона», «неяркого тона оштукатуренных стен», заводов, «едва слышно деловито урчащих каждый свое»¹¹¹; зона «уют и спокойствия» – район «старой» набережной, где «деревья побольше, погуще, и электричества поменьше», «больничного сада, в тихом районе переулка Химиков», парк при Дворце пионеров и т.д.).

Следует отметить и такую тенденцию, как интенсификация в литературе обозначенного периода автобиографической составляющей. Так, например, в

творчестве Л. Сорокина появляется образ «страны своего детства»¹¹², созданного при помощи принципа замещения (когда реальное место проживания – «одноэтажный деревянный дом» / «новый многоэтажный дом, самый высокий в городе» – превращается в идеализированный «островок детства»); переключения временных планов (с прошлого на настоящий момент «ностальгирования»¹¹³); введения образов-символов (деталей, отсылающих к определенным жизненным этапам детства и юности¹¹⁴); повышенной эмотивности и т.д.

¹⁰⁹ Очеретин В. Трижды влюбленный в Урал // Урал. 1970. № 7. С. 48.

¹¹⁰ Никонов Н. Глагол несовершенного вида. Екатеринбург, 2004. С. 356.

¹¹¹ Очеретин В. К. Верен себе // Урал. 1984. № 10. С. 15.

¹¹² Сорокин Л. Школьные годы. Свердловск, 1980. С. 7.

¹¹³ «Теперь парадный двор не узнать. Фонтан уже много лет не работает. Кусты сирени и яблоньки вырубил. Говорят, густая зелень заслоняет окна. Но почему же раньше сирень и яблони не мешали солнечному свету?» (Сорокин Л. Школьные годы. Свердловск, 1980. С. 10).

¹¹⁴ «Я очень любил эти тополя, мощные, ветвистые. Их никогда не касались гигантские ножницы садовников. И они счастливо шумели листвой в вышине. Сколько было тем тополям лет? Может быть, сто или двести?»

Таким образом, на материале текстов 1950–80-х годов можно отследить, как постепенно складывалась устойчивая модель описания города. Введение исторических фактов, представление городских панорам, прогулок по городу, указание на ключевые локусы (вокзал, Ипатьевский особняк, дом Харитоновых-Расторгуевых), подключение точки зрения местных жителей и «чужих» – тот набор средств, который был выработан для создания образа «большого уральского города, меняющегося от десятилетия к десятилетию»¹¹⁵.

В 1990-е годы город появится в художественных текстах представителей Уральской школы драматургии, Уральской поэтической школы: поэтических и прозаических текстах И. Сахновского, испытывающего «нежность вопреки» к тяжелому свердловскому пространству; Ю. Казарина, воспринимающего Екатеринбург как город «мегаполисный», «мертвый»; М. Никулиной, улавливающей «животворную силу города, настоящую на истории и мифологии края»; В. Чепелева, любящего «локализовывать себя в пространстве» города и «отождествляющего город с человеком»¹¹⁶.

Кроме того, популярным оказывается формат эссе, «интересных историй», творческих путеводителей, посвященных городу («Прогулки по Екатеринбургу», «Литературный квартал» В. Лукьянина и М. Никулиной; «Последние дни Романовых» М. Никулиной). При этом формы репрезентации города с «непреднамеренным смешением прошлого, настоящего и будущего, бесприметного и обыденного, прекрасного и, скажем так, вызывающего огорчение»¹¹⁷, оказываются еще более усложненными.

Как оригинальный культурный текст, «полноправная модель мира», цельная, сильная, узнаваемая и неоднозначная, будет рассмотрен исследователями образ города в поэзии Бориса Рыжего. Неоднозначность

Кого они только не видели на своем веку? Первых строителей нашего города, которые их посадили. Первых революционеров <...> И красных борцов <...> И нас, маленьких, которые прятались за широкие стволы, когда играли в прятки. И нас, более взрослых...» (Сорокин Л. Школьные годы. Свердловск, 1980. С. 110).

¹¹⁵ Слобожанинова Л. Две повести Николая Никонова // Урал. 2004. № 6. С. 140–147.

¹¹⁶ Комаров К. Жить можно. Свердловск / Екатеринбург: город и поэты [Электронный ресурс] / К. Комаров // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 115–134. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/4/zhit-mozhno.html> (дата обращения: 25.04.2018).

¹¹⁷ Лукьянин В., Никулина М. Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург, 1998. С. 7.

городскому образу, по мнению Н. И. Онуфриевой, задают полярные характеристики: историчность и внеисторичность («воплощение советской системы» и «город без истории, без памяти»); заурядность и заряженность культурными смыслами («типичный современный город» и «модель мирового города в его современном обличье»); «отстраненность» и родство («слепок советской эпохи» и «память детства»)¹¹⁸.

Т. А. Арсенова, рассуждая об образе Вторчермета в поэтическом мире Б. Рыжего, опирается на геопоэтический и рецептивно-литературоведческий подходы к образу места и анализирует, как образ Вторчермета «складывается и функционирует в разных средах читательского восприятия – массовой, литературно-критической, литературоведческой»¹¹⁹. По мнению исследователя, для массового читателя, пользующегося литературой «инструментально», «в качестве путеводителя» и мыслящего, прежде всего, «наглядно», Б. Рыжий оказался «поэтом-топофилом», чье творчество хочется видеть узнаваемым, возникающим на «причинно-следственных связях между средой детства и судьбой художника». В отношении литературно-критической рецепции отмечается подобная закономерность: образ Вторчермета воспринимается как феномен, «устойчивая, тиражируемая словесно-образная формула с авторитетным авторством».

Органично функционирует образ Свердловска / Екатеринбурга в прозе Н. Смирновой. Городское пространство в «Фабрикантше» и «Любовных историях цветов и овощей», по наблюдениям Е. К. Созиной¹²⁰, предельно символизировано, приближено к мифу. Рассмотрение городских локусов, описанных в текстах, наблюдение за самоощущением героев в екатеринбургском пространстве, выделение трех «семантически значимых и целостных локусов города, которые по-разному оцениваются и имеют разные изобразительные возможности в тексте», приводят исследователя к

¹¹⁸ Онуфриева Н. И. «Сказочный Свердловск» Бориса Рыжего // Литература Урала: история и современность. Вып. 4, 2008. С. 188-195.

¹¹⁹ Арсенова Т. А. Вторчермет Бориса Рыжего на литературной карте России: к проблеме читательской рецепции // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 31–36.

¹²⁰ Созина Е. К. «Екатеринбургский текст» Натальи Смирновой / Е. К. Созина // Урал. 2005. № 4. С. 220–225.

следующему выводу: проза Смирновой может рассматриваться как своеобразный мифотекст, где сильно авторское желание задать городу мифологические координаты, вписать город в «общемировую топосферу русской литературы».

В статье Е. В. Харитоновой «Образ Екатеринбурга в прозе С. Петрова» формулируются некоторые общие наблюдения относительно особенностей конструирования екатеринбургского образа в современной прозе: Екатеринбург в прозе местных авторов (в частности, и С. Петрова) дается, с одной стороны, достаточно детализировано (благодаря «сугубо екатеринбургской конкретике»), с другой – разъято и слабо собрано. Читатель по топографическим маркерам, рассыпанным по тексту, узнает уральскую столицу, но никогда не ощущает присутствия цельного образа Екатеринбурга. «Единого образа города как такового нет, он распадается и раздробляется»¹²¹ на реальный, словно сфотографированный и ирреальный, являющийся плодом авторской воли и фантазии.

Стоит отметить, что современные исследователи, рассуждая об образе, имидже Свердловска / Екатеринбурга, обращаются не только к художественным текстам. Так, например, Е. Г. Соболева, исследуя проблему формирования мифа «Екатеринбург – третья столица» в средствах массовой информации, выходит к следующей логике возникновения стереотипа «столица Урала»: конструирование мифа «третья столица» как инструмента манипулирования в екатеринбургском политическом дискурсе → тиражирование стереотипа в медиа-сфере → эмоционально-психологическое принятие предложенного мифа жителями города. Итогом исследования стало следующее умозаключение: «Миф “Екатеринбург – третья столица” технологичен, искусственно создан. Отвечая потребностям массового

¹²¹ Харитонова Е. В. Образ Екатеринбург в прозе С. Петрова // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург. 2006. Вып. 2. С. 92.

сознания, он живет на страницах газет и журналов, циркулирует на уровне обыденной жизни»¹²².

Аспекты проблемы изучения образа Екатеринбурга обозначаются в ряде разноформатных исследований. Так, в качестве примера можно привести прошедший в Объединенном музее писателей Урала (19.02.2009) студенческий семинар «Образ Урала: современные бытописатели и мифотворцы». Культурологи, искусствоведы, филологи из разных ВУЗов рассуждали о специфике восприятия екатеринбургского пространства и вышли к ряду выводов –

Город Екатеринбург располагает официальным и неофициальным вариантами образа. При этом официальный образ создается через использование таких стереотипов, как Екатеринбург – «третья столица», «опорный край державы», «визитная карточка Урала», «город на границе Европы и Азии», «место российского покаяния», «индустриальный гигант». Творцами неофициального образа уральской столицы оказываются писатели, целенаправленно рисуящие город особенным (через создание новой мифологии, наполнение пространства личными историями), представители неофициальной культуры (например, старик Букашкин, пытавшийся придать городской среде дополнительный духовный смысл) и сами екатеринбуржцы (также желающие видеть город в «добрых и симпатичных» красках).

Образ Екатеринбурга в современной художественной литературе (на основе анализа пьесы «Подземный Бог» А. Архипова, поэзии Бориса Рыжего, романов «2017», текстов «Бессмертный», «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» О. Славниковой) выстраивается с опорой на существующие стереотипные представления: город-завод, город-труженик, столица Урала, город-миллионик и др. Описывая город как закрытое, индустриальное

¹²² Соболева Е. Г. Формирование мифа «Екатеринбург-третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 102. К образу Екатеринбурга в публицистических текстах также обращается Е. Ю. Дуреко. Рассматривая публицистический дискурс Екатеринбурга в мае-июле 2009 года (во время проведения саммита ШОС), исследовательница приходит к выводу: Екатеринбург в абсолютном большинстве текстов был явлен в качестве «столицы Урала» и «третьей столицы», и именно эти две номинации «концентрировали вокруг себя определенные наборы тем и смыслов» (Дуреко Е. Ю. Образ Екатеринбурга в медийном дискурсе: динамика актуальных смыслов // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 374).

пространство, авторы при этом пытаются расширить его «символический потенциал», создавая, интерпретируя занимательные городские истории.

«Екатеринбург культурный» (на материалах о деятельности Старика Букашкина и проекта «Artonsite») рассматривается как пространство живое, творческое, открытое («аскетичное, серое и единообразное пространство индустриального города может трансформироваться в локальные оазисы присутствия тепла живого человека»¹²³), но при этом застывшее, историчное, сохранившее в себе отпечатки определенных событий и периодов.

Екатеринбург в восприятии жителей трактуется, прежде всего, через факты «нагромождения» исторической памяти (упоминание официальных памятников, музеев, туристически привлекательных мест)¹²⁴. Но вместе с тем это всегда личностный образ – интересный, яркий, динамичный. Екатеринбургцу, «чтобы не просто любить свой город, чувствовать свою принадлежность к нему, но и гордиться им, уверовать в то, что нет лучше места на земле, необходим образ этого города, зафиксированный в добрых и симпатичных мифах, которые не стыдно будет и внукам рассказать»¹²⁵.

Изучение особенностей образа Свердловска / Екатеринбурга осуществляется на разном материале – в художественной литературе, текстах средств массовой информации, непрофессиональных текстах, воспоминаниях. Исследователями используются разные с методологической точки зрения принципы: рецептивный подход к анализу образа города (описание, историко-культурный комментарий), структурно-семиотические приемы описания (считывание значимых составляющих «городского текста», выход к городской символике), геопанорамные способы работы с городским образом (поиск культурных закономерностей в «местном» материале).

Суммируя, можно отметить некоторые общие наблюдения, на которые мы будем ориентироваться и которые будем развивать: образ

¹²³ Костина Д. Арт-движение «Старик Букашкин»: новая мифология или живое творчество? // Литературный квартал. 2009. № 2. С. 59.

¹²⁴ Егорова В. Образ Екатеринбурга в сочинениях школьников // Литературный квартал. 2009. № 2. С. 67.

¹²⁵ Шампаров Ф. Миф как аутотренинг территории // Литературный квартал. 2009. № 2. С. 65.

Екатеринбурга, как правило, включает в себя «историческую составляющую», отсылку к какому-либо историческому периоду или событию (основание, революционные годы, расстрел Романовых, переименование, война, перестройка и т.д.); в образе Екатеринбурга нередко проговаривается мотив «пограничности», а вместе с ним амбивалентности – провинциальности и столичности, стихийности и цивилизованности; для образа Свердловска / Екатеринбурга характерно доминирование отрицательных коннотаций: это «удушающий город, где невозможно жить и где именно эта невозможность оборачивается единственной возможностью творить и говорить»; где завязаны воедино жизнь и смерть «с побеждающей – через память, веру, иронию – вроде бы жизнью»¹²⁶.

Хотя современные исследователи достаточно часто оперируют понятием «екатеринбургский текст»¹²⁷, мы сознательно от него уходим, так как он предполагает создание «некой матрицы», в которой определенным образом обобщены разнородные тексты и зафиксированы закрепленные в текстах и массовом сознании формулы, соотносимые с территорией.

Настоящее исследование имеет более описательный характер: нас интересуют не формулы – результат «обработки» «множества источников» («творчество “местных” писателей, образ региона в произведениях общероссийской литературы, научно-популярные книги и сайты, экспозиции музеев, книги краеведов, арт-проекты и проч.»¹²⁸), но варианты представления Свердловска / Екатеринбурга, воплощенные в текстах разной жанрово-видовой природы.

Методика настоящего исследования основана на заимствовании и адаптации уже разработанных приемов работы с образом города

¹²⁶ Комаров К. Жить можно. Свердловск / Екатеринбург: город и поэты [Электронный ресурс] / К. Комаров // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 115–134. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/4/zhit-mozhno.html> (дата обращения: 25.04.2018).

¹²⁷ Абашев В. В. Пермь как текст : Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000; Люсьей А. П. Крымский текст русской культуры и проблем мифологического контекста : дис. ... канд. культурологи. М., 2003; Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005; Милокова Е.В. Культурное самоопределение провинции в самостоятельной литературе Южного Урала советского периода : дис. ... канд. культурологи. М., 2006.

¹²⁸ Барковская Н. В. Путешествие по Уралу с книгой: материалы для элективного курса // Филологический класс. 2016. № 1(43). С. 31.

(классификация, интерпретация «городского материала», описание истории, мифологии, осмысление городской повседневности). Нами выработана собственная нежесткая аналитическая схема. Во-первых, мы обращаем внимание на жанрово-видовую специфику текстов и систему ее жанровых носителей (Н. Лейдерман): тематику, композицию, субъектно-объектную организацию. Во-вторых, мы пытаемся объяснить моделирование образа Екатеринбурга через поставленные авторами художественные цели, проговариваемую стратегию. В-третьих, мы рассматриваем образ города в тексте, обращая внимание на постоянные способы изображения локуса: фиксирование городской атмосферы, обозначение маршрутов, представление городских панорам, введение образов местных жителей, подключение образов других локусов и т.д.

Цель исследования: проанализировав современные прозаические тексты, действие которых разворачивается в Свердловске / Екатеринбурге, выявить основные тенденции формирования образа города.

Рассматривая образ города в текстах различной жанрово-видовой природы, мы будем преимущественно оперировать типологической категорией «жанр». Не вдаваясь в различия существующих теоретических подходов¹²⁹, мы будем в целом исходить из того, что жанр – «важнейшее основание для типологических представлений»¹³⁰; «концепция, ставшая “конструкцией” художественного произведения»¹³¹, «система художественно-завершающего оформления действительности в целостный образ мира»¹³², а носителями жанра считать субъектную организацию, хронотоп, пневмосферу (ключевые символы, образы), ассоциативный фон (внетекстовую сферу, зону подтекста).

¹²⁹ Исследования М. М. Бахтина, В. М. Головки, В. В. Кожина, Д. С. Лихачева, Г. Н. Поспелова, Ю. Н. Тынянова, Эсалнек А. Я. Среди современных исследований следует отметить работы Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы, Ю. Н. Чумакова. Среди уральских исследователей следует отметить И. А. Дергачева, Н. Л. Лейдермана, А. С. Субботина, и их последователей И. Е. Васильева, С. И. Ермоленко, О. В. Зырянова, Т. А. Ложкову, А. В. Маркина, Н. В. Смирнову, Т. А. Смигиреву, Е. К. Созину и др.

¹³⁰ Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Смигирева, Е. К. Созина и др. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 4.

¹³¹ Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 47.

¹³² Там же. С. 24.

При этом мы отдаем себе отчет, что, являясь подвижной структурой, «оживая или актуализируясь, жанровый канон каждый раз воплощается в исторически своеобразной типологической разновидности, со-формной новому социальному и культурному контексту»¹³³. Словно в подтверждение тенденции к уходу от строгих жанровых форм и «авторизации» жанровых определений мы видим специфические номинации жанров: например, «уральский семейный роман», «сборник сновидений и грез», «удивительные истории из жизни людей города Е.» – «автометатекстуальные элементы»¹³⁴, которые задают траекторию функционирования (предназначения и рецепции) текста.

Обозначенная цель определяет следующие **задачи**:

- 1) выявить корпус текстов словесности 2000–2010-х гг., в которых представлен развернутый образ Свердловска / Екатеринбурга;
- 2) охарактеризовать общие тенденции в разработке образа Свердловска / Екатеринбурга в прозаических текстах 2000–2010-х гг.;
- 3) проанализировать специфику конструирования образа города в текстах с автобиографическим началом;
- 4) выявить закономерности в формировании образа города в социально-психологической прозе;
- 5) рассмотрев образцы документально-очерковых текстов, посвященных Екатеринбургу, описать способы тематической репрезентации в них образа города;
- 6) изучить варианты создания образа Свердловска / Екатеринбурга в текстах с фантазмагорической фабулой;
- 7) сделать выводы о взаимодействии между создаваемыми образами Свердловска / Екатеринбурга, общественными обсуждениями своеобразия города, индивидуальными авторскими творческими установками.

¹³³ Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 47.

¹³⁴ Зенкин С. Теория литературы. С. 169.

Объект исследования – образ Свердловска / Екатеринбурга в прозаических текстах современной художественной и художественно-документальной литературы. **Предмет** исследования – поэтика создания образа Свердловска / Екатеринбурга.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые проводится сравнительно-сопоставительное изучение образа Екатеринбурга на материале корпуса прозаических произведений 2000–2010-х гг. (23 текста). В широком историко-культурном контексте выявлены структурно-смысловые особенности представления образа города в зависимости от жанровых особенностей текстов.

Структура работы определена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

Во **Введении** раскрываются актуальность темы, степень ее изученности, формулируются цели и задачи, описываются теоретико-методологическая основа, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, методика исследования, положения, выносимые на защиту, степень достоверности и апробация результатов.

В *первой главе* анализируется образ Екатеринбурга в современной автобиографической прозе. Материалом стали воспоминания Владимира Цыганова «Мой Екатеринбург. Записки еще не старого жителя» (1999), повесть Германа Дробиза «Мальчик. Фрагменты жизни» (2003), книга «Монастырская роща» (2003) Владимира Блинова, цикл рассказов Ирины Шаманаевой «Улица пирамидальных тополей» (2007), книга воспоминаний Виталия Воловича «Мастерская» (2017), Алексея Рыжкова «Нарисованный город» (2012), автобиографическое повествование Натальи Факовой «Дворы моего детства» (2006), сборник Евгения Касимова «Физиология Екатеринбурга» (2009), эссе Игоря Турбанова «Екатеринбург: пять бликов» (2010), воспоминания Софьи Демидовой «Детство в Свердловске» (2011).

Во *второй главе* изучаются особенности функционирования образа Свердловска / Екатеринбурга в современной социально-психологической прозе: романе Александра Чуманова «Три птицы на одной ветке» (2003), книгах Анны Матвеевой «Девять девяностых» (2014), «Завидное чувство Веры Стениной» (2015), романе «Ненастье» (2017) Алексея Иванова.

В *третьей главе* рассматриваются тексты, близкие по своей жанрово-видовой установке к документальному очерку: современные путеводители по городу, «Уралмашевски байки» (2004) Сергея Агеева и Юрия Бриля, «Город Бург» (2005) Сергея Платона, «Невыдуманные рассказы» (2011) Евгения Ройзмана, эссе «Поехали» (2013) Марии Голдиной; книги очерков «Ёбург» (2014) Алексея Иванова, «Горожане» (2017) Анны Матвеевой.

В *четвертой главе* представлены «фантазмагорические» образы Свердловска / Екатеринбурга в романах и повестях: «Не буди!» (1999) Олега Батталова и Сергея Петрова, «Екатеринбург» (2004) Валерия Исхакова, «Урал атакует» (2011) Владимира Молотова, «2017» (2011) Ольги Славниковой, «Отдел» (2015) и «Петровы в гриппе и вокруг него» (2017) Алексея Сальникова, «Рябиновая революция» (2015) Вадима Дубичева и «Год культуры» (2016) Дениса Каменщикова; сборнике Эдуарда Кубенского «Урбанистические сны» (2014),

В *Заключении* подводятся итоги исследования, намечаются перспективные направления дальнейшего изучения проблемы.

Список литературы включает **322 наименования**.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении литературоведческих параметров описания образа города в художественных текстах различной жанровой природы. Исследование вносит вклад в разработку теории образа города: реализованный исследовательский подход может быть использован для анализа образов других городов, занимающих нецентральные позиции на литературной карте.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения его результатов в преподавании курсов по истории региональной

литературы, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по культуре и истории Екатеринбурга.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Опираясь на сложившийся в литературе XIX-XX вв. образ Свердловска / Екатеринбурга, авторы художественной и документально-художественной прозы XXI в. продолжают традицию изображения города как изначально неоднородного, вызывающего смешанные чувства притяжения и отторжения. В произведениях современных авторов в основу концепции образа Свердловска / Екатеринбурга положено представление о противоречивой природе этого места, выраженное в устойчивом эмоциональном противопоставлении невыразительного и яркого, неинтересного и загадочного, милого и надоевшего, раздражающего и необходимого. Типичное для предшественников стремление определять город через сущностные образы-формулы (например, «настоящий горный город», «железный город», «город-стройка, город-завод», «третья столица») в современной прозе отходит на второй план.

2. В XXI в. продолжает складываться корпус разноплановых текстов, действие которых разворачивается в Свердловске / Екатеринбурге. Можно утверждать, что современные авторы, как постоянно, так и периодически живущие или работающие в Екатеринбурге, включены в жизнь, ритм города, осведомлены в современных урбанистических теориях, поддерживают систему творческих взаимосвязей. Они постоянно обращаются к изображению города, настойчиво ищут новые символические ресурсы обновления образа Свердловска / Екатеринбурга в истории города и страны, предлагают смотреть на город с неожиданных ракурсов.

3. В автобиографической прозе в центре повествования оказывается фигура ностальгирующего горожанина, который вспоминает прошлое, анализирует настоящее и стремится связать воедино разведенные по времени события жизни. Его личная история включена в историю городскую, при этом город изображается не как фон, но как неотъемлемая часть прошлого

конкретного человека. Эксплицитно и имплицитно выраженная субъективность меморативных текстов позволяет авторам передавать динамичную историю своих собственных взаимоотношений со Свердловском / Екатеринбургом.

4. В социально-психологической прозе о вымышленных жизнеподобных событиях детали образа города обычно фрагментарны и преломлены сквозь призму сознания персонажей. Повествователь занимает нейтральную позицию наблюдателя, передающего размышления персонажей о городе, их мнение, выраженное в монологах, диалогах, спорах, отдельных репликах. За счет столкновения нескольких точек зрения персонажей осуществляется субъективное «районирование» пространства города и сравнение Свердловска / Екатеринбурга с другими столичными и периферийными населенными пунктами.

5. В документальной прозе очеркового типа ведущими приемами создания образа Свердловска / Екатеринбурга являются обусловленный прагматической задачей создателя текста «целевой» подбор фактов из истории и современной повседневности города, воспроизведение разнородных городских «баек», четкая топографическая разметка городского пространства, апелляция к заинтересованному городом читателю. Рассказ о городе оказывается одним из инструментов самоидентификации автора-повествователя, который раскрывает себя через выражение отношения к городу, открыто заявляет свою позицию ответственного горожанина, предлагает инициировать изменения в жизни города, вводить в нем новые добрые традиции и т.д.

6. Авторы романов с фантасмагорической фабулой создают образы двойников города, комплектуют корпус таинственных городских историй, вводят устойчивые мотивы «плохого места» (злого гения места, искаженной карты, нечистой силы), локализуют таинственное и необычное на карте города. Фантасмагорическая фабула подчеркивает цельные авторские концепции «другого» Екатеринбурга: города с «затемненной историей»

(В. Исхаков), саморазрушающегося мегаполиса во власти хтонических сил (О. Славникова), футуристического new-Екатеринбурга (Э. Кубенский) и др.

7. В современных литературных текстах о Свердловске / Екатеринбурге фиксируются архитектурные, ландшафтные и т.п. средовые изменения в городе, передается атмосфера актуальных дискуссий о судьбе и статусе Екатеринбурга. Специфика образа города в каждом конкретном случае определяется как творческой установкой автора, параметрами жанрово-видового типа текста, широким литературным контекстом, так и внелитературными факторами.

Степень достоверности результатов исследования определяется достаточным числом привлеченных для анализа прозаических текстов различной художественной природы (романов, рассказов, повестей, путеводителей, очерков); использованием соответствующих целей и задач методик анализа текста; привлечением многочисленных исследований по культуре и истории Свердловска / Екатеринбурга; мониторингом современной культурной обстановки в городе.

Апробация результатов. Основные положения и выводы исследования были изложены в виде докладов на студенческой конференции «Образ Урала: современные бытописатели и мифотворцы» (2009), докладов на всероссийской конференции «Юбилейные дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2011), международной конференции «Литература Урала – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей)» (Екатеринбург, 2012), международной научно-практической конференции «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» (2018), всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения» (Екатеринбург, 2018).

Всего по теме диссертации опубликовано 8 работ, среди которых 3 публикации в рецензируемых журналах ВАК РФ.

Глава 1. Образ Екатеринбурга в автобиографической прозе

Цель настоящей главы – рассмотреть структуру образа Свердловска / Екатеринбурга в корпусе разножанровых текстов, относимых к мемуарно-автобиографической прозе (воспоминания, эссе, повести, рассказы)¹³⁵.

Современными исследователями текстов с меморативным началом неоднократно систематизировались жанрово-видовые показатели автобиографической прозы¹³⁶. Для нас важно, что тексты с меморативным началом – это тексты, прежде всего, с особым типом авторского целеполагания – «субъективным отражением пройденного отрезка жизненного пути, состоящим в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний»¹³⁷. Основная цель «автобиографов» (испытывающих «нестерпимо щемящее ощущение недосказанности, невыговоренности») – рассказать о себе и своей жизни, дать оценку пройденному пути, заключив собственную историю в наиболее подходящую художественную форму.

Неслучайно устойчивым жанровым включением в тексты меморативного типа оказываются автокомментарии. Так, еще П. П. Бажов рассуждал о необходимости заключения собственного жизненного опыта в подходящую форму и одновременно заведомой ее ограниченности: «Наш город я знаю с 1889 года, то есть почти в течение 56 лет <...> В силу этого мне кажется правильным просто дать свои воспоминания о городе на разных этапах жизни, которую приходилось наблюдать. Трудность здесь, на мой взгляд, в так

¹³⁵ В последнее время жанр автобиографии активно изучается в философии (О. С. Гребенюк, С. В. Ковыршина), психологии (Я. М. Еремеева, В. В. Нуркова, Е. Е. Сапогова, Ю. Б. Шлыкова), социологии (В. Б. Голофаст, С. А. Губина), культурологи (С.Б. Борисов), лингвистике (В. А. Даулетова, О. Е. Ломова, Е. А. Кованова, Б. И. Осипов). Среди литературоведческих исследований можно перечислить работы А. В. Антюхова, С. Б. Борисова, Л. И. Бронской, Г.Е. Гюбиевой, Ю. В. Дмитриевой, Г. Г. Елизаветиной, Я. М. Еремеева и т.д.

¹³⁶ Например, достаточно полно описаны признаки автобиографического повествования в диссертационном исследовании С. В. Волошиной: ретроспективность, прозаическая форма изложения материала, хронологически последовательное изложение событий, тождество автора, повествователя и героя, память как важнейшая категория автобиографического повествования, открытость автобиографии, соотношение прошлого и настоящего, особая пространственная и временная организация, план зрелого повествователя в настоящем и план его «Я» в прошлом, ярко выраженное личностное начало, соотношение субъективного и объективного начала, наличие у автора концепции рассказа о своей жизни.

¹³⁷ Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М., 2001. С. 32.

называемых габаритах биографии. Ведь каждый из нас в зависимости от того положения, в котором находился, одно знает больше, другое меньше, третье совсем поверхностно, четверное вовсе никак <...> Недостаток мемуарной литературы – “ее узкая односторонность”, “опасность впасть в поверхностность”»¹³⁸.

Виталий Волович в фундаментальной книге воспоминаний «Мастерская» предлагает философические рассуждения о сущности автобиографии: «Мемуары – это только видимость биографии. На самом деле, это особый вид литературы, относящийся, скорее, к мифологии. Это почти неизбежная <...> мистификация с элементами реального. Вымысел, которому приписывается достоверность. Художественная литература, переодетая в документалистику»¹³⁹.

Традиция написания текстов с меморативным началом, местом действия которых обозначен Свердловск / Екатеринбург, устойчива: творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова, Н. Никонова, Л. Сорокина – показатель продуктивности жанровой традиции¹⁴⁰.

Популярны также публикации устных историй горожан в различного рода изданиях: «Уральском рабочем», «Вечернем Екатеринбурге», журнале «Веси», в ряде путеводителей, отдельных книгах¹⁴¹. Объединенные в тематическом, композиционном, стилевом, прагматическом планах воспоминания горожан, как нам кажется, могут быть рассмотрены как комплекс. Прежде всего, это тексты, написанные особым типом рассказчика – отличающегося цепкой памятью, хранящего «память места», выбирающего «эмоциональный» стиль повествования. Вспоминая о прошлом «с

¹³⁸ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. С. 56.

¹³⁹ Волович В. М. Мастерская. Екатеринбург, 2017. С. 373.

¹⁴⁰ См., например: Лапина А. Ностальгические заметки на полях театральной программы // Урал. 2001. № 1. С. 225–236; Решетникова Н. Мои драгоценные люди : лирико-театральные заметки // Урал. 2002. № 10. С. 241–252; Якимова Н. Записки советского журналиста // Урал. 2013. № 2. С. 183–214; Коновалова М. Вспоминая Романа Тягунова // Урал. 2012. № 8. С. 165–194; Никонов Н. «Хочу быть в русской нашей литературе первым...» : из потаенных дневников (1979-1980) // Урал. 2016. № 1. С. 182–197.

¹⁴¹ См., например: Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми. Екатеринбург, 2013; Погодин С. А. История, тайны и легенды Дома Чекиста в воспоминаниях, фотографиях и документах. Екатеринбург, 2016; Большой террор в частных историях жителей Екатеринбурга. Екатеринбург, 2018.

благодарностью», «трепетом», делаясь «радостью», «изумлением», страхом, тревогой, старожилы ностальгируют и одновременно передают свой опыт жизни в городе.

При этом в структурном отношении воспоминания объединяет комплекс повторяющихся микротем: тема двора как особого «детского пространства», хранящего воспоминания о досуге, играх, детском коллективе; тема бытовых мелочей; тема «архитектурной зоркости» (появляются воспоминания о времени, когда Свердловск активно строился, «менялся и рос на глазах новыми высотными домами»; фиксируются впечатления, которое производили как новые, так и старые городские постройки); тема «любопытного» (введение городских баек, анекдотов, историй); тема тяжелого опыта (пунктиром проходит тема политических репрессий, трудового подвига, военного и послевоенного режима).

Несмотря на то, что многие ответы горожан, видимо, спровоцированы вопросами журналистов, заданной темой, в художественных автобиографических текстах мы видим переплетение индивидуальной и коллективной памяти; переход перечисленных микротем в устойчивые мотивы; трансформацию повышенной «эмотивности» в структурную «сбивчивость» повествования, «равновесные» переключения от прошлого к настоящему.

При этом взаимодействие между прошлым и настоящим в воспоминаниях старожилов и текстах профессиональных авторов будут принимать разные формы. Только в «художественной проекции» образ города будет выступать в качестве как инструмента авторской самоидентификации, так и «автономной смысловой реальности».

В настоящей главе образ Екатеринбурга будет рассматриваться в разножанровых текстах с выраженным автобиографическим началом:

- в лирической повести «Мальчик» Германа Дробиза (в которой, согласно жанровому канону, «осваивается <...> определенный аспект отношений человека и действительности, постигаемый как процесс»¹⁴²);

- в циклах рассказов «Улица Пирамидальных тополей» И. Шаманаевой, «Монастырская роща» В. Блинова, «Записки еще не старого горожанина» В. Цыганова. «Подобно мозаике», сборники содержат «переключки коллизий и целых сюжетов, сцепления образов и мотивов, столкновения и отражения характеров и судеб в разных рассказах»¹⁴³. При этом скрепляющим основанием выбранных циклов (помимо судьбы центрального персонажа, рассказчика, архитектоники¹⁴⁴, сквозных мотивов) выступает «устойчивость топографического облика» (Лейдерман);

- в эссе Игоря Турбанова «Екатеринбург: пять бликов», Владимира Бачинина «Геология и социология зла (несентиментальное путешествие из Петербурга на Уралмаш)»;

- в гипертексте Алексея Рыжкова «Нарисованный город», согласно авторскому определению, «длинном рассказе в картинках про город»;

- в воспоминаниях Натальи Факовой «Дворы моего детства» и Софьи Демидовой «Детство в Свердловске», сборнике Евгения Касимова «Физиология Екатеринбурга»;

- в «Мастерской» Виталия Воловича – «автобиографических записках» с философским обоснованием дать «ответ на осознанную необходимость», желанием «преодолеть возникшую в определенный момент пустоту и одиночество», «что-то понять в своей жизни»¹⁴⁵. Это сложно организованное повествование, включающее лирические отступления о загадках творчества и способе диалога художника с городом; философические рассуждения о жизни, искусстве, жизненном выборе; портреты местных деятелей культуры и

¹⁴² Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 263.

¹⁴³ Там же. С. 233.

¹⁴⁴ «Для циклических построений в высшей степени характерна поэтика архитектоники текста. Автор цикла буквально высчитывает соположение новелл, стараясь выделить узловую новеллу или гнездо узловых новелл, симметричные связки, особенно тщательно разрабатывая переключки между начальным и финальным рассказом» (Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 238)

¹⁴⁵ Волович В. М. Мастерская. Екатеринбург, 2017. С. 7.

искусства; многочисленные вставные «тексты в тексте» («Дневник мамы», «Из школьного дневника», «Из дневника 2001», «Из записной книжки» и т.д.).

В целом, стоит отметить, что в современной автобиографической прозе проявляется тенденция к «монтажу и циклизации»: как пишет Т. Н. Маркова, «свободное и просторное жанровое поле цикла создает наиболее комфортные условия для реализации многожанрового мышления, для экспериментов по скрещиванию жанров, для эстетической игры»¹⁴⁶.

С тематической точки зрения выбранные для анализа тексты представляют семейные или личные хроники, выстраивающиеся на основе процесса воспоминания, закономерно нарушающего хронологическую последовательность: эпизоды из детства рассказчиков перемешиваются с воспоминаниями, биографиями, словесными портретами родственников. Многочисленные истории из «семейных архивов» обретают самостоятельный характер и художественно оформляются рассказчиками, чтобы затем превратиться в своеобразные «семейные предания». Образы родственников «съеживаются до квадратика пожелтевших фотографий» и оказываются «на укромной полке памяти в обрамлении из баек, анекдотов, любимых привычек и поговорок»¹⁴⁷.

Повествование в корпусе автобиографических текстов будет разворачиваться в двух направлениях: с одной стороны, это воссоздание истории (семейной и личной), с другой – попытка авторов определить, что для них важно *сегодня*. В соответствии с такой специфической организацией текста выстраивается и многослойный образ Екатеринбурга, оказавшегося «скрепой» в разворачивающихся историях.

1.1. Свердловск / Екатеринбург как место действия

Осознанно или неосознанно автобиографы смотрят на город максимально топографично: делают многочисленные пространственные

¹⁴⁶ Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). М., 2003. С. 233.

¹⁴⁷ Шаманаева И. Улица Пирамидальных тополей // Звезда. 2007. № 12. С. 71.

отметки, размечают, «зонируют» городское пространство и тем самым приходят к конкретной узнаваемости места. Память оказывается почти бездонной: «Напрягая память еще и еще, удается извлечь из ее глубины то, что, казалось бы, прочно забыто, и, заканчивая эти заметки, обнаруживаю, что могла бы добавить еще столько же»¹⁴⁸.

В целом, для автобиографических текстов характерно использование двух типов пространственных моделей. Первая модель, разворачивающая фабулу «взросление», строится по принципу расширяющихся кругов: «пространство самого раннего воспоминания» (комната, дом) > двор > улица > город > другие города. Круги включены друг в друга и связаны между собой образом главного героя, который растет, взрослеет, осваивается в городе, постепенно расширяет свой жизненный и городской кругозоры.

«Кольцеобразная» топография описывается Виталием Воловичем: «Миров было множество, и переход из одного мира в другой, из одного времени в другое совершался с такой легкостью, с какой это происходит только в детстве, когда между миром воображаемым и реальным нет никаких границ. Школа была отдельным миром. Дом – тоже. Отдельным миром была улица. Везде были свои законы».¹⁴⁹

Как «машину времени» воспринимает свой способ восприятия Алексей Рыжков: «Глядишь на такую картинку, а она сама собой продолжается: вокруг храма – машина, вокруг машины – книжка с буквами, вокруг книжки кожаната или трамвай, в котором Вы сидите, любезный читатель. Трамвай – в городе, город – в стране, страна – на планете, планета – в космосе»¹⁵⁰.

Вторая пространственная модель выстраивается по принципу «белых пятен», когда автор наносит значимые точки на карту Свердловска / Екатеринбурга «спорадически», соотнося их с логикой фабулы «жизни в городе вообще».

¹⁴⁸ Демидова С. Детство в Свердловске // Урал. 2011. № 6. С. 106.

¹⁴⁹ Волович В. М. Мастерская. Екатеринбург, 2017. С. 28.

¹⁵⁰ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 133

«Кольцеобразная» топография и топография «белых пятен» поддерживаются зонированием екатеринбургского пространства через оппозиции внутреннее – внешнее, близкое – дальнее. В категорию «внутреннего» попадают дома главных героев, обозначенные с большей или меньшей точностью: «старый дедушкин дом» автобиографического героя Владимира Блинова на «милой, родной» улице Степана Разина¹⁵¹; дом (в прошлом – особняк) Мальчика Германа Дробиза около Вознесенской горки, дом бабушки Софьи Демидовой на Толмачева и новая квартира на улице Московской; дом Игоря Турбанова на «тихой и короткой, как само детство, улочке»¹⁵²; дома на улице Февральской революции, на углу улиц Декабристов и Мамина-Сибиряка Виталия Воловича; собирательный образ дома Евгения Касимова¹⁵³. Это «точки входа» в пространство домашнего уюта и безопасности: здесь в заветном книжном шкафу хранятся фотокарточки и семейные вещицы (Блинов); пекут самый вкусный новогодний манник, читают «самого любимого писателя Мамина-Сибиряка» (Демидова); висит старинное зеркало в раме красного дерева и мерно тикают часы (Дробиз)¹⁵⁴.

В категорию семантически значимых попадает двор – идеализированный локус, ассоциирующийся с первыми друзьями, детским досугом и обязательно содержащий элемент природного мира. Так, например, Мальчик Германа Дробиза помнил свой «похожий на все другие» двор¹⁵⁵, в

¹⁵¹ Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 391.

¹⁵² Турбанов И. Екатеринбург : пять бликов // Урал. 2010. № 4. С. 144.

¹⁵³ «Нехорошая» квартира, в которой я живу, на самом деле квартира очень хорошая, пусть и маленькая. Дом стоит в центре города – на углу улиц Малышева и Белинского. И всегда сюда можно было зайти, выпить винца и поговорить о судьбах русской литературы. Разговоры частенько продолжались несколько суток – квартира затягивала, как черная дыра. Люди буквально пропадали в квартире № 37» (Касимов Е. П. Физиология Екатеринбурга. Екатеринбург, 2009. С. 154); «Приехали в дом, который показался до боли родным. Во-первых, я родился в таком же двухэтажном рыжем доме. А во-вторых, очень любезен мне такой быт, когда квартира не квартира – а проходной двор. Мы примерно также на Малышева жили. Пахнет красками, кипяточек в мятом чайнике булькает, картинки на стенах висят» (Там же. С. 116).

¹⁵⁴ Стоит отметить, что в случае «приезжего» в город В. Цыганова близкими и значимыми локусами стали «общежитие на Чапаева» и университет, расположившийся в «фешенебельной части советского Свердловска» – это «точки входа» в городскую жизнь. Расширение топографии «записок» будет связано с многочисленными переездами и знакомствами со старожилками.

¹⁵⁵ В воспоминаниях С. Демидовой также остался запечатлен образ двора – «огромной ровной земляной площадки, залитой солнцем, без единого деревца или кустика, с квадратом асфальта посередине и асфальтовыми дорожками», где «единственными элементами благоустройства были трубчатые металлические ограждения прямым в подвальный этаж», которые дети использовали «как турники»: «висели на них вниз головой, качались, подтягивались, ложились на трубу животом и переворачивались».

котором «в палисаднике цвела акация», «на веревках сохло белье», стоял столик для игры в домино, а самым «привлекательным местом во всем дворе» была крыша»¹⁵⁶; В. Бачинин – двор, «посреди которого когда-то была большая клумба с пряно пахнущими цветами и вьющимися над ними пчелами, где стояли тенистые деревья»¹⁵⁷. О типичных уютных двориках Свердловска, где «сушилось белье, мужики “забивали козла” и тарахтели своим мотоциклами и бензопилами», «мальчишки гоняли на великах»¹⁵⁸, пишет также А. Рыжков.

В категорию семантически значимых попадают локусы, приближенные к домашним адресам: *Дворец пионеров* – символ счастливого детства «свердловчан всех поколений», «любимое место отдыха во все времена года», которое «волновало, восхищало своей громадностью» и «пугало легендой о прежних владельцах»¹⁵⁹; *Городской парк (Харитоновский сад, парк Дворца пионеров, бывший парк золотопромышленников Расторгуевых-Харитоновых)* – «красивый, небольшой, крепко стиснутый городскими кварталами», «громадный и таинственный» локус (Дробиз); казавшийся «необозримым, полным затей, гулять в нем не надоедало никогда» (Демидова); «любимое место нашего отдыха, как и для многих поколений детей» (Факова)¹⁶⁰; легендарный «фонтан с чугунными лягушками» с Вознесенской площади – «забавными чудищами», «нестрашными монстрами», созданными «доброй фантазией художника» (Рыжков)¹⁶¹; *Монастырская (Зеленая) роща* – с одной стороны, романтический локус с лодочной станцией, парашютной вышкой (Блинов), с белым собором – «настоящими чудом», который «невесомо парил» и «таинственно светился» (Рыжков), с другой стороны, просто городской парк

¹⁵⁶ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 168, 180.

¹⁵⁷ Бачинин В. Теология и социология зла (несентиментальное путешествие из Петербурга на Уралмаш) // Нева. 2017. № 8. С. 160

¹⁵⁸ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 51.

¹⁵⁹ Демидова. Детство в Свердловске. Урал. 2011. № 6. С. 83.

¹⁶⁰ Н. Факовой Дворец пионеров описывается как место досуга: «... мы уходили на весь день, чтобы не возвращаться домой до вечера. Брали с собой еду, кукол. В парке просто гуляли по аллеям, сидели с книгой в летней библиотеке, играли на аттракционах, качелях. Иногда даже по пруду могли прокатить нас на лодке» (Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 59).

¹⁶¹ Лягушки, мелькающие в текстах Блинова, Дробиза, Демидовой, будут описаны, например, Н. Факовой: «Прежде чем войти в парк, обязательно отмечались на “лягушках”. Это вокруг огромной чаши фонтана сидели на бетонных столбиках чугунные лягушки, у которых из горла била мощная струя воды. Каждый старался взгромоздиться на лягушку, закрыть ей рот и обрызгать окружающих» (Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 59).

с «угрюмыми алкоголиками с их овчарками и пенсионерами с дворнягами» (Цыганов); исчезнувший «*Сад строителей*» с танцплощадкой и беседками, где «по весне пересвистывались синицы, жуланы, зяблики», «расцветала чистая белизна яблонь и черемух», «зима топила в высоких сугробах кусты, ребятишки раскатывали лыжню» (Дробиз); в прошлом – популярное, «любимое место отдыха горожан», «зеленый оазис в центре города»¹⁶², где можно было «найти себе занятие по вкусу – сыграть ли партию в шахматы, послушать ли симфонический оркестр»; в настоящее время – символ всех «заброшенных парков города» (Турбанов); *заброшенная больница, построенная в тридцатые годы*, – с одной стороны, «магическое пространство», «словно защищённое старинным оберегом», с другой – локус, напоминающий «могильный склеп», где даже «днем творятся ужасные вещи» (Турбанов); *Набережная городского пруда* – одновременно романтизированное место, где любили гулять всей семьей (Демидова); и просто обычное место, куда «особого желания бегать» не было, где «ржавая вода с масляными пятнами на поверхности издавала неприятный запах», а «мощные фигуры женщин с веслом, ракеткой или диском и атлетического сложения мужчин, тоже со спортивным инвентарем» не привлекали особого внимания (Факова); *сад Энгельса*, воспринимавшийся в качестве «культурного уголка, с небольшим набором аттракционов», но не пользующегося особой популярностью из-за «множества комаров», осаждавших отдыхающих, и «старых, обросших мхом деревьев», которые создавали «жутковатую картину» (Факова); *дом Ипатьева*, который навел мысли о «неслыханной бесчеловечности большевизма» и «отсутствии в России энергии добра» (Цыганов); который одновременно «страшно притягивал» и нравился «удивительной округлостью козырька» и «вросшей в землю дверь» (Турбанов); пугал «страшными легендами» и ночующими рядом «ворами и бандитами» (Факова); или просто напоминал «заповедный городской уголок» «в патриархальном районе» города (Демидова).

¹⁶² Сюньков Г. Неоконченный спор // Урал. 1973. № 3. С. 116.

На карты автобиографов попали, главным образом, локусы из центральной части города. При этом большая часть объектов, обладающих в реальности статусом официально признанных достопримечательностей, в художественных текстах оказывается лишена своей статусности: для автобиографов важна их символическая значимость в личной истории, те эмоции-впечатления, которые они хранят.

Другие точки на карте Свердловска / Екатеринбурга осваиваются городскими мальчиками и девочками постепенно, по мере взросления; способом открытия новых мест становятся прогулки-путешествия по «огромному» городу. Так, например, в одном «нескончаемом» путешествии по Свердловску Мальчик Германа Дробиза познакомился с Окружным домом офицеров – «розоватым дворцом, с башней и шпилем» и удивительной «каменной армией» на крыше; а в «трамвайном путешествии» на Центральный стадион впервые обратил внимание на архитектурный городской фон. Витиеватый путь в школу Софьи Демидовой напоминает экскурсию-прогулку, сопровождающуюся знакомством с такими новыми локусами, как Ипатьевский дом (девочка «уже узнала, что здесь царя расстреляли»), филармония («сюда родители потом будут часто водить»), ТЮЗ (который «станет любимым»). Новый маршрут, подсказанный знакомыми («по улице Ленина, у почтамта свернуть направо»), увлекает, вызывает «настоящую эйфорию».

В категорию «отдаленных» мест, находящихся на периферии «кругов» жизни, могут попадать локусы разного порядка, основная функция которых – организовать дальний «городской фон», указать на ограниченность «своего» пространства: пригородная зона с «пустырями, горами навороченной глины, свалками» (Дробиз), Милицейский городок (Блинов), районы «частной застройки на улице Папанина, Февральской революции», обычный новый двор на Ленина, 5, казавшийся «опасным», «иным миром» (Демидова).

Автобиографы, остро ощущающие связь с местом, умеют останавливаться и «отдаваться созерцанию городского пейзажа»¹⁶³. Так, в текстах появляются непрофессиональные архитектурные заметки, в которых упоминаются «дома сталинских времен: места, полные тайн и страшных историй»¹⁶⁴, «не тронутые временем свердловские заводы-призраки» (Турбанов), «одноэтажные желтенькие особнячки» (Демидова), «усадебно-дворцы», «величественные развалины особняков» (Цыганов), «бетонные многоэтажки, совершенно безликие» (Цыганов), «стерильные стеклобетонные новострой» (Турбанов), «парадные чиновничьи здания» (Турбанов), «провинциальная малоэтажная застройка» и «жилые комплексы, отмеченные печатью конструктивизма и постконструктивизма»¹⁶⁵.

Достопримечательности в текстах автобиографов могут быть лишены статуса «объектов культурного потребления», оказавшись элементами повседневности: драмтеатр воспринимается Цыгановым как «уродина, гробница фараона», храм Александра Невского оценивается как «неблаголепный, слишком рациональный, европейский»¹⁶⁶; ряд местных топонимов подвергается критике: «Каменный цветок» – за излишнюю «литературность», «площадь Пятого года» – за «архаичность» (Турбанов).

Но топография автобиографических текстов не замыкается екатеринбургскими границами: как пишет Алексей Рыжков, «и на книжных страницах, и в реальной жизни можно путешествовать не только вглубь, «из Екатеринбурга в Свердловск», но и вширь, в другие интересные места»¹⁶⁷.

Город может попадать в контекст других городов, «размыкающих» городские границы. Так, в автобиографическом цикле Владимира Блинова Верхотурье, Верхний Уфалей, Косулино выступают как «фоновые» локусы, очерчивающие широкий географический кругозор автобиографического героя. В воспоминаниях Софьи Демидовой «жаркий, светло-желтый»

¹⁶³ Цыганов В. Мой Екатеринбург : Записки еще не старого жителя. Екатеринбург, 1999. С. 29.

¹⁶⁴ Турбанов И. Екатеринбург : пять бликов // Урал. 2010. № 4. С. 145.

¹⁶⁵ Демидова С. Детство в Свердловске : воспоминания // Урал. 2011. № 6. С. 95.

¹⁶⁶ Цыганов В. Мой Екатеринбург : Записки еще не старого жителя. Екатеринбург, 1999. С. 174, 11.

¹⁶⁷ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 200.

Ашхабад с «журчащими арыками», «бескрайними песчаными просторами» вводится для означивания круга «своих» (близких и дальних родственников), но, в конечном итоге, воспринимается как антипод будничному, «плотно застроенному», замораживающему уже с ранней осени Свердловску. Антиподом столице Урала выступает также «утопающий в зелени» Нальчик с «добротными, каменными, белеными известкой» домиками и в целом Кавказ, «еще не застроенный «железобетонными, неряшливо построенными без проектов “виллами”», предстающий как место идеальное, от красоты которого «дух захватывает».

В повести Германа Дробиза «огромная и серьезная» Москва выступает как идеальный локус с улицами, «сплошь залитыми асфальтом», тесно застроенными «многоэтажными громадами»; с «милиционерами, которые ходят по домам и проверяют, не въехал ли кто посторонний»; «там – Кремль, там живет Сталин». Если в текстах Владимира Блинова также поддерживается величественный образ Москвы с «Красной площадью, ракетами, самым большим зоопарком, метро»¹⁶⁸, то в воспоминаниях Софьи Демидовой статусность образа столицы несколько снижается эпизодом «утомительного пребывания» на выставке подарков Сталину, где «все эти бесчисленные портреты, статуи, ковры, вазы, восточные халаты, букеты цветов, и горы фруктов <...> вызывали недоумение своим количеством и принадлежностью одному человеку»¹⁶⁹.

В воспоминаниях Виталия Воловича мысли о Москве меняли свое направление: в молодости столица казалась аккумулятором «мощной энергии», «волнующим» и «ярким» символом успеха (и на фоне столичной свердловская повседневность казалась «вялой», «угнетающей»). В зрелом возрасте художник уже по-другому рассуждает о столице и выбранном жизненном сценарии: «Возможно, со временем я мог бы найти в ней (Москве – *прим. К. Л.*) свое место. Это случилось с некоторыми из тех, кто отважился

¹⁶⁸ Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 343.

¹⁶⁹ Демидова С. Детство в Свердловске // Урал. 2011. №. 6. С. 98.

уехать в Москву. Но я мог и утонуть в проблемах быта, конкуренции, ожидания мастерской. А это была реальная судьба многих»¹⁷⁰.

Сравнение с «Северной столицей» появляется в цикле Ирины Шаманаевой, где оказалась зафиксирована точка зрения на уральскую столицу 1950–70-х петербуржца Василия Гордеева. Это взгляд человека, который приехал в послевоенный Свердловск: он был отправлен в город из Ленинграда по распределению по месту работы. Обстоятельства сложились таким образом, что в городе он остался навсегда, но всю жизнь «болел» «Северной столицей» и «собирал, как одержимый, альбомы, фотографии, марки, сувениры — все, что напоминало о любимом городе». Василий Гордеев пытался найти «свой Петербург» в «бледном и суровом провинциальном» Свердловске: «отыскивал уголки, напоминающие любимой Ленинград, менял ракурсы, забирался со своей треногой на крыши, выходил “на охоту” ранним утром, когда улицы еще безлюдны и наш город, созданный когда-то рачительным голландцем де Генниным не для любования и восторгов, а для тяжелого труда, предстает в рассветном тумане каким-то величественным кораблем, заплывшим сюда из той же, петровской гавани»¹⁷¹. Желание уловить черты любимого Ленинграда в истории Свердловска, в планах застроек разных лет и фотографиях особняков можно обозначить как выстраивание в тексте оппозиции «Екатеринбург – Петербург». И очевидно, что на фоне Петербурга уральская столица предстает как город серый, скучный, провинциальный.

Интересно, что в «записках» Владимира Цыганова, напротив, Свердловск / Екатеринбург явлен как тайный двойник Санкт-Петербурга: «дворцы с белыми колоннадами, расположившимися по берегам пруда», сама городская набережная настойчиво напоминают главному герою о Северной Пальмире. «Петербургские воспоминания» возникают и у Алексея Рыжкова

¹⁷⁰ Волович В. М. Мастерская. Екатеринбург, 2017. С. 189.

¹⁷¹ Шаманаева И. Улица Пирамидальных тополей // Звезда. 2007. № 12. С. 30.

при виде Дома Севастьянова «в ансамбле в желтым зданием Горной аптеки» – «почти что Зимнем дворце с Главным штабом»¹⁷².

Таким образом, введение «сугубо екатеринбургской конкретики» (Харитоновна), работает на «узнаваемость» места: автобиографы делают многочисленные пространственные отметки, «зонируют» городскую территорию. «Кольцеобразная» топография и топография «белых пятен» не замыкаются на уровне города: упоминание других городов во многом расширяет топографию текстов и наполняет образ города новыми смыслами.

На литературные карты автобиографов попадают как официально, так и неофициально признанные достопримечательности, первые из которых наполняются личными смыслами, вторые личные смыслы концентрируют. «Кольцеобразная топография» текстов не замыкается на уровне города: даже простое упоминание других городов во многом расширяет топографию текстов и наполняет образ города новыми смыслами. При этом простое линейное картирование (перечисление локусов, простраивание маршрутов, введение образов других городов) недостаточно для автобиографических текстов: город «должен превратиться в место памяти, обрести конкретно-исторические качества, важные в контексте биографии»¹⁷³.

1.2. Образ города как хранилища памяти

Сам жанр автобиографических текстов определяет их обращенность к историческому материалу. При этом история всякий раз проходит сквозь двойные фильтры: с одной стороны, автобиографии наделены «высокой долей авторской описательности»¹⁷⁴: авторы подобных текстов «любят давать пояснения, гордятся тем, что знают в этой округе все: и многих живущих здесь людей, и местоположение учреждений, магазинов, остановок»¹⁷⁵. С другой

¹⁷² Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, С. 68.

¹⁷³ Литовская М. А. Тема города как самооправдания биографического автора в современной прозе Урала // Литература Урала: История и современность. Вып. 4. Екатеринбург, 2008. С. 198.

¹⁷⁴ Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) // Лицо и стиль. Екатеринбург, 2009. С. 132.

¹⁷⁵ Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 245.

стороны, факты жизни, прошедшие через фильтр человеческой памяти, переносятся в художественный мир всегда в концентрированном виде и предстают как набор отобранных описаний.

Автобиографии, опирающиеся на процессуальность и разворачиваемость памяти, являют собой неторопливые повествования об истории и человеке в ней. Но механизмы забывания и самоочищения превращают историю в набор «событий разных лет» с «допустимыми хронологическими нарушениями» и «вне какой-то стройной системы повествования»¹⁷⁶. Как отмечает Виталий Волович, «природа воспоминаний причудлива, прихотлива, непредсказуема», «нельзя навязывать воспоминаниям последовательность изложения, хронологию»; «это всего лишь воспоминания», «личные», «без каких-либо претензий воссоздать полноту прожитого времени»¹⁷⁷.

История в подаче автобиографа – это одновременно упоминание дат, событий, исторических лиц, но в большей степени – фиксация непримечательных «городских будней», той «утраченной в переменах повседневности»¹⁷⁸, которая окружала авторов и стала наиценнейшим свойством прошлого.

Таким образом, автобиографы лишь отчасти могут называться историками, скорее – ностальгирующими горожанами, старожилками, «собирающими старины», «наивными историографами», которым «интересно путешествовать» как в «глубокое», так и «более близкое» прошлое.

При этом авторы пытаются выделить главное, отследить определенную логику событий, но, прежде всего, вписать историю города в личную. Подборка реалий исчезающей городской повседневности и «тщательное

¹⁷⁶ Демидова. Детство в Свердловске. Урал. 2011. № 6. С. 87.

¹⁷⁷ Волович В. М. Мастерская. Екатеринбург, 2017. С. 9.

¹⁷⁸ Чикишев А. С. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании [Электронный ресурс] / А. С. Чикишева // Культурологический журнал. – 2012. – № 3 (9). – С. 1–9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-nostalгии-i-ego-problematizatsiya-v-sovremennom-kulturologicheskom-znaniі> (дата обращения: 13.02.2018).

освоение бытового, прозаического, непрезентабельного существования»¹⁷⁹ становятся основой цельности городского образа. Попробуем хронологически выстроить приметы города разных исторических промежутков в детализированные картинки-описания, чтобы отследить, каким образом автобиографы воспринимают городские перемены.

Так, в цикле автобиографических рассказов и повестей «Монастырская роща» В. Блинова оказался запечатлен образ *стертого с лица земли Екатеринбурга*. В форме семейных преданий, исторических анекдотов герои-старожилы вспоминают о реке Монастырке, когда-то протекавшей на территории Новотихвинского женского монастыря, о Сенной площади, куда по воскресеньям привозили свежую рыбу, об «обжорных рядах», знаменитых вкусной кашей и горячими пирожками. По воспоминаниям героя, в городе работала лавка Белкина, где можно было перекусить калачом, шаньгой и топленым молоком, в пекарне на 8 Марта продавались наивкуснейшие ромовые бабы, «облитые сверху сахарной глазурью и пропитанные ароматными пряностями»¹⁸⁰.

Образ дореволюционного Екатеринбурга с Уктусской, Вознесенской, Земской, Успенской, Спасской улицами, Щепной площадью, ипподромом, обустроенными на берегах Исети «баллюстрадами, павильонами, причалами для лодок и купальнями» оказался интересен и Владимиру Цыганову. Владение исторической информацией о «прежних владельцах старинных особняков», о «молельном доме такой-то секты страообрядцев», о жертвах послереволюционного террора, содержащихся в епархиальном училище, стало знаком авторской включенности в местные координаты. Символами дореволюционного города, по версии автора, можно считать «мощенные широкими каменными плитами дорожки», «литературные» места, где останавливался Решетников и проезжали декабристы, монастырскую башенку

¹⁷⁹ Немченко Л. М. Знаки повседневности в современном постсоветском кинематографе (Россия, Грузия) [Электронный ресурс] / Л. М. Немченко. – УрФУ, каталог образовательных ресурсов. – Режим доступа: <http://media.ls.urfu.ru/495/1271/2864/> (дата обращения: 12.04.2018).

¹⁸⁰ Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 241.

в Зеленой роще, «чудом пережившую эпоху коммунистической религии» и постоянно напоминающий о себе дом Ипатьева.

Выделяет время, когда «город состоял из усадеб, особняков, почти деревенских изб», Алексей Рыжков. Художник находит в современном городе представителей «почтенной старины» – маленькие особнячки с «ажурными коваными флюгерами и решетками», «фронтами и аттиками, фланкирующими ризалитами и раскрепованными карнизами». Испытывая эстетическое наслаждение от «живописного беспорядка», царящего среди «усталых и постаревших», но «гордых» старых построек, художник подчеркивает, что они продолжают «согревать город» (как например, Александр-Невский собор, который «делает агрессивную среду мегаполиса» «более мягкой и человеческой»¹⁸¹).

Превращение уездного Екатеринбурга в *индустриальный Свердловск* пунктирно зафиксировано в цитируемой выше книге «Монастырская роща». Герои Блинова помнят, как в 1925-м году разбирали Екатерининскую церковь, в 1930-м снимали колокола с Кафедрального собора, в 1934-м запускали «завод заводов» Уралмаш. Остались в памяти старшего поколения и события 1929-го года, когда у одних соседей «стали драгоценности изымать», других объявляли врагами народа, третьих сажали в тюрьму. В семейном архиве от города тех лет остались две «тайные» фотографии, газета «Искра» и первый советский рубль, выпущенный в Екатеринбурге.

По версии Ирины Шаманаевой, ключевыми символами «индустриального Свердловска», втянутого в героическое время первых пятилеток, предстают завод и горное дело, устойчивыми атрибутами – камень, железо. При этом каких-либо индивидуальных черт в разработке такого городского образа не выделяется. Это Поколение бабушки рассказчицы – Эммы Францевны – росло под всесоюзные призывы «Молодежь – на фабрики и заводы». Юная Эмма была образцовой девушкой-комсомолкой 30-х годов – «...бескорыстной труженицей и искренней энтузиасткой, кого в

¹⁸¹ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 39.

тридцатые годы изображали на плакатах и преподносили молодежи, как пример, “делать жизнь с кого”». На заводе и овладевали любимым делом, и находили друзей; всю жизнь «сновали между станками и лабораториями»¹⁸².

Этот вариант представления городского образа, не наделенный, на первый взгляд, какими-либо специфическими чертами, имеет свое настроение, которое задается соединением общей атмосферы радости труда, молодости, силы, интереса к жизни с воспоминаниями родственников Маши о том, что через Урал со всей России «везли в Сибирь раскулаченных, указников, троцкистов, промпартийцев». Говорится и о волне арестов, коснувшейся семьи Гартунгов.

Воспоминания о *военном Свердловске*, символом которого стали «бежевый квиток, разделенный на клеточки» и «серая шинельная буденовка с красной лучистой звездой» (Блинов), носят более развернутый характер. Война в понимании «городского мальчика» со Степана Разина – это прощание с «глазурованными ромовушками», «языковой колбасой», «складчатыми французскими сайками» и «развлекательными прогулками» с мамой и папой на «исетскую бело-голубую лодочную станцию». На «картинах горькой военной поры» Владимира Блинова – «черные ночи затемненного города и манатки эвакуированных», «молчаливые злые очереди у магазинов и грозные сводки Совинфмормбюро»¹⁸³. Из любопытных деталей военной повседневности отмечены красные трамвайные вагоны – «еще недавно обгорелые, инвалидные, доставленные в город из Ленинграда», низко пролетающие «краснозвездные двукрылые самолеты», повсеместные толкучки («куда быстро улетучивались красивые привычные вещи»).

Для автобиографического героя Германа Дробиза война также стала «точкой отсчета», разделившей время на довоенное – «волшебное», когда

¹⁸² Шаманаева И. Улица Пирамидальных тополей // Звезда. 2007. № 12. С. 25.

¹⁸³ «Откуда они были, эти эвакуированные мать с дочерью, – из-под Ленинграда, Москвы, Винницы – вылетело из головы. Много их тогда было на Урале. Расселились они в квартирах уральцев и стали жить все вместе, дожидаясь победы. Работали, снаряды делали, собирали танки, шили масхалаты, хлеб пекли. Все для фронта – все для победы. Игрушки уральских детей стали игрушками эвакуированных, одежда ушедших на фронт пришлась по плечу беженцам. Нет, так их никто не называл. Эвакуированные. Не бежали они, а прибыли к своим. Некоторые и навсегда осели на Урале, обретя здесь вторую родину. Но это – особая тема» (Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 259).

«всегда было тепло», «еду в магазинах покупали просто так, а не по карточкам», «дров для печи можно было разом запасти на всю зиму», «продавался необычайно вкусный хлеб – ситник»; и время военное – сложное, мрачное, заполненное лишениями и тревогой. На военных панорамах Германа Дробиза запечатлен город, застроенный малоэтажками, деревянными бараками и сараями, на окна которых были наклеены бумажные кресты, а палисадники превращены в огороды. Здесь живут «обычные люди», объединенные общими бедами, страданиями, потерями, но ищущие и находящие средства для выживания: «Мужья на фронте, несколько жен, получив похоронки, уже стали вдовами. Остальные вполне предвидели эту же участь. Любое житейское несогласие выростало до ссоры, взаимных оскорблений, а то и до драки <...> Боялись воров, зловещей «Черной кошки», но днем двери никто не запирали, соседи входили друг к другу без стука. Житейские тайны не существовали <...> В сущности, жили коммуной, хотя уже и не называли ею себя, как в двадцатые годы»¹⁸⁴.

Но и в военном городе продолжалась «детская» жизнь: мальчишки гоняли по дворам «плоские железные колесца с зубчиками по внутреннему кругу» (тормозные диски «тридцатьчетверки»), играли в партизан, охраняли с игрушечными пистолетами и самодельными арбалетами картошку, а увидев самолет, кричали: «Эроплан, эроплан, забери меня в карман» (Дробиз, Блинов).

Военные годы оказались запечатлены в «записках» Виталия Воловича: «уплотнения» эвакуированными, толкучки, «мертвая тишина», «непроягладная темень улиц», «страх, разбой, похоронки и аресты». Но для художника всегда существовала параллельная реальности вселенная – «прекрасный» мир искусства и творчества: Театр оперы и балета, учеба в художественном училище, «темное и мертвое здание кратинной галереи на улице Вайнера» («хранилище эртитажных сокровищ»). В памяти автора «Мастерской» остались также и некоторые архитектурные приметы: «старые

¹⁸⁴ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 102, 103.

горсоветские дома по улице Декабристов», «темная, грязная, тогда еще немощеная улица Белинского», одноэтажные дома в районе улиц 8 Марта и Щорса и т.д.

День победы и праздничный салют, «прогремевший над Исетью», полностью поменяют жизнь: «И уже на следующий мирный день сторож в парке смазывал скрипучую карусель, отмывал вехоткой деревянных лошадок, уже красили тетки известкой деревья и статуи. Гуляли по аллеям курсанты школы ВВС с десятиклассницами из 13-й школы. И уже раздавались по радио маршевые звуки пианино и бодрый голос диктора Гордеева»¹⁸⁵. Очевидно, что архитектурные заметки на фоне таких значимых, судьбоносных событий оказываются на периферии памяти. Описать значимые детали непривычной (военной) повседневности становится важнее.

Атмосфера *послевоенного Свердловска* достаточно объемно передается в воспоминаниях Софьи Демидовой, вспоминающей о времени, когда всем двором играли в «казаков-разбойников», «чику», городки, ножички, «лапту», «цепи кованы», «штандер», «серсо», «классы»¹⁸⁶; досуг организовывался посещением катка «Динамо», кинотеатров «Совкино», «Октябрь», «МЮД» (расположенных «на одном городском пятачке в центре Свердловска»), катанием с горы на фанерках «прямиком на замерзший городской пруд».

Воспоминания Н. Факовой связаны с районом современного Камерного театра, в то время – территорией деревянных и каменных одно-двухэтажных коммунальных домов и еще функционирующей конфетной фабрики; «районом частной застройки» — улицы Папанина, Февральской революции, где дома отапливали дровяными печами и держали хозяйство; Вознесенской горкой, на самом высоком месте которой «в красивейшем здании церкви размещался областной краеведческий музей», куда ребята ходили смотреть на

¹⁸⁵ Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 347.

¹⁸⁶ Факова описывает еще одну популярную игру тех лет – «жестку», по правилам которой «тяжелую битку, как правило, сделанную из свинца, и в меховой оплетке» подбрасывали и отбивали ногой, «побеждал тот, кто мог больше ударов принять на ногу» (Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 51).

«огромный скелет мамонта», «лосиные морды с огромными рогами, чучела животных, птиц».

Мир взрослых в сознании героини – это ответственная работа папы в «Главуралэнерго», мамины хлопоты по обустройству быта, «многочасовые очереди за мукой или за сахаром», вынужденные и запланированные переезды. Но, кроме того, это пользующиеся популярностью «Подписные издания» – «неформальное место общения людей, давно и хорошо знающих друг друга»; коллекционирование каслинского литья, грампластинок; «стиляжничество»; «массовки» на Исетском озере; «всплеск интереса к Индии», возникший после визита во Дворец пионеров Джавахарлала Неру с приемной дочерью Индирой Ганди.

В памяти девочки, жившей в центре города, сохранился смешанный характер постройки Свердловска, в котором ведомственные здания – «“знаковые” жилые комплексы, отмеченные печатью конструктивизма и постконструктивизма» соседствовали с «маленькими деревянными частными домиками и бараками», где еще «держали скотину и птицу, разводили огороды, топили печи». Одна из центральных улиц, улица Клары Цеткин, имела «совершенно деревенский» вид и была «не улицей даже, а широким травяным откосом, по обеим сторонам которого ступенями были уложены большие тротуарные гранитные плиты»¹⁸⁷.

Мальчик Германа Дробиза с Вознесенской горки жил в одном из таких «особняков с крылечками» и хорошо знал другие «бараки с завалинками, низкие флигеля с множеством подслеповатых окошек» со своей улицы, на которой был один-единственный дом с паровым отоплением. В. Бачинин, в свою очередь, вспоминает о «старом Уралмаше», где «стояли довольно внушительные по размерам, двухэтажные, деревянные, черные, полусгнившие дома», казавшиеся «пришельцами из времен сказов Бажова»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Демидова С. Детство в Свердловске // Урал. 2011. № 6. С. 80.

¹⁸⁸ В. Бачинин. Теология и социология зла (несентиментальное путешествие из Петербурга на Уралмаш) // Нева. 2017. № 8. С. 160.

Героиня Натальи Факовой, напротив, жила в новом, «солидном» доме¹⁸⁹ и помнит себя одной из тех девочек, которые «наведывались в булочную на углу улиц Ленина и Мамина-Сибиряка», наблюдали за тем, как пленные немцы¹⁹⁰ строили здание общежития для студентов-горняков, воспринимала посещение театра как исключительное, особенное событие¹⁹¹; посвящение в октябрята и принятие в пионеры – как этап взросления.

Герой Владимира Блинова встретил 1950-е годы в статусе пионера-подростка, который участвовал в демонстрациях и слетах, строил шалаши и балаганы¹⁹² во дворе, разучивал школьные песни «По долинам и по взгорьям», «У дороги чибис» и «Летят перелетные птицы», читал «Крокодил» и «Мурзилку».

Воссоздавая песенный фон Свердловска 1950-х гг., Герман Дробиз и Владимир Блинов делают образ города светлым и жизнерадостным: «Солнце разбивалось в спицах велосипедов. Над городским садом летал печальный голос саксофона, и в порядке здорового соревнования из разных окон в их дворе и в соседнем патефоны и радиолы пронзали пространство “Рио-Ритой”, Козиным и Шульженко»¹⁹³.

1960-е годы в истории города были восприняты выше упомянутыми автобиографами уже в другом ключе. Мальчик Германа Дробиза с грустью смотрел на почти уничтоженный «Сад строителей» и построенное на его месте

¹⁸⁹ «В нашем доме проживало много людей разных профессий — большей частью инженерно-технические работники Уралмашзавода, а также преподаватели УПИ, врачи, артисты различных свердловских театров» (Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 53).

¹⁹⁰ «Вид у них был страшный. Все они казались нам сплошной серой массой — осунувшиеся, понурые, худые, в серых шинелях и такого же цвета пилотках с опущенными отворотами. Их вид вызывал у нас, детей, определенную жалость. Мы старались тайком выносить им хлеб» (Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 56). О работе немцев вспоминает также Владимир Блинов: «В нашем городе немцы построили несколько зданий из шлакоблоков, дерева, кирпича, цоколь и ограду вокруг дендрария. Среди пленных встречались крепкие профессионалы, рабочие, инженеры» (Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 450).

¹⁹¹ «Посещение театра превращалось в событие: билеты приобретались задолго до начала спектакля, готовились к нему тоже заранее. Публика приходила в театр всегда нарядно одетой, ну а нас, детей, сызмала приучали к высокому миру искусства, к особой атмосфере, царившей в театре» (Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 55).

¹⁹² «На постройку шли завалывшиеся доски, картофельная ботва, увешанная шариками, ветки тополя. Могло пригодиться дырявое корыто, листья золотистого от ржавчины железа, куски толя. Балаганы, или как мы их еще называли, штабы, делались на совесть, прочно и надолго, на гвоздях, часто с дверью, закрывающейся на крючок, и – с окошечком» (Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 453).

¹⁹³ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 206.

здание типографии. Наводил тоску и нынешний облик его любимой улицы: «Ее проезжую часть расширили, подрезав тротуары, брусчатку закатали асфальтом; взамен прежних осветительных столбов, из ошкуренных бревен, с лампами в жестяных конусах, поставили бетонные, с каплевидными светильниками»¹⁹⁴. В этом новом Свердловске становилось «заметно многолюднее», воздух и пространство словно исчезали, «год от года густел автомобильный поток».

Шестнадцатилетнему герою Владимира Цыганова, который прибыл в столицу Урала из Сибири, Свердловск 1960-х казался «магически-прекрасным», «притягивающим неизъяснимо-печальной прелестью», «гигантским и удивительным». Такое впечатление вызывала и привокзальная площадь, и улица Свердлова, «застроенная новенькими пятиэтажными домами с башенками и балкончиками, показавшимися творением великого зодчего»¹⁹⁵, и улица Чапаева с усадьбами в стиле классицизма с «наивно-горделивой бессмысленностью итальянских колонн и арочных ниш». В памяти рассказчика остались «черные бревенчатые дома», памятник Павлику Морозову и Василию Чапаеву, деревянные трамваи, которые ходили по Куйбышева мимо тогдашнего цирка – «убогого деревянного строения, покрытого облупившейся грязно-зеленой краской» и университетского здания, напоминавшего «военный завод» своим «то ли индустриальным, то ли тюремным» видом. Старожилам это время запомнилось пунктами приема стеклотары, банкетами, выступлением Фиделя Кастро на уралмашевской площади, посещениями кафе в ДК Горького, кафе «Спорт», «Восток». Но где-то на периферии памяти осталась и темная сторона прошлого с «отрубями и картофельными оладьями, испеченными без жира», «пеклеванным хлебом», мелькавшими на вокзалах фронтовиками-инвалидами и «страшными словами» «лиценец», «враг народа», «сексот», «лагерная пыль» (Цыганов).

¹⁹⁴ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 242.

¹⁹⁵ Цыганов В. Мой Екатеринбург : Записки еще не старого жителя. Екатеринбург, 1999. С. 24.

1970-е годы для героев Цыганова – это время «грандиозных праздничных» демонстраций, когда с трибун кричали «Да здравствует советское студенчество!», «Да здравствует наша молодежь!»; многочисленных городских строек (реконструкция района улицы Metallургов на ВИЗе, возведение ДК Уралмаш, строительство Дворца молодежи и т.д.).

Ностальгию по «далеким» 1970-м, когда город признавали столицей, «ведущим и блистательным центром художественной жизни», испытывает Алексей Рыжков. Оказываясь в Литературном квартале, построенном на месте «большого пустыря и четырех старых полуразрушенных домов», где тогда еще «текла почти деревенская жизнь», художник мысленно воссоздает тот, более «родной и привычный» «облик улочек между Вознесенской горкой и Городским прудом».

О конце *1980-х годов* как о времени молодости, увлеченности творческой жизнью города (экспериментальными художественными выставками, концертами-квартирниками, собраниями поэтов, формированием творческих объединений и союзов) вспоминает Евгений Касимов. «Молодые, смешливые» художники «сбивались в артели, селились в старых брошенных домах в центре города», «на лужайках и площадях поэты читали стихи»¹⁹⁶, телевидение снимало передачи о литературе «андеграунда» и городских поэтах; «мертвенным урбанистическим пространствам» города придавали облик «уютных улиц и обжитых дворов» «милые стишки с нарисованными зверушками, человечками и ангелами» старика Букашкина (Рыжков).

Но не все автобиографы восприняли 1970-е–1980-е годы так жизнеутверждающе. Для Германа Дробиза и Владимира Блинова этот период времени стал переломным. Деревянный Свердловск окончательно превращался в город многоэтажек, а локусы из романтического прошлого (двор, парашютная и лодочная станции) поглощались разраставшейся стройкой. Родной Свердловск исчезал в потоке времени, главные герои чувствовали себя, с одной стороны, чужаками, с другой – предателями,

¹⁹⁶ Касимов Е. П. Физиология Екатеринбурга. Екатеринбург, 2009. С. 123.

переехавшими из своих старых домов в «районы новой массовой застройки» с «квартирами, неотличимыми от двух сотен других жилых ячеек дома», которые «радовали, конечно, непривычными удобствами – газовой плитой, горячей водой, ванной, балконом – но не становились родными»¹⁹⁷.

Символом «закатных годов Страны Советов», по мнению А. Рыжкова, можно считать недостроенную телебашню, воплощавшую «гордость советской цивилизации своими реальными и мнимыми достижениями, успехами и грозным могуществом» и «надменно поднявшуюся над колокольнями, официальными шпилями и государственными флагами»¹⁹⁸.

Город 1990-х фрагментарно запечатлен в «записках» Владимира Цыганова, в памяти которого центр «проклятого» мегаполиса представлял собой «азиатскую» торговую площадку, возглавляемую лицами эпохи – «бандитами-мафиози», «банкирами из бывших коммунистических секретарей», южанами на «Мерседесах» и «БМВ». Периферия, населенная «синюхами» и работягами, напоминала сплошную промзону, в которой теснятся Вторчермет, резиновый, шинный и другие заводы. По этому городу нельзя просто прогуливаться, но только «нудно тащиться»; невозможно услышать волшебную музыку молодости, но лишь «нетерпеливые сигналы водителей»; не получается легко дышать, но постоянно «задышаться от выхлопных газов».

Образ *Екатеринбурга 2000-х*, мелькающий в эссе Игоря Турбанова, также заряжен отрицательными коннотациями: «современные архитектурные “изыски”» («гейзеры из стекла и бетона»), по мнению автора, подрывают городскую индивидуальность, «верблюжьих морды иностранных грузовиков, холеные, надутые легковушки и отряды пришлых строителей» потихоньку разрушают «живые островки», а «бетонно-стеклянная стерильность» построек не дает воздуха и земли главным старожилам – тополям¹⁹⁹. В «городе будущего» не осталось «ничего того, за что цепляется память бывалого

¹⁹⁷ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 243, 241.

¹⁹⁸ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 170.

¹⁹⁹ Турбанов И. Екатеринбург : пять бликов // Урал. 2010. № 4. С. 144.

горожанина и старомодного пешехода». Только «застывшие во времени» заброшенные парки, «вроде парка Вайнера или того, безымянного, что меж Вечным огнём, постройками медицинского профиля и ВИЗ-бульваром», становятся знаками исчезающего на глазах города.

Старожил Алексей Рыжков также не считает «новые дома такой уж хорошей архитектурой» и отмечает, что «многие улицы изменились настолько», что он «избегает по ним ходить». Но вместе с тем художник оказывается открыт городским переменам и находит положительными новые черты в современном облике Екатеринбурга: «Город стал более легкомысленным, беззаботным, веселым и даже как будто переместился на благословенный юг». «Обилие открытых кафе на улицах, праздники, увеселенья, внушительные гроздья рвущихся к небу надувных разноцветных шаров, пестрые толпы нарядных людей» – все это помогает преодолеть «прежний блочно-панельный “концлагерь”».

В таком историческом варианте моделирования образа Екатеринбурга фиксируется реальная городская действительность разных лет. Способами представления образа города становятся более или менее развернутые архитектурные комментарии и истории из городской повседневности. Закрепившись в общей памяти, образ города явлен через систему устойчивых представлений: «старый город», «дореволюционный Екатеринбург», «город-труженик», «город эвакуированных», «промышленный гигант», «столица Урала», «современный мегаполис» и т.д. При этом «трудные» места памяти (война, репрессии, расстрел семьи Романовых, перестройка, переименование города) оказываются зафиксированы пунктирно. «Не желающие чувствовать себя туристами в родном городе»²⁰⁰, автобиографы наполняют узнаваемый, во многом типологизированный образ Свердловска / Екатеринбурга личными смыслами и таким образом уходят от унифицированного образа города. Наполнение городской повседневности

²⁰⁰ Цыганов В. Мой Екатеринбург : Записки еще не старого жителя. Екатеринбург, 1999. С. 13.

личными впечатлениями превращает «каталожные» исторические зарисовки в человеческие истории.

Важно, что, пребывая в ностальгическом состоянии, автобиографы нередко пытаются устраниваться от событийности, чтобы дать себе время на рефлексию и оценку прошлого. Тогда повествование начинает «буксовать», неся «внутри себя невысказанное авторское желание остановить время»²⁰¹, и в текстах появляются отступления медитативного плана, написанные от первого лица и актуализирующие внимание на сравнении «тогда» и «теперь»: «... вот она, наша старая милая улица Стеньки Разина! Когда, свернув за угол, я ступил на ее тротуар, верите ли, чуть не заплакал. Хотя узнать ее, прежнюю, теперь нелегко: новые панельные дома, асфальт. Всего-то и осталось от старого – двухэтажная библиотека имени Льва Толстого да один деревянный домишко»²⁰².

Так же травматически – с «невообразимой грустью» и «скукой» – воспринимает посещение Харитоновского сада Софья Демидова, которая «ничего, кроме прудика с висячим мостиком, не обнаружила», а только «чахлую зелень» и «бегающих по дорожкам взрослых мужиков в спортивных костюмах»²⁰³, а Герман Дробиз – родной двор, напоминающий «невидимый город Китеж, погруженный в бездну»²⁰⁴; Наталья Факова – двор, где теперь «угрюмо смотрят на улицу зарешеченные окна первых этажей», а «кодовые замки на подъездах и застекленные балконы не позволяют по-свойски заглянуть к соседу»²⁰⁵ и т.д. «Сейчас мы живем в совсем другой России. И почему-то очень грустно»²⁰⁶, – рассуждает Евгений Касимов.

Отдается ностальгии и оптимистично настроенный автор «Нарисованного Екатеринбурга»: «Я все это написал давно. Сейчас интонация была бы другой. Очень сильно скучаю по разрушенным старым домам <...>

²⁰¹ Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) // Лицо и стиль. Екатеринбург, 2009. С. 133.

²⁰² Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 392.

²⁰³ Демидова С. Детство в Свердловске // Урал. 2011. № 6. С. 83.

²⁰⁴ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 244.

²⁰⁵ Факова Н. Дворы моего детства // Урал. 2006. № 2. С. 48.

²⁰⁶ Касимов Е. П. Физиология Екатеринбурга. Екатеринбург, 2009. С. 120.

Гуляя по Екатеринбургу, я часто ловлю себя на странном ощущении. Кажется, что попал в чужой город. Все не так, как я привык <...>»²⁰⁷.

Но печальные картины настоящего не становятся ключевыми в личных историях: они «запечатываются», нивелируются памятью. Ностальгирующие автобиографы пытаются абстрагироваться от «застывшего, историчного, сохранившего на себе отпечатки определенных событий и периодов»²⁰⁸ пространства и (ре)конструируют пространство идеальное. Авторы упрямо «воздвигают исчезнувшие стены», чтобы оказаться на том «живом островке» «старого, домовитого, просторного и прогулочного» Екатеринбурга, в котором сохранилась «тихая и короткая, как само детство, улочка», дом, двор.

И если в реальной действительности заветное место оказывается «поглощенный разраставшейся стройкой», «стертым с лица земли», «изменившимся до неузнаваемости», то идеально-отвлеченное пространство, «казалось бы, навсегда погибшего детства»²⁰⁹ останется навсегда. Только в этом «символическом универсуме», «манящем прошлом», «недостижимом детстве» по-прежнему есть «танцплощадка, где ухаёт оркестр и кружатся парочки» (Дробиз), стоят «гипсовые олени и мальчик с горном», работает сине-голубая лодочная станция (Блинов) и сохранен «заповедный городской уголок» с Вознесенской церковью, Харитоновской усадьбой и Ипатьевским домом «на откосе» (Демидова).

В цикле рассказов Ирины Шаманаевой идеально-отвлеченным локусом выступает, казалось бы, конкретно обозначенная, «улица Пирамидальных тополей». В действительности, это особенное место в городе, навсегда связанное с молодостью разных поколений большой семьи. Это локус, где «оживают» семейные истории и сбываются мечты: «Иногда среди зимы так хочется увидеть цветущие яблони. Я знаю один безошибочный способ исполнить свое желание – просто прийти на улицу Пирамидальных тополей,

²⁰⁷ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 176.

²⁰⁸ Костина Д. Арт-движение «Старик Букашкин»: новая мифология или живое творчество? // Литературный квартал. 2009. № 2.

²⁰⁹ Дробиз Г. Свидетель : повести и рассказы. Екатеринбург, 2003. С. 241, 247.

которая, конечно, у каждого своя. Но, как бы она ни называлась, она обязательно существует»²¹⁰.

В таком двунаправленном процессе «мемориализации одной информации» и «забвения другой»²¹¹ топография города превращается в топографию воспоминаний, а узнаваемый Свердловск / Екатеринбург замещается мифологизированным, многократно переживаемым образом «города детства и юности», «города, о котором вспоминают», – по сути, неким «общим местом»: настолько сходными оказываются и образ героев, и сам характер их воспоминаний²¹².

Образ Свердловска (не Екатеринбурга) выступает топосом, где сконцентрированы представления о детстве, юности, молодости. Черты города-ностальгии находятся в каждом из проанализированных текстов, что задает цельный образ идиллического города (Бахтин), отличающегося «органической прикреплённостью, приращённостью жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому»²¹³.

Выводы

Занимаясь реконструкцией собственной истории, автобиографы настойчиво «проговаривают» отношения с окружающей действительностью и восстанавливают декорации, на фоне которых разворачивались важнейшие события. Включая в тексты многочисленные подробности о топографии, архитектуре и повседневности Свердловска / Екатеринбурга, авторы, с одной стороны, пытаются создать максимально точную иллюзию виртуального присутствия в далеком прошлом (для чего используются такие элементы, как

²¹⁰ Шаманаева И. Улица Пирамидальных тополей // Звезда. 2007. № 12. С. 72.

²¹¹ Васильев А. Г. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI в. М., 2015. С. 37.

²¹² Литовская М. А. Тема города как самооправдания биографического автора в современной прозе Урала // Литература Урала : История и современность. Екатеринбург, 2008. С. 199.

²¹³ Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 158.

фиксация значимых локусов, разворачивание панорамных изображений, прочерчивание маршрутов, введение образов местных жителей).

Город, нарисованный автобиографами, несет на себе печать истории разных периодов, каждый из которых соответствует очередному витку истории личной.

«Летописцы» пытаются сформулировать оценку пережитому, сделать картину прошлого завершенной, для чего «помещают образ города «в рамку вечно проходящего, но никогда не уходящего времени детства, в которое упоенно вглядывается он (автор) сам сегодняшний»²¹⁴.

С другой стороны, в какой-то момент временные потоки переплетаются, чтобы стереть явную границу между историческими зарисовками и всем тем, что происходит в настоящий момент, чтобы автору удалось «объединить свой бывший и нынешний образ, создать миф о себе»²¹⁵. Конечной точкой автобиографических текстов становится незаметное перевоплощение героев из 1950-х, 1960-х и 1990-х в героев нулевых, а Екатеринбурга давних лет – в современный мегаполис. Так, ощущая свою связь с городом, его историей, авторы передают мысль о неразрывности времен, в которой прошлое – это часть настоящего.

Стоит отметить, что воспроизводимые в текстах стереотипы о Свердловске / Екатеринбурге как о городе-заводе, городе-труженике, городе эвакуированных, позднесоветском городе воспринимаются авторами не как общие места, но как некие жизненные метафоры, «сгустки» памяти. При этом ключевыми, смылоразличительными выступают другие образы: образ города юности, города детства, города молодости. Ярко выраженная авторская интонация дает возможность рассказать свою историю от первого лица, посмотрев на город глазами ребенка, городского романтика, мудрого старожилы.

²¹⁴ Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) // Лицо и стиль. Екатеринбург, 2009. С. 133.

²¹⁵ Матвеева Ю. В. Проблема сюжета в документальной, биографической и автодокументальной прозе // Сюжетология и сюжетография. № 2. 2014. С. 7.

Глава 2. Образ города в социально-психологической прозе

Прежде всего, хотелось бы оговорить, что к социально-психологической прозе мы будем относить тексты, объединенные изображением жизни вымышленных героев в вымышленных, но конкретно-исторически обусловленных жизненных ситуациях. При этом описание характерных примет времени и течения повседневности в подобных текстах оказывается концептуальным фактором: автор стремится имитировать актуальное состояние общественно-социальной ситуации, занимая при этом дистанцированную позицию. По отношению к ней тексты, которые мы анализируем, отмечаются особой повествовательной структурой – сложным субъектно-объектным синтезом голосов разных персонажей, в котором смысловая нагрузка возлагается «не на сюжет как цепь событий, не на сооружение зримого хронотопа, а на построение повествования»²¹⁶. Оказавшись смыслоопределяющим «структурным единством», именно «зона персонажа» («изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях»²¹⁷) определяет развитие проблематики и динамику текстов.

Соответственно, в комплексе социально-психологической прозы образ города присутствует на втором плане и моделируется во многом через сознание героев, каждый из которых делится своим самоощущением в пространстве. Усложненная субъектно-объектная организация текста, в которой нет единственной точки зрения, а сопрягаются «авторское видение» и «видение героев», обуславливает специфику построения образа города.

На материале романа Александра Чуманова «Три птицы на одной ветке», сборника «Девять девяностых» и романа «Завидное чувство Веры Стениной» Анны Матвеевой, романа «Ненастье» Алексея Иванова попробуем проследить, как именно формируется образ города. Основные проблемные вопросы, которые нас интересуют: какие приемы авторы используют для

²¹⁶ Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 247.

²¹⁷ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999.

изображения городской атмосферы, как изображается взаимодействие персонажей и города, как передается в текстах коллективная точка зрения на город.

2.1. Горожанин как объект изображения

Герои социально-психологической прозы настойчиво занимаются самоидентификацией: соотносят себя с определенным поколением, моделью общественного поведения, вписывают себя в пространственно-временные координаты.

При этом нередко настойчивая самоидентификация получает ироническое маркирование. Так, например, главными героинями романа А. Н. Чуманова «Три птицы на одной ветке» выступают три, по выражению автора, «уральские женщины» – бабушка Алевтина Никаноровна, дочь Эльвира и внука Софочка. Чумановские герои представляют особый тип людей с приписываемой им «уральской широтой натуры» – «отстраненной», скептической, «крайне мало склонной к оптимизму»²¹⁸ точкой зрения на происходящее. «Уральские женщины» находят причины для «горькой иронии по поводу причудливости судьбы», «улыбаются ироничной улыбкой» и «бросают ехидные реплики»²¹⁹. Таким образом они ведут свою личную борьбу с «несусветной, вековечной, избитой пошлостью» действительности и добиваются необходимой независимости. Именно через такое – иронически-скептическое – мировидение героев создается образ города Екатеринбурга. Так, бабушка «званием екатеринбурженки ничуть не дорожила, тем паче не гордилась»²²⁰: основные требования Алевтины Никаноровны к месту проживания – тепло, комфорт и магазины поблизости. При финансовых затруднениях она готова продать свою трехкомнатную екатеринбургскую квартиру и переехать в любой другой город. Эльвира также не испытывает особой привязанности к Свердловску / Екатеринбургу и не считает себя

²¹⁸ Чуманов А. Три птицы на одной ветке // Урал. 2003. № 9. С. 127.

²¹⁹ Там же. С. 159, 153.

²²⁰ Там же. С. 120.

екатеринбурженкой: ее детские воспоминания связаны с самыми разными городами, а наиболее часто вспоминаемым и претендующим на звание родного является Арамиль (там после развода жил ее отец и там же был похоронен). Софочка, родившаяся и выросшая в столице Урала, уже в десять лет сформулировала свое устойчивое мнение об уральской столице: «...Свердловск – такая же дыра, как и ваши поселки, переполненные пьяницами да уголовниками. И вся разница – трамваи да более высокий уровень художественной самодеятельности»²²¹.

Герои романа «Завидное чувство Веры Стениной» Анны Матвеевой также без особой увлеченности рассуждают о пространственно-временных координатах. Так, главная героиня, Вера, осознает, что просто по стечению обстоятельств оказалась «в Екатеринбурге, училась на искусствоведа и дружила с бывшей одноклассницей» и, «если бы её спросили, выбрала бы другое время – да и место тоже». Она прекрасно понимает, что живет в среднестатистическом городе, в котором «не может произойти ничего особо интересного» и только «недавно появились рестораны и магазины»; оценивает музей, в котором работает, как «заштатное собрание третьесортных картин второстепенных художников»; неприязненно относится к кварталу на Вайнера за его «купеческий, въевшийся глубоко в кирпичи запах денег»²²². Но при определенной доле равнодушия и негативизма Вера все же называет Екатеринбург «миллионным городом», выделяет «адрес мечты» («самый красивый дом на Плотинке²²³») и чувствует себя здесь более комфортно, нежели в Санкт-Петербурге. «Екатеринбургскость» Веры улавливает точный на формулировки Сарматов и в прощальном письме замечает, что «не может представить себе Веру где-то, кроме Екатеринбурга».

Валечка воспринимает столицу Урала исторически: для него Екатеринбург – это город с «черным прошлым», омраченным расстрелом царской семьи. Раскопки в Поросёнковом логу, «след от сабли японского

²²¹ Чуманов А. Три птицы на одной ветке // Урал. 2003. № 9. С. 120.

²²² Матвеева А. Завидное чувство Веры Стениной. С. 192.

²²³ Там же. С. 537, 252.

самурая, феномен Анастасии и оторванный палец Александры Феодоровны»²²⁴ – части головоломки, которую с самоотдачей пытается собрать герой.

По-другому тему Романовых воспринимает Юля: для журналистки поиск останков – это «захватывающая история», а приезд наследников – катание по городу «двух крупных, величественных женщин и мальчика в костюмчике» на черных «мерсах», «подогнанных криминальными авторитетами». Проживая свою жизнь в стремительном темпе, Юля не успевает вникнуть и в свои взаимоотношения с городом. Хотя у близкой подруги Веры был свой «адрес мечты» (квартиры на Московской горке), ряд заметок о родном городе и профессиональное предположение о том, что «историю будут писать здесь», рефлексия о месте проживания ее не увлекает.

У зрелых женщин Свердловск / Екатеринбург также вызывает разные чувства: мама Веры гордится «уральским малахитом», называет место проживания «родным» и нередко вспоминает про свою «свердловскую жизнь». Лидия Робертовна, напротив, уезжает из Екатеринбурга в Петербург с легкой душой: увозя «обожаемое фортепиано и старинное зеркало», забирает с собой свою часть города юности и не чувствует утраты.

Периодически «фокус» повествования меняется, и город, его атмосфера и ритм, прямо или косвенно отражают внутреннюю жизнь персонажей, а панорамы оказываются смысловыми останками, застывшими переживаниями. Так, например, впервые оставшись у Геры, юная Вера всматривается в «традиционный юго-западный пейзаж» и пытается получить одобрение у «тонких сосен, многоэтажек и гаражей». Не найдя положительного отклика от «одинаково серых и каких-то безвыходных» строений, героиня теряет в буквальном смысле и «долго петляет между гаражами», натываясь на «тупиковые стены» и испытывая на себе «скромный шарм типовой архитектуры»²²⁵.

²²⁴ Матвеева А. Завидное чувство Веры Стениной. С. 46.

²²⁵ Там же. С. 82, 83.

Прогулки по городу также оказываются особыми жизненными ситуациями-состояниями. В медитативных беседах, оживленных спорах, легком флирте, которыми сопровождаются путешествия по Екатеринбургу, раскрываются ключевые моменты личной истории Веры. Она помнит «заснятые в деталях и мелочах» счастливые прогулки с Герой: как «летом тысяча девятьсот девяностого уральского года» они прогуливались по «черной, ночной, прохладной» улице Пушкина, как, не поймав машину на углу Ленина и Бажова, шли пешком до площади Коммунаров, минуя Оперный театр и аллеи, где «на скамейках сидел весь город». Шагая «рядом с Герой нога в ногу», Вера чувствовала себя услышанной, нужной и идеально вписанной в город. В автомобильных путешествиях с доктором Сережей (по странному маршруту «Тверитина – переулок Встречный – аэропорт Кольцово») участвовала уже другая Вера – осторожная, умудренная опытом и вооруженная ироническим мировидением, помогающим выдерживать безопасную дистанцию.

В сборнике «Девять девяностых» Анны Матвеевой героини также по-разному обозначают свое отношение к городу. Среднестатистический екатеринбуржец воспринимает город, скорее, метеорологически: радуется «двум (или полтора – как положат) месяцам обманчивого» лета, загорая около «местного болотца» и нередко наблюдая «город в дымке – как будто ему отключают небесное тепло»²²⁶; в остальное время «жалуется на скудость» уральского тепла и ворчит на «холод и грязь». Но существует и другая, более загадочная связь с местом, заставляющая жителей с нежностью относиться к «каслинским шедеврам» и уральским самоцветам, по-особенному шутить (лавируя между сарказмом и иронией) и гордиться непростым характером, «выращенным в суровых условиях долгой уральской зимы»²²⁷.

«Новоиспеченные» свердловчане, как петербурженка Лина, привязываются к городу, осознавая его местом перемен и встреч – локусом

²²⁶ Матвеева А. Девять девяностых. 2015. С. 237.

²²⁷ Матвеева А. Завидное чувство Веры Стениной. С. 388.

«самого счастливого времени»²²⁸. Мама Лины, напротив, считает Свердловск «ужасным» городом, где «грязно, холодно» да «еще и царя убили»²²⁹. Поддерживают стереотипные взгляды на город представительницы уральской глубинки, ассоциирующие Екатеринбург с поездкой на бесплатном автобусе в «Икею», экскурсией в большой магазин ткани, дегустацией гамбургеров в «Макдоналдсе» и покупкой «домой торта внукам». Открыто не заявленный в качестве столичного города Екатеринбург все же выступает таковым на фоне других уральских городов – маленьких, «спившихся до самого фундамента», «никому не интересных» – городов, о которых «в столицах стараются не думать»²³⁰.

Для местных жителей, нейтрально относящихся к истории и архитектуре города, Свердловск является городом незаметным – неким фоном, на котором проходит жизнь. Один из равнодушных старожилов именует город «Свёрловском», тем самым «получая город зубных техников или фрезеровщиков» и объясняя внутреннюю форму следующим образом: «Потому что у нас царя свергли».

Екатеринбург нулевых, где «все меняется по секундам», обращает на себя больше внимания и видится «городом-героем», который «похорошел», став «всерьез похожим на Гонконг», и даже претендует на статус «столицы России»²³¹.

Для персонажей, привязанных к старому городу и считающих его своеобразие, нулевые, напротив, оказываются синонимом отчуждения и утраты чего-то настоящего. Для них важно хранить где-то на периферии памяти сведения об «агафуровских дачах», где «в гамаке между сосен» «позировала фотографу красивая купчиха Агафурова»; о Малахове – «знаменитом уральском архитекторе», который «построил себе дом на краю

²²⁸ Матвеева А. Девять девяностых. 2015. С 138.

²²⁹ Там же. С. 140.

²³⁰ Там же. С. 104.

²³¹ Там же. С. 164, 336.

города»; о монастыре «рядом с екатеринбургским зоопарком, где во время войны жил слон, эвакуированный из Москвы».

Некоторые персонажи даже предлагают свою «городскую философию»: Татьяна, например, полюбив «желтые окна свердловских домов», пытается «слышать, понимать, разбирать истории» каждой свердловской квартиры, с которой ее сводят жизненные обстоятельства. Она хорошо чувствует, что есть «печальные», «мстительные, как гарпии», «злые, разобиженные, несчастные» квартиры и, напротив, «счастливые», «чистенькие, добрые, свежие», в которых «свет, даже если окна выходят на север»²³². Нелюбимыми остаются безликие общежития, а дорогим сердцу оказывается «дом на улице Воеводина»: «Ах, Воеводин! Мастер по ремонту локомотивов и вагонов, а также, само собой, революционер и герой, мог ли он знать, что в честь него назовут эту чудесную улицу?»²³³.

Запутанная схема отношений со Свердловском / Екатеринбургом выстраивается у местной молодежи: девушки и юноши, мечтающие «обо всем мире на блюде с голубой каймой», проходят трудный путь к принятию родного города. В детстве они развлекаются этимологией, предполагая, что Площадь 1905 года названа так в честь детей, которым шел пятый год, улица Селькоровская – «в честь коровы». В юности уже уверенно участвуют в городской коммуникации, «упрощая и огрубляя даже самые ласковые и красивые названия»: Посадский район именуют «Посадом», кинотеатр «Буревестник» – «Буреломом», Дворец молодежи – «Молодежкой».

Любопытно, что при очевидной социальной, возрастной и профессиональной пестроте героев мир текстов Анны Матвеевой оказывается, главным образом, молодежным: это город девушек и юношей, детство которых прошло в Свердловске, а юность – уже в Екатеринбурге. На «детской» карте Свердловска / Екатеринбурга – Дворец спорта, где девочки занимались художественной гимнастикой; Суворовское училище,

²³² Матвеева А. Девять девяностых. 2015. С. 33, 41, 42.

²³³ Там же. С. 34.

«укомплектованное наследными принцами из олигархических семейств»; музыкальная школа при Доме офицеров, в которой «Ада играла гаммы в подготовительном классе».

«Свои детские времена» герои провели либо в бараках (построенных на месте «бывших болот»), либо в элитных «Семерах», либо в типовых хрущевках, но всегда – в советских и позднесоветских дворах. Во дворах, где «двери всегда были открыты», где можно было жевать гудрон, качаться на «березке» и где было «интереснее, чем в самом загадочном сне»²³⁴.

Выросшие герои Матвеевой загадывают желания под мостом на Восточной, ходят в «скучные гости на Генеральскую», гуляют «по вечернему городу», посещают «бары с горьким пивом» и кафе «Ветерок» на Плотинке, покупают «одинаковые ботинки в коммерческом магазине на Пушкина», а на Центральном рынке – колготки и тушь для ресниц.

Во взрослой жизни нередко появляется желание прервать связь с Екатеринбургом, чтобы найти другой, альтернативный жизненный сценарий.

Сочиня эссе на тему «За что я люблю свой город», девушки из Екатеринбурга признаются, что город «ненавидят», «не любят», надеются, что «они здесь ненадолго» и совсем не понимают, «чем восхищаться в Екатеринбурге, за что его любить»: «Что может быть скучнее, чем родиться и умереть в одном городе? Если так, всю жизнь будешь ходить мимо своей будущей могилы»²³⁵. Полюбить города-идеалы оказывается проще: Адель «влюбляется в Нью-Йорк, когда ему не исполнилось и пяти лет», Нина – в Киев, а точнее – в «видовые открытки» с ним, Ада видит идеальным местом проживания Париж.

Не чувствуя своей причастности к Свердловску / Екатеринбургу и полагая, что «здесь будет происходить только плохое», многие из героев «твердо решают уехать». Одни уезжают с легкой душой, другие – убеждая себя, что не будут грустить «по серому небу, серым домам, серым людям» и

²³⁴ Матвеева А. Девять девяностых. С. 23.

²³⁵ Там же. С. 251.

холодной зиме с «сугробами ростом с человека», когда «детей кутают в шарфы до самых глаз»²³⁶. Но каким бы долгим ни было расставание, город упрямо напоминает о себе, появляясь в воспоминаниях или снах, где ходит «поздний троллейбус, с Химмаша», где «строительные заборы с отодранными досками», «рыбаки на льду городского пруда» и где зимним днем «идешь в ЦГ – Центральный Гастроном – захлеб обсуждая какие-то пластинки»²³⁷.

Чтобы вернуть ход привычной повседневной жизни, «бывшие» екатеринбуржцы «в память о прошлом читают старые российские газеты», «зачем-то проверяют прогноз погоды в Екатеринбурге» и не слишком доверяют новостям, интернету и чужим рассказам, в которых «Екатеринбург выглядел жалким и убогим»²³⁸. Им страшно возвращаться в город, который «при встрече не сможешь узнать» и который, скорее всего, превратился в среднестатистический мегаполис, где «смотреть нечего».

Суммируя, можно отметить, что образы горожан во многом раскрываются через взаимоотношения с местом проживания: город может выступать в роли скрепы в семейных, личных историях; просто фона, «декорирующего» жизненный сценарий.

В целом, отношения со Свердловском / Екатеринбургом, выстроенные на различного рода оппозициях (принятия – отторжения, заинтересованности – равнодушия, типичности – индивидуальности, динамики – статики), предстают как набор нюансов, который проблематично охарактеризовать однозначно.

Важно, что свердловчане/ екатеринбуржцы, вписанные в городскую повседневность переменчивой столицы Урала, постоянно стремятся сформулировать представление о собственной идентичности. При этом не только положительные, но и отрицательные чувства оказываются ресурсом, который помогает героям осознать себя и реальность, в которую они вписаны.

²³⁶ Матвеева А. Девять девяностых. М, 2015. С. 254, 289.

²³⁷ Там же. С. 325, 332, 186.

²³⁸ Там же. С. 347, 332.

2.2. Социально-психологическая интерпретация изображения городской повседневности

В социально-психологической прозе герои четко ощущают свою связь с городской повседневностью, характер которой предопределен объективно-историческими условиями. Одна из целей авторов подобных произведений – показать горожанина как активного или пассивного участника конкретно-исторических событий. Поэтому в социально-психологической прозе так много узнаваемых для современников описаний из жизни города, деталей, указывающих на ее (жизни) скоротечность. При этом появление или исчезновение той или иной реалии будет соотноситься с судьбами героев.

Так, в романе «Завидное чувство Веры Стениной» оказались запечатлены самоощущения горожан в *Свердловске 1970–80-х годов* – городе, где прошла «бедная свердловская юность» свекрови главной героини, жившей в коммуналке на Красноармейской, «трудовые будни в кадровом отделе Верх-Исетского завода» старшей Стениной. Для Веры и Юли Свердловск тех лет – это город детства, в котором они «жевали гудрон в тенистых дворах Посадской», посещали центральную зубную поликлинику и магазин «Детский мир», оставшийся в памяти «у всего поколения». Свердловчане тех лет – дружное сообщество, которому оставалось «любить то, что нравится каждому»: одеваться, как в спецодежду, в «румынские кофточки с чёрными огурцами», пользоваться духами «Исфаган» местного разлива, «убогими “Уральскими самоцветами”», покупать «Свердловские» кексы и называть «все куртки – вне зависимости от размера и фасона – “курточками”».

Герои сборника «Девять девяностых» также хранят память о городской повседневности тех лет: о домах быта, где делали «портреты в земляных, ретро-коричневых тонах», о пышечных, к которым «со всего города приезжали за пышками», о прежнем названии кинотеатра «Колизей» («Октябрь»), в котором «целый год показывали фильм “Ученик лекаря”»²³⁹.

²³⁹ Матвеева А. А. Девять девяностых. М., 2015. С. 27, 67, 344.

Символами советского времени осознаются надписи на домах «Партии Ленина слава!» и памятник Якову Свердлову.

В романе «Ненастье» Алексея Иванова события разворачиваются в *1990-е годы* в «городе-миллионнике» Батуеве – «двойнике» Свердловска / Екатеринбурга, который легко узнается именно благодаря многочисленным деталям из городской повседневности того времени.

В качестве ключевых городских событий обозначаются многочисленные митинги, превращение заводов в «безлюдные промзоны», открытие финансовых контор, «предназначенных для прикрытия спекуляций, теневого оборота ценных бумаг, валютных обменов и отмыва налички»²⁴⁰, криминальные захваты (одного из центральных рынков, Дворца культуры «Юбилейный», ликеро-водочного завода).

На панораме города выделяются «рафинадные башни проспекта», «стеклянный ящик ЦУМа», «пёстрые шатры кафе», «здание облсовета», напминавшего «бетонный аккумулятор», «зелёный ЦПКиО, над которым торчало колесо обозрения»²⁴¹. Городским фоном выступают типовые панельные пятиэтажки, гастрономы, долгострои, ларьки, где, «вооружившись газовыми баллончиками», сидят испуганные продавщицы; немногочисленные рестораны, возле которых «стоят бандитские иномарки». Многократно воспроизводится образ одного из рынков – отдельного «мира в себе» с «чётко структурированным и поделенным пространством»: на улице торгуют «тётки в куртках и беретах, с турецким загаром», «интеллигентные мужчины в кепках», «бабки из деревень, в платках и телогрейках», «работяги в спецовках»; в товарном терминале, «чудовищном вертепе с ворьём и скупкой краденого, с наркотой», орудуют «челноки», торгующие «шмотьём»²⁴². Многочисленные конторы, забегаловки, промзоны, заборы делают Батуев, по мнению местных жителей, «захолустьем» – городом «большим, но каким-то

²⁴⁰ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 481.

²⁴¹ Там же. С. 40.

²⁴² Там же. С. 447.

неуклюжим», не умеющим «показать себя», «встретить гостей» и «развлечь хозяев»²⁴³.

Архитектурные заметки о городе 1990-х появляются в текстах Анны Матвеевой, по версии которой, город представлял собой массовую панельную застройку вперемешку с бандитскими ресторанами типа «Старая крепость» и редкими новостройками – с «породистым окрасом», «хитрыми планировками» и «лоджиями – предметом главной зависти окружающих». Городские окраины пугают своими лабиринтами, криминальными разборками и обитателями: «техничками-алкоголичками», «бичами из барака», «советскими пацанами родом из спортивной секции» и «крепкими ребятами, только и ждавшими, чтобы сцепиться с кем-то»²⁴⁴.

Досуг горожан организовывается посещением видеобара ресторана «Космос», где было «модно вечерять в девяностые», и Дворец культуры «Автомобилист» с кинопоказами для школьников. Центр города («сквер у ЦУМа»), отданный в руки самодельных творцов, славится «картинами на массовый вкус» и недорогими фотосессиями на Плотинке на фоне «сиреневого неба, водонапорной башни и фонтана».

Достаточно отчетливо звучит в текстах А. Иванова и А. Матвеевой тема драматичности, сломленности жизни: так, например, переворачивается судьба Ярослава Александровича (Яр Саныча) из «Ненастья», жизнь которого «посыпалась» после штурма Дворца культуры, где он работал тренером в спортивной секции. Зрелище «затопленного фойе, выломанных с косяками дверей, баррикад из мебели, дыма в коридорах» оказывается драматичным опытом. К 2000-м годам герой, переставший работать и занимающийся, главным образом, огородом, превратится в «ворчливого домового», который «делал что-то своё, чем-то шаркал, звякал, что-то пересыпал из мешка в мешок, что-то заворачивал в газеты»²⁴⁵.

²⁴³ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 40.

²⁴⁴ Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 10, 43.

²⁴⁵ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 452.

Среднестатистические жители города вынуждены «браться за любую работу»: мужчины «становятся сторожами», «продают на Шарташском рынке шапки из женских рейтуз» и «корейские платья с кружевами-перьями», более уверенные открывают недолговечный бизнес; женщины устраиваются в детские сады и «самые обыкновенные, можно даже сказать захудалые школы», где «платят гроши», но чаще – «торгуют в “комках”» или «возят по домам дешевые польские костюмы»²⁴⁶.

Тема надлома, кризиса подчеркивается также местными СМИ, активно транслирующими образ «преступного, неблагополучного города», в котором «в те годы убийства были не то чтобы в порядке вещей, но уж точно не чем-то выдающимся»: «в новостях каждый день показывают кровавые лужи и взорванные авто», «стреляют криминальные авторитеты» (Матвеева); рассказывают о «разрубленных на куски близкими родственниками простых людях <...> сожженных хижинах екатеринбургских трущоб, обгоревших трупиках детей» (Чуманов). Молодые родители «гоняют в голове страшные картины» о краже детей из песочниц, женщины вздрагивают от очередной новости о маньяке, «наводившем ужас на весь город», а дети с увлечением смотрят репортажи о «загадочном появлении в водах Исети зубастых монстров». Журналистика становится не просто «модной профессией эпохи», но частью мировидения, фильтром, через который местные жители смотрят на действительность. Включение социально-бытовых подробностей жизни, новостей из СМИ работают на создание удручающей городской атмосферы.

В качестве декораций 2000-х в «Ненастье» фигурируют бизнес-центры, лобби-бары, «фасеточные башни из чёрного и синего стекла», супермаркеты, дискаунтеры вроде «Ашана» или «ИКЕА». Многие локусы меняют свой статус: вокзал из «заплёванного, тёмного и опасного» превращается в «удобный и респектабельный»; городские набережные и ЦПКиО облагораживаются; рынки становятся мегамоллами с «фонтаном у входа, шеренгой флагштоков», «эскалаторами, световыми пирамидами вместо потолков, стеклом и длинными

²⁴⁶ Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 208, 10, 38.

витринами, указателями, кафе, тележками, банкоматами»²⁴⁷. Но при всех переменах у города остается налет «неухоженности» и «непрезентабельности» из-за «запущенных скверов», «серых стен панельных многоэтажек» и «прорех долгостроев»²⁴⁸.

Главными героями эпохи нулевых оказываются «самоуверенные, холёные и мордатые мужчины с убедительной речью»²⁴⁹, новые «победители», создающие свои правила. Жизнь прежних городских лидеров меняется: Серега Лихолетов после СИЗО сдает «афгановские» квартиры и снимает апартаменты в «богатом обкомовском доме в центре Батуева», а отдыхает в Хургаде, занимаясь дайвингом и наблюдая за «коралловыми рифами».

В текстах Анны Матвеевой строгая историчность корректируется характером подобранного материала: автор предлагает рассказ о «городских буднях» – том неспешном ходе повседневной жизни, который замечают или вспоминают главные герои. Герои Матвеевой внимательно вглядываются в окружающие декорации и осозанно или неосознанно разделяют город на определенные «*смысловые зоны*» – локусы, ставшие важными в историях персонажей: *зона отдохновения и творчества* («чудесная улица» Воеводина на Плотинке, где «действительно хотелось размышлять, а не грызть, к примеру, семечки»; УрГУ – «строгий и величественный храм науки»; Оперный театр, напоминающий «сказочный замок, в котором вполне мог жить какой-нибудь французский граф»); *семейно-домашняя зона* (квартира Стениных в переулке Встречном, где «с кухни уютно пахло блинчиками, бормотал телевизор», – дом и очаг для двух семей в трех поколениях; квартира Ады с мамиными «котлетками и баклажанной икрой», «удобной кроватью, подушкой без единого комка и уютным большим одеялом»); *зона с невнятными планировками* («персональный Адкин Бермудский квадрат» в районе Фурманова и Белинского; квартира на Ботанике – неприятный, далекий локус в «неизведанной окраине», где «все было чужим, магазины дорогими,

²⁴⁷ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 508, 9, 447.

²⁴⁸ Там же. С. 40.

²⁴⁹ Там же. С. 416.

соседи незнакомыми»; странная пятиэтажка на Громова – место проживания целительницы-экстрасенса; «отдельный город» Уралмаш, где «ничего не понимала, терялась и блуждала» одна из героинь); *периферические зоны* (вокзал с «запахами сажи, пирожков, чужого страха опоздать» – «самый, наверное, угрюмый из всех вокзалов мира»; «родной» аэропорт Кольцово – место легких прощаний и затянувшихся ожиданий).

Здесь уместно отметить, что образ города организовывается зонированием через оппозиции историческое – личное, столичное – провинциальное, уникальное – общее.

Реже панорамные изображения и топографическая конкретика могут типизироваться в текстах с социально-психологической жанровой доминантой. Тогда появляется образ «не только и не столько Свердловска / Екатеринбурга, сколько любого другого провинциального города, попавшего в водоворот новой российской жизни, с ее неизбывной провинциальностью и метафорической ущербностью»²⁵⁰.

В романе Алексея Чуманова фиксируется общая городская атмосфера и самоощущение героинь в городском пространстве, которое осознается ими, с одной стороны, как очень тесное, заполненное людьми. А с другой, как пространство большое, открытое, по которому можно совершать «дальние поездки», «рванув на другой конец», «прошвырнуться на трамвае», «подышать свежим городским воздухом», а также «гордо и независимо пройтись <...> в сопровождении огромной собаки»²⁵¹.

Через некоторые знаки «провинциального города» – «компании уличных торговков», «вольных охотников городского дна», «городских старушек», прогуливающих «городских псов», – Екатеринбург получает маркировку «обычный», заурядный, выступая в роли декорации, нейтрального фона, который может не замечаться героинями, находящимися в его пределах.

²⁵⁰ Подлубнова Ю. Современный литературный процесс. Проза 2000-х гг. Екатеринбург, 2009. С. 65.

²⁵¹ Чуманов А. Три птицы на одной ветке // Урал. 2003. № 9. С. 118, 140.

Рефлексию «уральских женщин» по поводу своей причастности к «месту» вызывают разноформатные «смены координат» – переезды и путешествия, позволяющие героям дать новую оценку Екатеринбургу через сравнение с другими городами.

Конструирование «ситуации дистанционности» оказывается структурно важным элементом развития сюжета в социально-психологической прозе. Развитие проблематики во многом определяется именно благодаря сменам места жительства, позволяющим героям посмотреть на город с другой стороны. На основании данной ситуации условно могут быть выделены следующие оппозиции: Екатеринбург – другие нестоличные города, Екатеринбург – столичные города, Екатеринбург – заграница, город – пригород.

Оппозиция Екатеринбург – другие нестоличные города. В романе «Три птицы на одной ветке» Екатеринбург обозначен как «город большой», противопоставленный, во-первых, другим уральским «совсем маленьким городам», в том числе «вымороченной Арамили, разрезанной надвое зловонной исетской лужей, не замерзающей ни в какой мороз». Во-вторых, город обозначен как «современный большой» «уральский мегаполис», статус которого определяют челябинские гости, совершающие каждодневные экскурсии по уральской столице: «Наш Челябинск в подметки не годится вашему Екатеринбургу, он вообще дыра дырой...».

В прозе Анны Матвеевой эпизодические образы других городов, прежде всего, расширяют топографию текстов. При этом способом введения локусов чаще оказываются клише: Волгоград идентифицируется с «памятником Родина-Мать, увиденном в слайдовой презентации на уроке истории»; Оренбург – со «степями, арбузами» и «оренбургскими полушалками» и т.д.

Оппозиция Екатеринбург – столичные города. В романе «Три птицы на одной ветке» «близкий, родной и простой» Екатеринбург оказывается противопоставлен «далекой, недоброжелательной» Москве, которая не

принимает «уральских женщин» и заставляет их почувствовать себя «дремучими провинциалками» с «плебейским видом». Они не вписываются в «столичный формат», следствием чего становится полное неприятие Москвы и проявление специфического «провинциального шовинизма» (как иронически называет это чувство автор). Алевтина Никаноровна пытается разрушить существующие стереотипы о Москве как о «столице мира», «лучшем городе земли» и «необъятном мегаполисе» и представляет ее источником зла: «...вся российская мерзость из столицы, и в первую очередь начальство там. И оно все затевает и сквозь пальцы глядит на проделки “провинциальных элит”»²⁵². В «лучшем городе земли» бабушка впервые сознает свою «уральскую широту натуры», лишенную «столичного высокомерия», и с гордостью называет Екатеринбург «тоже столицей, хотя и уральской», «неофициально-провинциальной».

Согласуясь с особенностями нрава «уральских женщин», все высказывания об официальных столицах проходят сквозь призму иронического: знаками официальных столиц становятся «столичное высокомерие», «столичные штучки» и «столичные скупердяи». «Столичность» понимается героинями как формальность, стереотип: «Это ведь общее место в книгах, кинофильмах и песнях – коренной москвич, как радушный хозяин, демонстрирует туземцу лучший город земли»²⁵³. Люди, обладающие «уральской натурой», не доверяют административным статусам, понимая условность любых номинаций; они предпочитают самостоятельно «развешивать ярлыки»: «сущей столицей» может быть и Арамиль, «лишь бы в квартире было тепло, и не требовалось ходить по воду», и Тюмень как «столица деревень», и Екатеринбург как «провинциальная», «неофициальная» столица. Таким образом, определение «провинциальный» не является отрицательным; это, скорее, выражение принципиальной позиции

²⁵² Чуманов А. Три птицы на одной ветке // Урал. 2003. № 9. С. 127.

²⁵³ Там же. С. 130.

самодостаточных «уральских женщин», не желающих подчиняться каким-либо стереотипам.

В романе «Завидное чувство Веры Стениной» смысловым городом для Веры, Лары и Лидии Робертовны оказался Санкт-Петербург. Первой связью с «культурной столицей России» начала устанавливать «как-бы-свекровь», уехавшая туда после смерти сына. Пытаясь найти в Петербурге уют и укрытие от боли утраты, Лидия Робертовна уезжает «бодро» и легко. Позже (благодаря фотографиям и письмам от «снохи» Веры) выстраивает пунктирную связь между Екатеринбургом и Петербургом.

Но в итоге Санкт-Петербург не становится скрепляющим элементом в семейной истории. Лара, «приревновавшая Питер к маме», невзлюбит вторую столицу за «слишком уж много обязательной для усвоения красоты»: «все эти дворцы, фонтаны, мосты и памятники» воспринимались девочкой как «полоса культурных препятствий», которую хотелось бы скорее преодолеть. Вера проявляла интерес к городу согласно стандартной схеме: она ценила места, в которых «нужно побывать каждому» и настойчиво переводила Лару от одного дворца к другому; стояла в очереди в Эрмитаж и наслаждалась его красотой, хотя «уставала от скачек по золоченым люстрам, расписным потолкам, резным дверям и мозаичным полам»²⁵⁴. Вера даже улавливала несовершенство культурной столицы («утомительный быт», существование среднестатистических спальных районов, которые «не могли предложить ничего особо выдающегося»), но нуждалась в локусе как в месте отдохновения: «Петербург шел ей на пользу», и героиня чувствовала себя «спрятанной от мыслей, которые дожимали ее в Екатеринбурге»²⁵⁵.

Более развернуто, но не менее стереотипизированно воспринимается Москва в сборнике «Девять девяностых» – как «самый денежный город нашей страны», в котором районы настолько отдалены от центра, что «местные жители годами не могут вспомнить, что живут в столице»²⁵⁶. В Москву

²⁵⁴ Матвеева А. Завидное чувство Веры Стениной. С. 417.

²⁵⁵ Там же. С. 375.

²⁵⁶ Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 126, 127.

обычно «срываются» «к родственникам», чтобы стоять целыми днями в пробках, смотреть на «на мумию в Мавзолее» и просто «бродить по улицам, уставать, маяться»²⁵⁷.

Оппозиция Екатеринбург – за граница. В романе Александра Чуманова незнакомая, инокультурная и нереальная Австралия не смогла стать родной для «уральских женщин». Хотя Алевтина Никаноровна испытывает определенную неловкость перед новым мужем Софочки из «цивилизованной Австралии» из-за того, что отель «Екатеринбург» может предложить только «замызганные апартаменты три на четыре с туалетом, но без ванны, за который содрали столько, сколько в родной Австралии не содрали бы за всю пустыню Виктория»²⁵⁸, она не упускает возможности отнестись иронически к данному факту. Героиня даже пытается отстоять право на независимость «своего», пусть не такого цивилизованного, но родного города: «...екатеринбургский аэропорт еще такого не достиг, чтоб во всякую дыру летать. В Таборы и Гари – пожалуйста, а в Австралию – вот еще!»²⁵⁹.

Ситуация «внеаходимости в Екатеринбурге» показывает, что жизнь «не на Урале» не складывается, и героини Чуманова обязательно возвращаются в родной город. Все переезды нужны для того, чтобы «уральские женщины» почувствовали свою связь с родным «местом» и перешли от скептических замечаний вроде «тоска по Родине приходит и уходит, а сытость, комфорт и райский климат — ценности вечные...» к патриотической мысли, что «рай хорош, но для мертвецов, а живому человеку нужна Родина»²⁶⁰. Состояние дистанцированности, которое формируется при каждом переезде, становится импульсом для размышлений о городе.

В романе Алексея Иванова за граница играет роль паузы, вневременного промежутка, в котором жизнь течет по другим (нежели в криминальном Батуеве) городе. Герман, мечтавший об Индии, все-таки

²⁵⁷ Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 138, 162, 139.

²⁵⁸ Чуманов А. Три птицы на одной ветке // Урал. 2003. № 9. С. 148.

²⁵⁹ Там же. С. 149.

²⁶⁰ Там же. С. 80.

оказывается в Винараямпуре, где ему удастся созерцать «отдалённые шерстяные хребты, нежно окутанные влажной синеватой мглой»; океан, напоминающий «оркестр с литаврами»; хибары, крытые сеном; и базар, воспринимаемый как «парад чудес»: здесь одновременно «торгуют всем подряд», «на обочинах цирюльники стригут и бреют клиентов, завернув по горло в малиновые с золотом покрывала», «с крылечек лавчонок орут весёлые зазывалы», «орудуют уличные кулинары», показывает фокусы бродячий жонглёр²⁶¹.

В рассказах Анны Матвеевой образы «заграничных» городов гармонично вписываются в личные истории, обретая любопытные черты и даже персонифицируясь: Вена кажется «теплой и круглой, доброй бабушкой» или «дамочкой с характером»; Варшава, где так «серо и грустно», напоминает «вдову»; Киев видится городом-мужчиной, умеющим «останавливать время»²⁶².

Достаточно последовательно раскрывается история взаимоотношений героев с Парижем. Заданный не через набор застывших коннотаций, но через отношения-впечатления героев, образ французской столицы органично вписывается в роман «Завидное чувство Веры Стениной» и становится ключевым в рассказе «Екатеринбург» сборника «Девять девяностых».

У зрелых дам из «Завидного чувства Веры Стениной» Париж вызывал либо спокойный профессиональный интерес (как у Веры, которая по-искусствоведчески наслаждалась культурным наследием города), либо – весь спектр эмоций (как у Юли, чувствовавшей повсюду «запах любви и круассанов», слышавшей ритмы «Марсельезы» в грохоте мусорных баков и рыдавшей в Лувре).

Столица Франции в воображении девушки-филолога Ады (главной героини рассказа «Екатеринбург») – это собирательный образ с «Башней, кладбищами, утонченными и уточненными парижанками, бульварами,

²⁶¹ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 462, 475.

²⁶² Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 256, 221.

мостами и статуями». Выросший «из груди книг», где «вместо домов – тома Дюма, Гюго, Флобер», Париж Ады – некий «хенд-мейд», ее личное творение «ручной сборки», «выщарапанное отовсюду», «по капельке собранное – даже из журнала “Крокодил”»²⁶³.

На первой стадии адаптации в городе Париж, действительно, «открывался Аде – как будто она перелистывала большую книгу с картинками»: героиня слышала в «именах улиц» «прекрасную музыку», нежно гладила стены соборов, видела в Эйфелевой башне «красавицу с ног до головы в кружевах». Но эйфория постепенно выветривалась бытовыми трудностями, из-за которых в городе «любоваться становилось некогда и нечем»: Париж превращался в «невидимый» город, «чувства переставали работать», появлялись «нелюбимые улицы и даже целые районы»²⁶⁴.

Успев «подумать хорошо» и «увидев Париж изнутри», героиня делает важное открытие: «Париж из юной мечты в точности похож на потерянный Екатеринбург из прошлого. В реальности не существует ни того, ни другого»²⁶⁵. В реальности существует только Ада, ее характер и самоощущения в пространстве. Как только Ада начинает понимать, что счастье может сложиться и в Париже, где она «лишь раз видела тоненькую, как на крем-брюле, корочку на водоеме в Тюильри», и в Екатеринбурге, где «Исеть покрывалась ледяной коркой такой толщины, что Ада и Олень запросто ходили по ней с одного берега на другой», авторская концепция обретает свою законченность.

Так, «резкая смена привычного пространства и времени, на смену которой приходит другая повседневность»²⁶⁶, в итоге, оказывается кризисным этапом во взаимоотношениях героини с чужим городом. В момент разрушения образа мечты подсознание Ады ищет очередной идеал-ориентир и возвращает ее к родному Свердловску / Екатеринбургу с «недорытым метро, ажурным

²⁶³ Матвеева А. Девять девяностых. М., 2015. С. 229, 231, 231.

²⁶⁴ Там же. С. 283, 284, 287, 288.

²⁶⁵ Там же. С. 289, 342.

²⁶⁶ Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. СПб., 2011. С. 23.

белым куполом цирка, похожим на модную шапку размера сто тысяч XXL», «Горным институтом» и «здоровенной каменюкой» – «жеодой бурого железняка», куда маленькая Ада забиралась всякий раз, когда папа брал ее с собой в институт.

Столь желанная когда-то «ситуация дистанцированности» от родного города оборачивается кризисом привычной повседневности, а захватывающая ностальгия постепенно замещает прежние рациональные мысли о переезде идеализированными воспоминаниями.

В романе «Ненастье» Алексея Иванова, благодаря введению образа Ненастья, реализуется оппозиция *город – пригород*. «Заколдованная» деревня Ненастье с «тесовыми домиками», сараями, «оградами из покрышек», парниками и грядками оказывается в романе «вневременным локусом», местом равновесия, где хотя бы на время можно избавиться от жизненных неурядиц. Неприметное Ненастье существовало еще до «передрыг» 1990-х и остается в предприимчивые 2000-е (пусть и готовится попасть под снос для строительства нового предприятия). В «скромной дачной деревне советского пошиба» проходят многие счастливые годы семьи Тани, укрывается от «отчаянья и картин катастрофы» Яр Саныч; именно здесь Герман прячет украденные деньги и прячется сам, пытаясь избавиться от «ползучего сумасшествия, сомнений, которые разъедают и точат здравый смысл»²⁶⁷.

В Ненастье время словно замирает, поэтому так четко видна разница между временами года: Герман, укрывающийся в «безлюдной даче», ощущает «полный покой» с приходом осени и наступлением первых заморозков: герой впервые замечает, как «улицы покрываются изморозью, чувствительной, как эмульсия на фотоплёнке», вербы и липы становятся «ледяными», окна – «заиндевелыми»²⁶⁸.

Вневременные точки находит также мечтающая жить спокойно и в согласии с жизненным потоком Таня – не привязанная ни к городу, ни к

²⁶⁷ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 619, 595.

²⁶⁸ Там же. С. 595.

конкретной улице, но к дому как понятию: «Ей нравилось наводить порядок, готовить ужины, собирать Германа на работу, вести хозяйство. По воскресеньям она с важным видом сидела за столом, изучая чеки за неделю, и что-то записывала в большую тетрадь»²⁶⁹. Может быть, именно поэтому союз Германа и Тани оказывается столь гармоничным: они создают свой дом, уют в любой точке на карте, отдыхают на природе: идут за «дикой малиной и земляникой, осенью – за грибами», «ходят по широким перелескам», «слушают шум деревьев, чириканье птиц»²⁷⁰.

Таким образом, рассмотренные оппозиции оказываются снятыми. Тексты наводят на мысль, что в действительности, все точки на карте мира примерно равны. Героям необходимо избавиться от иллюзий, чтобы примириться с реальностью. Смоделированный через сознание главных героев, их самоощущения в пространстве и отношении к городу в ситуации «дистанцирования», Екатеринбург в текстах социально-психологического плана фигурирует в качестве неотъемлемого «свойства» прошлого и настоящего его обитателей – «уральских жителей».

Суммируя, можно сказать, что «мозаично» заданный образ города, с одной стороны, базируется на таких авто- и гетеростереотипах, как «советский Свердловск», «место расстрела царской семьи», «криминальный город 90-х», «мегаполис», авторы сознательно запускают автоматическое, то есть ожидаемое и не затрудненное принципиально новой авторской концепцией восприятие Свердловска / Екатеринбурга. С другой стороны, образ города, основанный на монтаже звучащих в текстах «городских голосов», играет важную роль и в развитии проблематики, и в структуре повествования с усложненной субъектно-объектной организацией.

²⁶⁹ Иванов А. Ненастье. М., 2016. С. 451.

²⁷⁰ Там же. С. 452.

Выводы

Таким образом, в социально-психологической прозе выстраивается многокомпонентный образ Екатеринбурга, вырастающий из особенностей повествовательной структуры: отдельные реплики персонажей, детали из городской повседневности, немногочисленные панорамные изображения, сравнение с другими локусами работают на создание атмосферного образа Свердловска / Екатеринбурга.

Прошедший сквозь призму сознания отдельного героя, семьи, целого поколения, город оказывается общим жизненным пространством (в романе «Три птицы на одной ветке»); препятствием или необходимым условием для саморазвития (в текстах А. Матвеевой); отражением конкретно-исторического периода (в романе «Ненастье»).

В социально-психологической прозе пространство не замыкается на Екатеринбурге: герои путешествуют, знакомятся с другими городами, странами, чтобы, расширив географические границы, найти новые ресурсы для самоидентификации. Описание екатеринбургского пространства через оппозиции историческое – личное, столичное – провинциальное, уникальное – общее, динамичное – статичное, природное – урбанистичное делает его неоднозначным, становящимся.

Можно предположить, что за мотивом путешествий и возвращений считывается современная теория глобализации – существования «единого мирового культурного пространства», где «действуют единые правила, общие стандарты, которые уравнивают всех “игроков” в правах»²⁷¹.

Авторам социально-психологической прозы удалось передать базовые характеристики современного российского общественного сознания: «внутреннюю противоречивость», «разорванность», «подверженность неожиданным страхам и иллюзорным надеждам, малообъяснимым шараханьям, проявлениям инфантилизма, зигзагообразность развития»²⁷².

²⁷¹ Мурзина И. Я. Очерки истории культуры Урала. Екатеринбург, 2008. С. 401.

²⁷² Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 81.

Глава 3. Образ Свердловска / Екатеринбурга в документальной литературе

«Документальная литература», «документально-художественная литература», «газетно-журнальная документалистика», «литература факта», «человеческий документ», «литература нон-фикшн/ non-fiction»²⁷³ – понятия, функционирующие в современной науке в качестве синонимичных. При этом, по мнению Е. Г. Местергази, единственным, официально закрепившимся в науке, можно считать словосочетание «документальная литература»²⁷⁴.

Эстетическое своеобразие «документальной литературы» определяют «организующие ее факты, документы»²⁷⁵, понимаемые как «нечто открытое для <...> свободного осмысления, нечто противоположное замкнутой в себе авторской концепции»²⁷⁶. В качестве структурных особенностей документальной литературы, отличающих ее от «литературы вымысла», обозначаются «установка на подлинность» (Л. Гинзбург), «документальность, свободная композиция, сочетание беллетристичности и аналитичности, авторская доминанта, использование большого количества фактического материала»²⁷⁷.

Являясь одним из самых востребованных читательской аудиторией типов литературы, документалистика нередко оказывается посвящена теме города. В последнее время популярны такие издания о городах, как путеводители, фотокниги, дневники путешественников, интерактивные карты

²⁷³ Местергази Е.Г. О термине «документальная литература» // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 11 (55). С. 175.

²⁷⁴ Исследования Л. Я. Гинзбург, А. Г. Журбиной, П. Палиевского, Г. Поспелова, А. Г. Тартаковского, А. Г. Цейтлина и т.д.

²⁷⁵ Местергази Е.Г. О термине «документальная литература» // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Вып. 11 (55). С. 174.

²⁷⁶ Павлова Н. Концепция и художественность документального произведения // Иностранная литература. 1966. № 8. С. 188.

²⁷⁷ Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012. С. 5.

города, в которых историческая, культурологическая информация дается емко, динамично и доступно²⁷⁸.

Как отдельный жанр выделяют «городские биографии» – «не путеводители и не справочники, где собрана основная информация по истории, экономике, социальной сфере города, а именно его биография, причем не всегда выстроенная в строго хронологическом порядке». «Лондон» П. Акройда, «Прага. Магические зарисовки» Дж. Бэнвилла, «Гений места» П. Вайля – описания городов как «живых организмов, растущих и меняющихся по собственным законам, хранящих свои тайны и особую ауру»²⁷⁹.

Именно в современной документальной литературе наглядно реализует себя тенденция к «жанровому синтезу», отказу от «строгих жанровых определений»²⁸⁰. Стремясь нарушить читательские ожидания, придать новизну художественному высказыванию, авторы предлагают «пограничные» жанры между путеводителем, эссе, очерком.

Кроме того, стоит учитывать, что тексты о городе с документальным началом выстроены на основе «соединения научности и художественности; сочетания стремления к лаконичности со вниманием к подробностям»²⁸¹. Поэтому нельзя не учитывать, что образ города в путеводителях, путевых заметках, очерках при всей своей «фактографичности» будет также субъективным.

«Я люблю Екатеринбург. И искренне горжусь им. Когда приезжают гости, веду на импровизированные экскурсии <...> Здесь собраны эти прогулки. Все, что в них есть умного и исторического, – вольный пересказ статей Артема Берковича, Ольги Бухаркиной, Всеволода Слукина и Дмитрия

²⁷⁸ Например, издания серии «Мы шагаем по Москве. История в картинках, маршруты, игры и кроссворды для всей семьи»: Долматова Д. Метро. Подземное путешествие. М., 2016; Мантула Т., Долматова Т. Вокруг Кремля. Путеводитель. М., 2016.

²⁷⁹ Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII– середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 7.

²⁸⁰ Абашева М. П. Логика жанрового развития прозы 1980-1990-х годов // Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. С. 21.

²⁸¹ Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза). Рязань, 2003. С. 3.

Наркисовича Мамина-Сибиряка. Об Уралмаше рассказывал Сергей Агеев. Они – настоящие специалисты и краеведы, а я погулять вышла. Ошибки и неточности не исключены»²⁸², – оговаривает свою позицию С. Кулешова в путеводителе «Неожиданный Екатеринбург».

Цель настоящей главы – рассмотреть образ Свердловска / Екатеринбурга в современных путеводителях и очерках: изучить, каким образом в современных документальных текстах функционируют уже сложившиеся представления о городе; отследить, при помощи каких приемов местные авторы пытаются высказать собственную точку зрения на город и как, в конечном итоге, направляют развитие образа города и даже меняют сам город.

3.1. Образ Екатеринбурга в путеводителях

Сегодня путеводители по городу – достаточно востребованный и изучаемый жанр. В зависимости от характера подачи информации современные исследователи делят путеводители на две группы: 1. Информационно-справочные – краткие, фактографичные, чей стиль изложения близок к хронике, рекламной статье, где описаны основные достопримечательности, даны стандартные туристические маршруты, схемы, карты; 2. Беллетризованные – подробные, с обилием любопытных фактов, авторских рассуждений, стиль которых близок к очерку, эссе, журналистскому расследованию, где уделено внимание культурному контексту, широко используются цитаты, ссылки, наряду с традиционными маршрутами даны нестандартные экскурсии, в интерпретации тех или иных событий присутствует позиция автора»²⁸³.

Как пишут Л. В. Савченко и О. Ю. Шум, вне зависимости от специфики подачи информации для путеводителя как жанра характерны «отбор и выстраиваемая ценностная иерархия объектов показа, использование

²⁸² Кулешова С. Неожиданный Екатеринбург. Екатеринбург, 2013. С. 3.

²⁸³ Фирсова А. В. Литературное картирование г. Перми в путеводителях // Географический вестник. Туризм и краеведение. № 3 (22). 2012. С. 105.

системы специальных навигационных знаков, а также композиция, включающая две обязательные части: культурно-историческую характеристику объектов и практические советы»²⁸⁴. Базовыми элементами художественной структуры выступают перечисление исторических фактов, более или менее развернутые описания местных достопримечательностей, ссылки на высказывания о городе известных жителей и гостей и т.д.

Мы остановимся на группе «беллетризованных» путеводителей – изданиях, где «сдвинуты» границы жанра; видоизменена классическая «описательная модель» рассказа о городе; достаточно отчетливо звучит голос составителя (его социальная, профессиональная позиция; личное отношение к городу). «Я люблю смотреть, как, не меняя своего характера сквозь века, город обновляется и обогащается <...> В этой книге я делюсь с читателями моими любимым маршрутами, по которым я брожу уже более шестидесяти лет, не переставая наслаждаться красотой и величием города»²⁸⁵, – пишет в предисловии к путеводителю «Петербург: пешком по городу» А. А. Друзь.

В последнее время появляется немало разноформатных путеводителей, посвященных Екатеринбургу²⁸⁶. Так, в журнале «Урал» в рубриках «Краеведение», «Публицистика», «Без вымысла» появляются путеводители по старому городу, посвященные музыкальной, художественной жизни города, городской повседневности, известным горожанам²⁸⁷ и т.д.

²⁸⁴ Савченко Л. В., Шум О. Ю. Гипертекстовые признаки путеводителя как база его интерактивности [Электронный ресурс] / Л. В. Савченко, О. Ю. Шум // Интерактивная наука. – 2016. – № 6. – С. 92–95. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26489030_96707894.pdf (дата обращения: 01.05.2018).

²⁸⁵ Друзь А. А. Петербург: пешком по городу. М., 2018. С. 5.

²⁸⁶ Старков В. И. Мой город. Екатеринбург в памятниках истории и культуры. Екатеринбург, 2005; Стариков А. А. Екатеринбург : история города в архитектуре. Екатеринбург, 2008; Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург, 2009 год. Востребованным стал жанр коротких тематизированных путеводителей: например, циклы публикаций на портале Е1 («Элитные советские парадные: открываем тайны необычных подъездов Екатеринбурга»), «Город под надзором: отправляемся на экскурсию по сталинским башням на крышах Екатеринбурга» И. Давыдова, «Кто в теремочке живет» П. Ивановой) и т.д.

²⁸⁷ Бочкарева Е. «Таганский ряд»: вещевого рынок изнутри // Урал. 2000. № 10. С. 165–173; Шантин Г. Валюта военного времени. Урал // 2000. № 6. С. 155–157; Павлов В. Господа и слуги печати // Урал. 2001. № 4. С. 193–204; Дмитриев А. В. Дом на Тарасовской. Семейная хроника одного купеческого рода // Урал. 2002. № 8. С. 182–202; Матафонова Ю. Радостное волнение». Лемешев и Козловский на Урале // Урал. 2016. № 11. С. 171–173.

Например, как серия «прогулок» по дореволюционному городу воспринимаются публикации Ольги Бухаркиной²⁸⁸: «Я переношусь на целый век назад, слышу звон колоколов городских церквей, цокот копыт по мостовой, выкрики торговков на базаре, гляжу в витрины магазинов, узнаю знакомые лица. Это мой любимый старый город. Я иду по улицам и приглашаю читателя вместе с собой»²⁸⁹.

Автор предлагает «пройтись по самой главной улице старого города», обувшись в «легкие, удобные туфли» и взяв с собой зонтик; главное – поверив, что гид – это горожанин тех лет, отмечающий, что окраина города – «место нехорошее» (здесь «казенная винная лавка, пивная», около которых «случается поножовщина»); что в «Немецком ресторане» за «умеренные цены предлагают вкусные домашние обеды, виноградные вина и крепкие напитки»; что в доме Клепониных открылся «нынче детский сад — одно из педагогических новшеств» и т.д.

Подобный метод выбирает Сергей Беляев, предлагающий искусствоведческие «истории оперных антерприз»: «Куда заманчивее, на наш взгляд, обратиться к хронике екатеринбургских гастролей итальянских оперных трупп, попытаться воссоздать атмосферу, царившую в те далекие дни на сцене и в зрительном зале, «прислушаться» к разноголосице мнений, которые высказывались тогда по поводу показанных спектаклей»²⁹⁰. Рассказы, собранные из деталей городской повседневности 1910-х, представляют собой реконструкцию повседневности дореволюционного города.

Оригинальный жанр «эпистолярной дискуссии» предлагают Дмитрий Мелких и Антон Касимов в документальном издании «Малахитовые гитары», посвященном «известным на всю страну» и «забытым» музыкантам Екатеринбурга. Но сборник не ограничивается рассказами о биографиях и творческих судьбах исполнителей: «Места, люди, события и повседневная

²⁸⁸ Бухаркина О. «Дабы произросла добрая польза» // Урал. 2000. № 7. С. 65–68; Бухаркина О. Вдоль по улице по главной // Урал. 2000. № 12. С. 158–162; Бухаркина О. По улицам старого города // Урал. 2000. № 8, С. 150–156 и т.д.

²⁸⁹ Бухаркина О. По улицам старого города. Урал. 2000. № 8. С. 150.

²⁹⁰ Беляев С. Композитор Сергей Прокофьев в столице Урала // Урал. 2011. № 9. С. 185.

жизнь горожан также нашли свое отражение на страницах книги начала 1990-х до нашего времени»²⁹¹.

Прагматичная цель стоит перед авторами «Нестандартного путеводителя по городу»: представить Екатеринбург как успешный, современный мегаполис, ультрасовременный город-потребитель, жизнь которого строится, главным образом, на развитии фэшн-индустрии, ресторанного бизнеса, сферы развлечений и шопинга.

В последнее время стали весьма популярны путеводители, рассчитанные на детскую и юношескую аудитории²⁹²: например, «Екатеринбург: родной город step by step» В. А. Сутырина, два детских путеводителя, выпущенных издательством «ТАТЛИН» («Энциклопедия от А до Я» и «Сказочный путеводитель по Екатеринбургу») – «просветительские проекты, рассчитанные (желательно) на совместное чтение взрослых и детей»²⁹³ и призванные представить Свердловск / Екатеринбург как особенное, яркое, интересное место.

Детские путеводители, подготовленные издательством Эдуарда Кубенского, учитывают особенности рецепции Екатеринбурга детской аудиторией. Восприятие города ребенком, по мнению Е. Асоновой, «всегда немножко сродни сказке или мифу: привычные детские маршруты измеряются фигурками, памятниками, приметными картинками в витринах»²⁹⁴.

²⁹¹ В целом, рассказы о современном музыкальном движении в городе пользуются популярностью: см., например, Шахрин В. Открытые файлы. Екатеринбург, 2006; Шахрин В. Екатеринбург в оранжевом настроении: дневник-путеводитель. Екатеринбург, 2018; Карасюк Д. «Наутилус Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды. М., 2017; Карасюк Д. Свердловская рок-энциклопедия. Екатеринбург, 2016; Карасюк Д. Агата Кристи. Черные сказки белой зимы. М., 2018.

²⁹² За последние 5 лет вышли игры-прогулки «Ралли» от издательства «Самокат», серия путеводителей издательства «Эксмо», циклы путеводителей издательства «Фома» (серия «Настя и Никита»); «Клевер-Медиа-Групп» (серии «Увлекательная прогулка», «Большое путешествие»), «Фордевинд» (серия «Иллюстративные путеводители для детей и родителей»); серия «Городок» немецкой художницы С. Бернер, «Потешные прогулки по Москве» художника Л. Токмакова.

²⁹³ Барковская Н. В. Путешествие по Уралу с книгой: материалы для элективного курса // Филологический класс. 2016. № 1(43). С. 34.

²⁹⁴ Читатель в городе: город как учебник – город как мастерская – город как место для творчества: коллективная монография / под ред. Е. А. Асоновой, Е.С. Романичевой. М., 2017. С. 12.

Соответственно, история города дается не через набор дат, но через истории-легенды об основании города²⁹⁵, рассказы о дружбе основателей города²⁹⁶; через рассуждения о «человечности» городской истории (ведь при мысли рассказчиков о том, что тот или иной известный человек «жил и работал в Екатеринбурге, сердце радуется»).

Кроме того, «маленький горожанин пока еще не знает названия улиц, не ориентируется в организациях и учреждениях, разместившихся в городских зданиях <...> движение по маршруту вполне сопоставимо с преодолением препятствий в волшебной сказке, в которой герою предстоит спасти себя от страшного чудовища или найти сокровища»²⁹⁷. Именно поэтому в путеводителе «Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я» будут проработаны сказочные мотивы и образы: в фонтане около Драмтеатра «живет радуга»; Каменный цветок «мерцает, как драгоценный, и тогда легко представить его в покоях Хозяйки Медной горы»; в парке за домом Расторгуевых-Харитоновых живут «отражения тургеневских барышень и их кавалеров, которые когда-то гуляли по его берегам и читали в беседке стихи друг другу»²⁹⁸ и т.д.

Архитектор, экскурсовод, участница арх-группы «Podelniki» Полина Иванова предлагает для рассказа о городе формат научно-популярного исследования, в котором ставятся задачи (например, «проследить эволюцию «дома мечты» – от городской усадьбы до многоквартирного комбината»²⁹⁹); формулируются гипотезы (к примеру, «возможно, трансформация территории Екатеринбургского завода случилась бы гораздо раньше, если бы не

²⁹⁵ «31 декабря, в волшебную ночь, когда сбываются желания, Татищеву приснился вещий сон. Он долго не мог найти в горах место для завода, который ему проучил заложить сам Петр I. Но вот однажды во сне он встретил Хозяйку Медной горы, которая сказала: “В обмен на обещание я покажу тебе место, где ты сможешь построить завод, который простоит века. Для этого ты должен не трогать сокровищ, лежащих там”. Поговаривают, что эти самые сокровища лежат под Плотинкой нетронутые до сих пор» (Екатеринбург: энциклопедия от А до Я. Екатеринбург, 2016. С. 54).

²⁹⁶ Иногда ночами Татищев улыбается де Геннину и говорит: «Слушай, мы основали отличный город!» (Екатеринбург: энциклопедия от А до Я. Екатеринбург, 2016. С. 52).

²⁹⁷ Читатель в городе: город как учебник – город как мастерская – город как место для творчества: коллективания монография / под ред. Е. А. Асоновой, Е.С. Романичевой. М., 2017. С. 12.

²⁹⁸ Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я. С. 24, 81, 57.

²⁹⁹ Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску. Екатеринбург, 2017. С. 208.

революция, Гражданская, а затем и Великая Отечественная войны»³⁰⁰); совершаются открытия, позволяющие объяснить логику городских изменений («искренняя вера молодых архитекторов в светлое будущее позволила полностью преобразить это мрачное место» (об истории стрелки Городского пруда, где возведен комплекс «Динамо»)).

«Архитектурный путеводитель. Екатеринбург 1920-1940» представляет собой восемь маршрутов, составленных группой архитекторов, искусствоведов, историков, дизайнеров и фотографов, каждый из которых по своему заинтересован судьбой города. Смысловым центром «урбанистических разговоров» стали рассуждения о «многоликом и местами противоречивом» конструктивизме, «расставляющем смелые и эффектные акценты в общей городской панораме»³⁰¹. Цель специалистов – найти, сформулировать и проговорить очевидные и «неочевидные смыслы», транслируемые «мощными конструктивистскими зданиями» – этими «суровыми исполинами» с «насыщенной геометрией», «невиданными объемами» и «давящими масштабами». По коллективному мнению авторов, парадоксальная «вписываемость» конструктивизма в местные координаты, его способность быть самодостаточной «городской реальностью», нести «черты столичности» и одновременно поддерживать идентичность города можно объяснить способностью авангарда «идти на контакт как со средой, так и с отдельно взятым человеком»³⁰².

«Архитектурный путеводитель» можно назвать самостоятельным «городским исследованием», в котором вступают в диалог разные авторские способы взаимодействия с городом через метафоризацию, одушевление. Путеводитель, посвященный конструктивизму, в действительности, является рассказом о городе вообще. Интересным, «идушим на контакт» оказывается не только феномен конструктивизма, но и сам Свердловск / Екатеринбург; не

³⁰⁰ Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску. Екатеринбург, 2017. С. 68.

³⁰¹ Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 2016. С. 12, 133.

³⁰² Там же. С. 295.

только авангард «алчет новой жизни, новых содержаний и смыслов своего удивительного пространства», но и город в целом.

«Литературный путеводитель» Анны Матвеевой³⁰³ – это специфически структурированный городской материал, основанный на деталях из биографий писателей, цитатах из писем, дневников, путевых заметок, художественных текстов. По стилю изложения данный путеводитель «близок к литературному эссе, но в то же время повествование имеет четкую проекцию в городское пространство». Как пишет А. Фирсова об аналогичных изданиях, посвященных Перми, авторы подобных «беллетризованных путеводителей» внимательно «вглядываются в топографию города, ища в ней те заветные “locus poesiae”, что создают особый литературный образ» города³⁰⁴.

При всем тематическом разнообразии современные путеводители объединяют многие содержательные и структурные компоненты. Так, главным предметом изображения выступает жизнь горожан в Екатеринбурге, поэтому весь городской материал подается, главным образом, через призму восприятия екатеринбуржцев. «Каждый житель Екатеринбурга полезен и очень важен. У каждого свое дело и своя профессия»³⁰⁵, – в таком ключе заинтересованности и расположенности к местным жителям рассуждают о городе виртуальные экскурсоводы Рыжий Кот и Матрос Вова в издании Эдуарда Кубенского.

Коллективный портрет екатеринбуржца в «Екатеринбурге для больших и маленьких» выглядит следующим образом: «счастливый», «талантливый и равнодушный» горожанин³⁰⁶, который ходит в музеи, чтобы «вдохновиться»; сочиняет легенды про Белую башню, потому что «любит» ее; «каждый выходной и в праздники» приходит на Плотинку, чтобы «послушать концерты» и «полюбоваться уральскими камнями»³⁰⁷.

³⁰³ Матвеева А. Литературный путеводитель // Горький. URL: <https://gorky.media/context/pushkin-v-nochnushke-vanna-a-mayakovskogo-i-vysotskij-neboskreb> (дата обращения: 10.10.2017).

³⁰⁴ Фирсова А. В. Литературное картирование г. Перми в путеводителях // Географический вестник. Туризм и краеведение. № 3(22). 2012. С. 107.

³⁰⁵ Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я. Екатеринбург, 2016. С. 31.

³⁰⁶ Там же. С. 27.

³⁰⁷ Там же. С. 6.

В карманном «Путеводителе по Екатеринбургу и Свердловску» Полины Ивановой прочитывается образ современного горожанина, который воспринимает Ельцин-Центр в качестве «важной части культурного ландшафта города»; около Театра драмы смотрит «кино на воздухе», «играет во фрисби, пьет кофе из передвижных кофеев, танцует сальсу и буги»; принимает такие формулировки, как «антикафе времен Российской империи» (про Клубный дом Общественного собрания) или – «первый настоящий лофт Екатеринбурга» (про Дом печати) и т. д. Современный горожанин, по мнению П. Ивановой, хочет «узнать город изнутри», услышав рассказы о «незаезженных туристических местах» – «улицах, площадях, парках и набережных», по которым мы ходим «каждый день и не замечаем»³⁰⁸.

В «Нестандартном путеводителе», ориентированном на создание образа «полноправного участника медиа- и культурного пространства», героями оказываются «менеджеры-энтузиасты», художники, дизайнеры, «молодежная интеллигенция», «скандальные политики», рестораторы, бизнесмены; а также горожане-потребители, отличающиеся «широтой вкусов» («уральская элита», «самые взыскательные екатеринбуржцы», «деловая элита», «гламурные барышни»). Екатеринбургцы посещают успешные в коммерческом смысле локусы: «главный деловой центр», «самый высокий небоскреб северных широт», «крупнейший на Урале мотоцентр», «единственный на Урале модный дом, который разрабатывает корпоративную одежду», «самый умный бизнес-центр города» и т. д.

Издание «Екатеринбург: родной город step by step» В. А. Сутырина адресовано молодому поколению екатеринбуржцев-тинейджеров, которым предлагается «обуть кроссовки, нахлобучить бейсболку и бодро выбежать из подъезда», чтобы «просто пошляться по городу», «потусоваться в свободное время» или «даже поваляться на газоне»³⁰⁹ в Историческом центре города.

³⁰⁸ Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску. Екатеринбург, 2017. С. 15.

³⁰⁹ Сутырин В. А. Е-бург: родной город step by step: путеводитель для тинейджеров. Екатеринбург, 2004. С. 24.

Путеводитель, адаптированный для молодых читателей, отличается стилем (автор пытается говорить языком адресата, для чего называет Дом контор «стильным», старый особняк на углу ул. Малышева и Вайнера – «улетным», известных горожан – «достойными пацанами» и т.д.); интересными историями (легендами, байками, страшилками, анекдотами); специфически оформленными архитектурными заметками (например, прогулка по центру города сопровождается следующим комментарием: «...теперь справа от тебя унылое здание типа бетонной коробки с прорезями окон, а слева – все еще изящный, точно увядающая красавица, дом с чешуйчатыми башенками на крыше»³¹⁰).

Чтобы подчеркнуть статусность городских объектов, автор настойчиво сравнивает местные достопримечательности с общемировыми: площадь 1905 года – с Красной и Дворцовой площадями; музей изобразительных искусств – с Лувром или Эрмитажем; дендропарк – с петербургским Летним садом и т.д. Так создается образ города, который может быть и предметом гордости для местной молодежи, и просто комфортным и уютным местом проживания.

Стоит отметить, что тема уютного города-дома оказывается одной из устойчивых в современных путеводителях. Так, в «Екатеринбурге для больших и маленьких» представлена карта любимых мест: около памятника Кирову любят встречаться студенты, а на Аллее любви – «влюбленные пары»; семьями ходят в «зоопарк – одно из любимейших мест отдыха горожан и гостей Екатеринбурга»; компаниями друзей посещают Театр музыкальной комедии, где царит особая атмосфера «тепла», «добра и уюта». В Екатеринбурге спокойно и комфортно, а екатеринбуржцы – домоседы, которые «большую часть времени проводят в домах», где обязательно есть «уютные домашние столы» и слышатся голоса детей. Трепетно относятся горожане к «любимым дворам» – «старым и уютным, засаженным вековыми

³¹⁰ Сутырин В. А. Е-бург: родной город step by step: путеводитель для тинейджеров. Екатеринбург, 2004. С. 62.

деревьями, с песочницами и голубятней, или современным, с охраной и разноцветным детским городком»³¹¹.

Работают на образ уютного города различные городские атрибуты (абазуры напротив Оперного театра, придающие «проспекту удивительно уютный вид»); библиотеки и книжные магазины («волшебные места, где пахнет сказками и старыми книгами»); многие строения («старинные купеческие особняки», которые «шепчут свои истории небоскрегам», часовня на Плотинке, хранящая «память Екатеринбурга», и т.д.).

В «добром» и «красивом» Екатеринбурге горожане верят в чудеса, с радостью соблюдают местные традиции, верят в приметы: на Плотинке загадывают желания; когда куранты на здании администрации «отбивают время, все, кто на площади, поднимают головы и улыбаются – это звон к счастью»; молодожены вешают замочки на Мост влюбленных и прикасаются к родониту, чтобы получилась счастливая семья; посетители Аквапарка пытаются поймать «водяную радугу» для исполнения желаний.

В «Нестандартном путеводителе» также проговаривается тема «просто города Екатеринбурга» – «близкого», «важного», «любимого» пространства, где идет обычная жизнь: студенты назначают «у Яшки» свидания, а уличные художники наряжают его в галстук и очки»; где «Каменный цветок» – любимое место встречи горожан, ВДВшников и выпускников; где возведен памятник Человеку-Невидимке, который долго ищут, а потом «бросают в отпечатки ног монетки» или «оставляют тут букет цветов».

Помимо создания образа уютного города-дома в путеводителях, согласно жанровому канону, освещается история города. Важно, что это не последовательно-линейное повествование, но своеобразная «контаминация». Екатеринбург предстает как город взаимопереходов прошлого и настоящего: дореволюционного Екатеринбурга и советского Свердловска, Екатеринбурга 1990-х и современного Екатеринбурга 2000-х. Как доказательства сложной, нелинейной истории осталось множество «культовых мест, связанных с

³¹¹ Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску. Екатеринбург, 2017. С. 44.

многолетним и близким профильным использованием зданий и сооружений пореформенного, дореволюционного культурного взрыва»³¹².

На триаде наименований «Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург» базируется повествование «Карманного путеводителя» Полины Ивановой. Автор пытается найти доказательства сосуществования разных городских эпох, чье взаимодействие может принимать формы *согласия* (кафе в здании Уральской государственной консерватории позволяет «в любое время дня и ночи» «представить, как здесь работали Татищев и де Генин»; в самом центре города «притаилось романтическое и таинственное здание церкви Марии Магдалины»; на задворках Мытного двора «можно прикоснуться» к «истории торговой площади»); *сотрудничества* (возможно, «современное искусство изменит судьбу здания приборостроительного завода»; «при всей грандиозности проекта “Екатеринбург-Сити” в нем нашлось место для нескольких сохранившихся усадеб старого города»; современный Литературный квартал можно считать реконструкцией «кусочка старого города»); *конфликта* (концепция Исторического сквера «устарела и требует переосмысления»; элитный в прошлом сад Вайнера сегодня – «небольшой зеленый островок», который «используют в основном для того, чтобы срезать путь, пройдя квартал по диагонали»); *превращения в общую память* (фасад ТЮЗа запомнился многим горожанам «с детства и на всю жизнь»; фонтан «с лягушками» остался «любимым многими поколениями свердловчан»; гостиница «Большой Урал» «вошла в сознание многих поколений свердловчан»³¹³).

В «Архитектурном путеводителе» также звучит тема старого города. Так, социолог архитектуры Михаила Ильченко рассматривает территорию от Дома связи до Площади Народной Мести как пространство, сохранившее «атмосферу спокойного, неспешного бытия», где ощущается «особая логика места, не позволяющая нарушить постепенность и размеренность его

³¹² Екатеринбургский пульс. Культурная среда и символический капитал // URL: <http://ekaterinburgpulse.ru/> (дата обращения: 14.02.2019).

³¹³ Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску. Екатеринбург, 2017. С. 106, 148.

развития». Другим «самобытным районом города» автор обозначает территорию к востоку от пруда и стадиона, которая даже после исчезновения «сотни деревянных домиков и малоэтажной застройки» по-прежнему хранит «какой-то особый уют и неторопливость»³¹⁴.

Образно описывает маршрут «От Делового клуба до улицы Восточной» Леонид Салмин, выстраивая «свой невидимый сценарий» из метафор: называет Дом печати из-за разрушенного «индустриального нутра» – «Домом печали»; «Большой Урал» – воплощенной «тоской по югу, по античному солнцу Умбрии и Тосканы (или хотя бы по курортному теплу Ялты и Гурзуфа)»; Дом промышленности и торговли – «архитектурным левиафаном», «самым большим памятником уральской индустриальной гегемонии».

В популярном формате городского туризма по малым маршрутам рассуждает о городе искусствовед Марина Соколовская. «Заходить в работающие магазины, осматривать дворы или появляющиеся вокруг домов ограды, разрушающие ткань городской жизни», – подходящий способ, чтобы войти в «практики повседневной жизни» города, понять «уклад жизни» горожан и увидеть, как витиевато, но гармонично на карте города уживаются «старые особняки», «доходные дома», «торговые заведения», «жилые дома, общественные здания, инфраструктурные объекты и общественное пространство»³¹⁵.

В «Нестандартном путеводителе» также фиксируется связь между разными периодами городской истории. Смешанный характер архитектуры, по мнению авторов, хранит память о триаде «Екатеринбург–Свердловск–Екатеринбург»: «типичная городская окраина, суровая и неприветливая», соседствует с «купеческими дореволюционными» особняками; рядом с советскими постройками³¹⁶ сосуществует современная архитектура³¹⁷ и

³¹⁴ Екатеринбург: архитектурный путеводитель. Екатеринбург, 2016. С. 81.

³¹⁵ Екатеринбург: архитектурный путеводитель. Екатеринбург, 2016. С. 311, 315.

³¹⁶ «Крупнейший книжный магазин», Детская железная дорога, «скульптуры гипсового соцреализма» в парке Маяковского, «главный блошиный рынок Екатеринбурга – Уралмашевская блоха», «прекрасные образцы конструктивизма» и «памятники сталинского неоклассицизма».

«открыточные храмы». Кроме того, на поддержание триады работает топографическое разделение на зоны: *маргинальную* (заброшенная больница «с грустной историей в самом центре города»; «труднодоступная Сортировка», «лишенный романтики» Вторчермет, «криминальный» Уралмаш); *культурную* (библиотеки, музеи, театры, галереи); *vip-зону* (улица Красноармейская – «район миллионеров», Екатеринбург-Сити, Ельцин-центр).

В «Литературном путеводителе» Анны Матвеевой взаимодействие дореволюционного и советского, советского и современного Екатеринбурга отображается в теме «сумятицы, возникшей в Екатеринбурге после уничтожения старых домов и кварталов». Вне времени остаются особые «культурные точки», где концентрируется творческая жизнь³¹⁸ и каждая из которых символизирует тот или иной период городской истории. Это *локусы из старого города* («солидный дом» Мамина-Сибиряка на Пушкина; «небольшой деревянный домик на углу улиц Большакова и Чапаева» (музей П.П. Бажова); Харитоновский дом, легенд о котором «наслушался» А. Н. Толстой, проходивший студенческую практику на Урале; «Американская гостиница», где останавливался П. Чехов, которого «извозчики разочаровали», а «екатеринбуржцы нешуточно напугали»); *локусы из города советских лет* (Центральная гостиница, где Пастернаку «показалось слишком уж пыльно»; гостиница «Большой Урал», где останавливался Высоцкий, назвавший Свердловск городом «тусклым», «гнусным»; парк им. В. Маяковского, кинотеатры «Искра» и «Южный»); *локусы из современного города* («небоскребы», «первая смотровая площадка» и многие современные памятники и малые архитектурные формы, как, например, «самый оригинальный в городе – памятник Человеку-невидимке», «мемориальный

³¹⁷ «Чистые и свежестроенные отели и офисные здания», «многолюдные торговые центры», современные памятники (Клавиатура, Памятник челнокам), магазины («Architector» – «настоящее украшение не только пересечения улиц Малышева и Московской, но и всего города в целом», Гринвич), новостройки.

³¹⁸ Редакции журналов «Урал», «Уральский следопыт», театры; библиотека им. В. Г. Белинского; Литературный квартал со старинными особняками и музеями, «с вековыми деревьями, старинными фонарями и летней эстрадой», где «вместо пошлого асфальта – плиты каменной мостовой».

знак, похожий на “острую бритву” на стене института естественных наук и математики УрФУ – знак памяти Илье Кормильцеву»).

При этом независимо от качества взаимоотношений работает схема «известный деятель ↔ городской локус»: «живописная набережная городского пруда связана в народной памяти с персоной Аркадия Гайдара» (которому в городе «по ночам часто снились кошмары – даже спинки железной кровати в его комнате были погнутыми»); адреса в районе Вторчермета отсылают к Борису Рыжему; общага на Большакова – к Александру Башлачеву и Алексею Иванову.

В «детских путеводителях» также звучит тема взаимодействия различных городских эпох. *Прошлое* в «Сказочном путеводителе» – это особая реальность, в которую можно попасть, пройдя через пространственно-временные порталы (фонтан «Спираль времени», Белая башня) или приблизившись к «медиаторам». Так, например, если подойти к скульптуре Коробейника, можно услышать, как «люди кричат на ярмарке, шумит проезжающая мимо повозка, запряженная лошадьми», «к Коробейнику подходят две девушки в длинных сарафанах и увлеченно рассматривают товары в лотке»³¹⁹. «Медиаторами» выступают и «хранители времени» («величественные грифоны», Хозяйка Медной горы), которые знают о городе всё и стараются «уберечь временные потоки от искажения и разрушения», «связав воедино прошлое, настоящее и будущее». *Будущее* Екатеринбурга представляется в романтических красках: город «покроется водой, как Венеция», «люди начнут ездить по улицам на гондолах, а Белая башня превратится в маяк», «достроят Телебашню, и там поселится Дракон, который откроет на телебашне школу дельтапланов»³²⁰.

Кроме того, Кубенским разрабатывается дополнительная городская реальность *волшебного* Екатеринбурга, в котором жители могут очутиться в

³¹⁹ Екатеринбург : сказочный путеводитель. Екатеринбург, 2017. С.34.

³²⁰ Там же. С. 75, 58.

определенных обстоятельствах³²¹. Так, маленькая девочка, впервые оказавшись в Оперном театре, уносится волшебным вихрем в мир искусства и начинает танцевать «так хорошо, как будто всю жизнь училась балету»; мальчик, решивший прокатиться на Колесе обозрения, оказывается в Космосе, где «ему вдруг открывается целая Вселенная – мимо пролетают кометы, звезды».

Сказочный Екатеринбург «населен покемонами, метроликами³²², говорящими кактусами, моргающими котлетами»; автобусы в этом городе «улыбаются», а «цирк с телебашней вот-вот сыграют свадьбу»³²³. В «волшебном» Екатеринбурге каждый из описываемых объектов населяется необычными персонажами: в ботаническом саду живут «две феи, добрая и злая»; в парке лесоводов появляется «волшебный старичок-Лесовичок»; в ТЮЗе летают «маленькие крылатые феи» и оживают куклы; в зоопарке живет добрый дух, который «следит за тем, чтобы животные вели себя хорошо и никого не обижали»; в доме-музее им. П. П. Бажова по-прежнему «в валенках ходит сам Павел Петрович, кормит молоком кошку Мурку и гладит по носу оленя Серебряное копытце».

Как доказательства «двойной» жизни Екатеринбурга остались многочисленные городские приметы: если горожанин увидел на шарташских камнях свое имя, значит, в течение года с ним «случится что-то очень хорошее, потому что писал буквы добрый великан, который желал людям только добра»³²⁴; если екатеринбуржец увидит следы от полозьев саней Снежной Королевы на Городском пруду, «до весны не будет болеть

³²¹ Так, маленькая девочка, впервые оказавшись в Оперном театре, уносится волшебным вихрем в мир искусства и начинает танцевать «так хорошо, как будто всю жизнь училась балету»; мальчик, решивший прокатиться на Колесе обозрения, оказывается в Космосе, где «ему вдруг открылась целая Вселенная – мимо пролетали кометы, звезды».

³²² Метролики – «подземные жители – те, то бычно толкают вагоны метро».

³²³ Вместе с екатеринбуржцами в городе сосуществуют узнаваемые волшебные герои из мировых сказочных сюжетов (драконы, единороги, великаны, феи, Снежная королева, русалки), авторского (Огневушка-поскакушка, Хозяйка Медной горы, Серебряное копытце), представители местного городского фольклора: фея по имени Ротонда (из Харитоновского сада), Чертик и Чудик (с Уктусских гор), три веселых привидения: Чума, Няшка-кашка и Днюшный день (из гостиницы «Исеть»), русалка Виолетта (из Городского пруда), и т.д.

³²⁴ Екатеринбург : сказочный путеводитель. Екатеринбург, 2017. С. 30.

простудой»; если «подойти к Башне на цыпочках и прислушаться, можно услышать, как рядом шумит море и кричат чайки»³²⁵.

Обзор некоторых современных путеводителей, посвященных Свердловску / Екатеринбургу, показывает, что основная цель авторов – разрушить автоматичность восприятия жизни города, «увести за собой читателя, оставив в сторону профессиональный снобизм»³²⁶ (при этом базовыми остаются такие традиционные приемы описания города, как топографическое районирование, обыгрывание значимых локусов, описание достопримечательностей). Чем больше путеводитель нового формата отходит от устоявшегося практически-сориентированного канона, тем более образно подается городская повседневность, история и характер. За каждым путеводителем стоит фигура автора и тщательно продуманная концепция, работающая на создание уникального, привлекательного образа города.

3.2. Образ Екатеринбурга в очеркестике

Достаточно часто образ Екатеринбурга появляется в очерках – «сложном, многогранном жанре искусства художественной литературы и публицистики»³²⁷. Учитывая, что «теория очерка до сих пор не разработала устойчивых и четких определений этого важного жанра»³²⁸, мы будем относить к очеркам прозаические тексты, предполагающие установку на «непридуманность», «субъективность» и «прерывистость видения».

При этом под «непридуманностью» мы будем понимать достоверность – прямое запечатление разворачивающихся в реальности событий, участники которых существовали в действительности. Стремясь к «возможно полному воспроизведению фактического материала, жизненных ситуаций, отношений, свойств характера»³²⁹, авторы предлагают читателю сюжеты, которые «придумывала сама жизнь» (например, раскрыть «противоречивый

³²⁵ Там же. С. 75.

³²⁶ Шейнис К. Городской роман, непридуманный // Культура Урала. 2016. № 2 (38). С. 58.

³²⁷ Журбина Е. И. Повесть с двумя сюжетами : о публицистической прозе. М., 1979. С. 210.

³²⁸ Прохоров Е. П. Искусство публицистики : размышления и разборы. М., 1984. С. 310.

³²⁹ Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М., 1979. С. 111.

современный облик Екатеринбургского централа»³³⁰ в сборнике «Екатеринбургский централ» А. Болковского; зафиксировать «время, застывшее в клочках записок», – в «Записках уголовного барда» А. Новикова³³¹ в и т.д.).

«Субъективность» очерков будем понимать как четко проговариваемую автором собственную точку зрения на описываемый материал. Как пишут исследователи, очерк – жанр, в котором «образ автора – это центр, фокус, к которому сходятся и которым определяются все главные черты стиля автора, двигатель сюжетного развития, главный, организующий материал фактор»³³²: «Даже когда личность автора вытесняется с первого плана повествования (при помощи “рассказа в рассказе”, введения “знающего человека” – собеседника или другого авторского двойника, героя портретного очерка, объективного, отстраненного повествования), во всем ощущается ее активное участие»³³³. Так, например, «весьма субъективной прогулкой» назовет С. Платон свои проблемные очерки о Екатеринбурге «Город Бург».

«Прерывистость видения» будет трактоваться нами как особая «оптика», вырастающая из логики работы с выбранным для описания материалом: «разнообразие содержания и форм его выражения, способность интегрировать в себе во всевозможных соотношениях качество научного исследования, публицистики и всех родов художественной литературы». Так, основой «Уральских баек» С. Агеева и Ю. Бриля, по выражению авторов, стали «пожелтевшие уже от времени газетные строчки, воспоминания ветеранов, рассказы непосредственных очевидцев и участников описываемых событий»³³⁴. С. Платон пишет, что основой сборника «Город Бург» стали мемории: «Многое рассказала мама, кое-что сам вычитал в удивительных книжках краеведов Бирюкова и Бердникова, что-то поведали одноклассники,

³³⁰ Болковский А. Екатеринбургский централ. М., 2009. С. 215.

³³¹ Новиков А. В. Записки уголовного барда. Екатеринбург, 2016. С. 6.

³³² Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева : 70-90 гг. XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012. С. 89.

³³³ Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза). Рязань, 2003. С. 24.

³³⁴ Агеев С. С. Уралмашевские байки. Екатеринбург, 2004. С. 3

соседи, коллеги по работе, кое-что самостоятельно унюхал, разглядел и понял»³³⁵.

Позволим себе опустить вопросы классификации³³⁶, «зыбкости граней между очерком документальным и очерком художественным» и прочих дискуссионных вопросов, вытекающих из теоретической неопределенности. Отметим, что в настоящей главе будем работать с синтетическими очерками, сочетающими черты портретного, проблемного, путевого, бытового типов. Выбранные для анализа очерки о Екатеринбурге будут включать портреты известных и рядовых горожан, дискутирование о городских проблемах, рассказы о городской повседневности, элементы пейзажных зарисовок и т.д.

Суммируя, скажем, что в «документальных историях» о Екатеринбурге будет явственно различим голос заинтересованного горожанина, который не просто открывает всем известный Екатеринбург («столица Урала», «заповедник конструктивизма», «место, где царя убили»), а демонстрирует свою позицию как горожанина. Даже в тех историях, где автор выступает в роли слушателя или выстраивает образ рассказчика, «прочитывается» авторское отношение к городу. Как пишет Л. П. Быков об очерках Е. Ройзмана, «сама мозаика персонажей и ситуаций, запечатлевшихся в его памяти», характеризует, прежде всего, автора текста: «... когда мы говорим о других, мы тем самым говорим и о себе, собственную меру вещей миру являем»³³⁷.

Так, Сергей Платон в сборнике проблемных очерков «Город Бург» занимает позицию добросовестного горожанина, «общественника», обеспокоенного судьбой города. Тревожность и озабоченность городскими проблемами ощущается благодаря многочисленным оценочным суждениям: исчезновение «вековых трущоб, помоек, пустырей, деревянных заборов и дряхлых избышек» расценивается как превращение Екатеринбурга в рядовой

³³⁵ Платон С. Город Бург. Рассказы, миниатюры. Екатеринбург, 2015. С. 218.

³³⁶ Например, Г. Поспелов делит очерки на собственно художественные, документальные и публицистические; А. А. Тертычный выделяет портретный, проблемный и путевой разновидности очерка.

³³⁷ Быков Л. П. Воин на мирном поле // Урал. 2012. № 9. С. 225.

«провинциальный город-миллионник»; современные жилые комплексы именуется «многоэтажными комодами для хранения людей»; новая архитектура характеризуется как «торгово-офисная», обезображивающая «непозволительно хай-тековой стилистикой пополам с рекламным авангардом» истинный облик города³³⁸.

Автор возлагает надежду на сохранение старого города – тех «упрямых» домов, которые хранят историю, культуру и творчество. Своеобразие городской архитектуры хранится в местном добрососедстве «фасадов затейливых полированных сервантов, плавных линий модерна и угловатых блоках конструктивизма, избах и дворцах, театрах и заводах»³³⁹.

Евгений Ройзман в сборнике «Невыдуманные рассказы», разворачивая вереницу «городских сюжетов», достаточно четко проговаривает позицию активного и добросовестного жителя Екатеринбурга, который, «однажды на выставке на Ленина, 11 читал стихи при большом скоплении народа»; «был депутатом ГД», был готов принимать горожан «на протяжении четырех лет каждый день, с утра до ночи», участвовал в «Урал-трофи» и сплавах, открыл музей и дорожил каждой «случайной находкой», «тренировался в подвале на Челюскинцев», участвовал в экспедициях на Север. В силу определенных полномочий и авторитета автора читатель видит в «Невыдуманных рассказах» не просто дневник наблюдений или «живой журнал» знаменитого екатеринбуржца, но «сводку» общественных поступков. Автором транслируется установка принципиального свердловского/ екатеринбургского патриота, утверждающего, что он жил здесь, живет и никуда не собирается уезжать.

Помимо ярко обозначенной позиции автора, очерки, по выражению Л. П. Быкова, плотно «заселены другими». По мысли Е. И. Журбиной, в очерке «писатель, отказываясь от вымышленных героев и событий, производит отбор типических явлений в самой действительности <...>

³³⁸ Платон С. Город Бург. Екатеринбург, 2015. С. 28, 222, 29.

³³⁹ Платон С. Город Бург. Екатеринбург, 2015. С. 223.

персонажи (очерка – прим. Л. К.) могут не сохранить своих подлинных имен, но в обрисовке их отсутствует вымысел»³⁴⁰.

Так, во введении к сборнику «Уралмашевские байки» оговаривается, что для очерков об Уралмаше важно вводить «реальных» персонажей («реальнее уже и быть не может»): работница столовой кузнечно-прессового, Михаил Иванович Калинин, пожарный Терентий, Лаврентий Павлович Берия, передовик Царапкин, Фидель Кастро, «толкач» Гоша Елин и т.д. В «транспортных историях» М. Голдиной героями становятся кондукторы, «трезвеющие, просыпающиеся болельщики», «невыспавшиеся, но довольные молодые люди, спешащие на работу», «толпа школьников» с учительницей, «слепой молодой человек с палочкой-поводырем» и т.д. Таким же пестрым набором персонажей характеризуется сборник С. Платона, где появляются обычные прохожие, музейные работники, городские фрилансеры, наблюдающие за городской жизнью и высказывающие свое равнодушие к судьбе Екатеринбурга.

Ряд портретных очерков находим у Е. Ройзмана в «Невыдуманных рассказах», героями которых стали «товарищи» автора («Сергей Сизый, зам. декана матмеха УРГУ»), известные екатеринбуржцы («замечательный хирург» Вайман; художник Витя Махотин, который «умудрялся помогать всем»³⁴¹; местные активисты); безымянные горожане (мама, пытающаяся любой ценой достать дочке платье на утренник; учительница начальных классов, которая «собирала по всей Широкой речке всех бездомных собак и кошек»³⁴²; «подавленный парень с ЖБИ», «пожилой человек с кошелкой» и т.д.). При этом немаловажной оказывается «городская привязка» героев: «старый книжник жил на Шевченко», «товарищ Костя Патрушев жил тогда на Свердлова»; «в начале 80-х пробитый боксер Витька Лука со своим другом Апельсином пошли погулять в зоопарк» и т.д.

³⁴⁰ Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М., С. 111.

³⁴¹ Ройзман Е. В. Невыдуманные рассказы. Екатеринбург, 2013. С. 65.

³⁴² Там же. С. 26.

Стремясь к «конкретности, предельной точности воспроизведения реальных фактов и явлений <...> подчеркнутой проблематичности»³⁴³, авторы очерков создают детализированный образ городской повседневности. Так, в рассказах Е. Ройзмана упоминается, как в 1970-е годы «в утильсырье были обнаружены два огромных слитка золота»; как в 1985-м году студенты университета ездили в колхоз, а после окончания обучения попадали на работу «по распределению»; как «в конце 80-х годов у нас на Ленина, 11, в старом здании Станции вольных почт, открылась выставка неформальных художников» и т.д. Упоминается, как в 1990-е годы за участие в различных акциях «жестоко избивали омовцы», «в 1992 году чечены пытались зайти в Тагил». В качестве примет 2000-х документалисты упоминают инаугурацию Куйвашева, которая прошла «четко, в меру торжественно»³⁴⁴, проведение «путинского митинга» «какими-то знатными креативщиками»³⁴⁵ и т.д.

Выбор городского материала такого качества диктуется стремлением к объективности и правдивости повествования. Рассказывая о 1970-1980-х, 1990-х годах, документалисты стремятся передать «ощущение нарастающего кризиса», разворачивающегося, как пишут И. Я. Мурзина и А. Э. Мурзин, на фоне «девальвации ценностей, служивших стержнем советской культуры», размывания «нравственной основы культуры, прежних норм, декларируемых обществом»³⁴⁶.

Для передачи драматичности жизни, контрастности эпох вводятся многочисленные истории о социальных потрясениях, которые пережили горожане в переломные этапы. Описывая резкие переходы от богатства к бедности, от благополучия к упадку, авторы погружают своих героев в подчеркнута контрастные жизненные ситуации. Так, например, героиня Марии Голдиной – «дама сверхбальзаковского возраста», которая «когда-то была хорошим закройщиком» («ее клиенты, богатые дамы, ценили ее умение

³⁴³ Черепанов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1973. С. 92.

³⁴⁴ Голдина М. «Поехали» // Урал. 2013. № 12. С. 178-182

³⁴⁵ Ройзман Е. Невыдуманные рассказы. Екатеринбург, 2013. С. 88.

³⁴⁶ Мурзина И. Я., Мурзин А. Э. Очерки истории культуры Урала. Екатеринбург, 2008. С. 392.

сделать из обыкновенной тряпочки-отреза настоящий шедевр)), в нулевые превращается в «спившуюся бабу, которая просит дать ей два рубля на хлебушек».

Сергей Платон передает самоощущение горожан в 2000-е годы: по мнению автора, жителям «тоскливо», «скучно» и «уныло» в «печальном, беспокойном» городе, который всегда «суетится и почти не радуется ничему»³⁴⁷. Персонажи Платона расположены замечать «дегтярно-мрачные тона» городских пейзажей, находить подтверждение «драматичности» Екатеринбурга: «жутковатые дома-пятиэтажки с балконными дверями без балконов»; когда-то «чудесные, необычные» дома, превращенные в банки, магазины и офисы; недостроенную телебашню – «многолетний срам, возвышающийся посреди города», символ вечного «долгостроя»³⁴⁸ и т.д.

Как некий контраст остросоциальным текстам выступают «Уралмашевские байки», в которых даже драматичные эпизоды из истории Уралмаша нивелируются за счет подключения ироничных баек об уралмашевской жизни; неочевидных рассказах о «красивой» архитектуре, «очень уютных и красивых кварталах», «легких и импозантных» промышленных объектах.

Таким образом, в городских очерках, освещающих «вереницу разнокалиберных событий и судеб»³⁴⁹, образ Екатеринбурга оказывается динамичным и многокомпонентным.

Отдельно хотелось бы проанализировать образ города в «Ёбурге» Алексея Иванова и «Горожанах» Анны Матвеевой – «сборниках очерков со сквозными сюжетами»³⁵⁰.

Для пермяка Алексея Иванова жанр очерка стал удобной формой для остросюжетного повествования о «людях и событиях в Свердловске / Екатеринбурге 1980–2000-х»³⁵¹.

³⁴⁷ Платон С. Город Бург. Екатеринбург, 2015. С. 79.

³⁴⁸ Платон С. Город Бург. Екатеринбург, 2015. С. 160, 227.

³⁴⁹ Болковский А. Екатеринбургский централ. 2009. С. 6.

³⁵⁰ Подлубнова Ю. Город иванов // Урал. № 8. 2014. С. 215.

³⁵¹ Екатеринбург литературный. Энциклопедический словарь. Екатеринбург, 2017. С. 135.

Коренная жительница Свердловска / Екатеринбурга Анна Матвеева, занимающая по отношению к городу позицию неизменной участницы повседневной жизни, выбирает жанр биографического очерка – рассказа о «людях, с биографией»³⁵². В сборнике «Горожане» конструируется становящаяся реальность, вырастающая из фрагментарной будничности, но связывающая времена.

Повествование Алексея Иванова сфокусировано на описании города 1990-х гг., но, в действительности, оно затрагивает и другие периоды городской истории, каждый из которых в концепции автора идентифицируется с определенными екатеринбургскими брендами или символами.

Стадия «дореволюционного Екатеринбурга» – «былого, славного», «старого» города с «бревенчатыми теремками ропетовского стиля», «старинными краснокирпичными особняками» и домом инженера Ипатьева (через растиражированный образ последнего уже другой, современный, Екатеринбург начнет «возвращение себе своей родовой сути» и «обретение себя»).

Первая стадия «советского Свердловска» (времен «плотного, добротного и деятельного благополучия» конца 1970-х и начала 1980-х годов). «Промышленный», «заводской», «трудовой», «оборонный», «столичный», «индустриальный» – такими дефинициями наделяется «город-ярлык», словно собранный из гетеростереотипов «завод заводов» Уралмаш, сказы Бажова, Свердловская киностудия, завод «Уральские самоцветы», команда «Уралочка», трамплины на Уктусских горах. В архитектурном отношении этот город с понятной программой-судьбой, состоящий из «промзон, чудовищных по масштабу», «индустриальных комплексов», «панельных заборов спальных кварталов», «разбавленных» динамичным и энергичным «конструктивизмом», «неоклассикой» и витиеватым «модерном».

³⁵² Лотман Ю. М. К типологическому соотношению текста и личности автора // Литература и публицистика : проблемы взаимодействия. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 683. 1986. С. 106.

Вторая стадия «советского Свердловска» периода «страстной, тотально-митинговой и романтически-наивной» «екастройки». Это время, когда «далекий» Свердловск конца 1980-х годов существовал в «военном», «оборонном» режиме: местные жители «митинговали, бастовали и что-то там требовали»; общественно-политические группировки собирались и «рассеивались бесследно»; журнал «Урал» публиковал «экономическую публицистику» и «жесткие тексты о «правде жизни»» и т.д.

К 1990-м годам, по версии Иванова, советский образ сам себя изживает: когда-то обладавший «чертами столичности» Свердловск превратится в «партийно-казенный», «советский», «типовой» локус, топоним которого вызывал «психологический дискомфорт» и «уже мало кому нравился». Именно поэтому стадия «переименования» трактуется автором не просто как официальный жест, но как кардинальное переформатирование судьбы города, сопровождаемое «удивительными событиями, грандиозными переменами, жуткими откровениями эпохи».

Стадия «*лихого и безбашенного, стихийно-мощного*», «склонного к резким поворотам и крутым решениям» Ёбурга описывается как время «гангстерских войн», организованной преступности, «черных хвостов очередей» в магазинах, бизнеса, требовавшего площадок под бутики, рестораны и офисы; финансовых пирамид, «уличного беспредела», расцвета тележурналистики. Визуально город в этот период видится «скромным», «низким», «неярким», «пустоватым»; на улицах – «жигули», «москвичи», «волги» и первые иномарки, телефонные будки, «обшарпанный конструктивизм»; «символом новых и причудливых времен – китайским китчем ресторана “Пекин”»³⁵³. С другой стороны, 1990-е годы – это время «мощнейшего созидательного начала», когда благодаря «титанам», «лидерам огромного масштаба» «яростный, безбашенный и дикошарый» Ёбург

³⁵³ Иванов А. В. Ёбург. М., 2014. С. 82.

постепенно превращался в «респектабельный и социализированный Екатеринбург»³⁵⁴.

Как завершающая стадия истории города будет обозначен этап «возвращенного Екатеринбурга» – успешного, «богатого и престижного» мегаполиса эпохи «глобализма и хайтека».

Анна Матвеева прописывает историю Свердловска / Екатеринбурга не столь публицистично и структурировано. «Ниточки тянутся из прошлого в будущее» и вновь «возвращаются странными путями» – так, «переплетаясь в самых неожиданных местах»³⁵⁵, временные потоки в «Горожанах» воспроизводят «саму логику жизни»³⁵⁶.

При этом многочисленные приметы времени, которые сопровождают личные истории, также могут быть собраны в картинки-описания города в разные временные промежутки: время *дореволюционного «града святой Екатерины»* – идеального места для «деловых людей» со всеми «благоприятствующими условиями»: «роскошными особняками» и «нарядными домами» типа «Американской гостиницы»; «совсем еще молодого театра» Оперы и балета в «белом, со взбитыми сливками, здании-торте»; «ладного» особняка Ипатьева в центре города.

Выделяется этап смутного, заряженного «подозрениями, намеками, слухами», «испугом» *города 1917 года* со «спешно сколоченным высоким забором» вокруг внезапно ставшего «уродливым» дома Ипатьева; время *военного «бело-серого, графичного» Свердловска* с «черными тарелками», поющими «на разные голоса», с «голодными обмороками, ссорами в трамваях из-за пустяков», с эвакуированными, которых вселяли в квартиры «по уплотнению». Это тыловой город с тайной миссией хранить «самое ценное – машиностроительные заводы, картины из Эрмитажа, диктора Левитана, прославленных теноров, баритонов, сопрано и контральто»³⁵⁷.

³⁵⁴ Иванов А. В. Такие сюжеты голову сносят // Новая газета. 2013. № 141. С. 21.

³⁵⁵ Матвеева А. А. Горожане. Удивительные истории людей из города Е. М., 2017. С. 228.

³⁵⁶ Там же. С. 17.

³⁵⁷ Там же. С. 17.

Свердловск 1960-х рисуется многоаспектно: с одной стороны, «крупным промышленным» гигантом с «широкими улицами, многоэтажными домами, памятниками, руками указывающими путь к коммунизму». Во-вторых, городом с «чистым и светлым обликом», где был романтичный Сад Вайнера с танцплощадкой, где дружно работали заводы, окруженные «людским потоком», где было что-то правильное и воодушевляющее. В-третьих, Свердловск воспринимается как «серый и мрачный» «город на реке Исети», который «не мог похвастаться впечатляющим архитектурным обликом»: «двухэтажные купеческие особнячки, построенные немецкими военнопленными дома, торопливо возведенные хрущевки» соседствовали со «сталинским ампиром фрагментами и тем самым, неоцененным пока еще конструктивизмом»³⁵⁸.

Город конца 1970-х годов описывается как «закрытый город-побратим Пльзеня», куда «зарубежные специалисты» приезжали «не в самых впечатляющих количествах»: «В основном то были чехи да монголы ... По городу бегали симпатичные красно-желтые трамвайчики чешского производства, пионеры из Клуба интернациональной дружбы принимали в гостях пльзенских рабочих... Монгольские студенты получали высшее образование в Уральском государственном университете»³⁵⁹.

И если *город 1990-х годов*, которые «ввалились» и «тяжело дышали», заполнен «вагончиками с видеосалонами», магазинами, «предприятиями» и новоиспеченными бизнесменами, то *город нулевых – это «повзрослевший», «заматеревший, сытый» локус*, в котором «царил строительный разгул», «новые здания, блескучие небоскребы, вырастали за спиной у трогательных двухэтажных особнячков»³⁶⁰. Конструктивистские объекты в новом столетии переходят в разряд «легендарных» построек, охраняемых памятников культуры, хрущевки превращаются в «старые бараки», около которых «не разрешают гулять» детям; символами Екатеринбурга оказываются торговые

³⁵⁸ Матвеева А. А. Горожане. Удивительные истории людей из города Е. М., 2017С. 127.

³⁵⁹ Там же. С. 136.

³⁶⁰ Там же. С. 187.

центры и банки, «угрожающе сопящие» и «готовящиеся дать пинка» старому городу.

При этом расстановка «исторических меток» является, скорее, фоновой компонентой повествования Анны Матвеевой. Для ее героев, созидателей и творцов, в тексте разворачивается дополнительная реальность – отстраненная от исторических событий и повседневности сфера культуры и искусства, таланта и свободы. В этой схеме художественного двоемирия «порталами», «выходами в другой мир», где можно «скрываться» от будничной свердловской реальности, оказываются *театры, творческие мастерские* (например, Театр оперы и балета – волшебное место с «ослепительными костюмами, блистательными голосами»; квартира Клера – «ни дать ни взять музей»; «избушка Коляды», в которую заходишь и будто «попадаешь к кому-то в гости» и т.д.); *местные произведения искусства* (этюды Воловича со «слегка расфокусированным, искаженным» старым городом; скульптура с «прочной памятью» Неизвестного; сказы Павла Петровича Бажова; «тщательно собираемая, лелеемая, ненаглядная» коллекция Евгения Ройзмана и т.д.); *парковые зоны* (сквер у Пассажа, где когда-то «играл скрипач», «звучали гитара и бубен, визжала губная гармошка» и «продавали картины»; парк имени Павлика Морозова, где устраивал «распевки» маленький Витя Волович; Уктус и Шарташ, где гулял с мамой Саша Матвеев и т.д.).

Резюмируя, можно сказать, что Алексей Иванов прочерчивает историческую линию, концептуализируя ее – опираясь на узнаваемые символы, феномены, передающие, главным образом, «индустриальные смыслы», вплетенные в ткань города. Анна Матвеева выстраивает историю города, пропуская ее, с одной стороны, сквозь фильтр свердловско-екатеринбургской повседневности; с другой стороны – дистанцируя от конкретных пространственно-временных координат за счет введения реальности творчества и искусства.

С топографической точки зрения город Алексея Иванова оказался социально «размеченным» пространством, на котором выделяются *элитарная*

зона (кварталы в районе Октябрьской площади, дома на 8 Марта); *криминогенная зона* («непобедимый», «жесткий» Уралмаш, Вторчермет, вокзалы, цыганские поселки, «укрепрайоны» «афганцев» – места обитания «маргиналов», «люмпен-пролетариев», «уголовников»); *политическая зона* (здание мэрии, Белый дом как территория локализации статусных персон – «могучих и противоречивых», «претенциозных», «бесстрашных» политиков). Выделяется «*культурное пространство*», «*оазис нормального мира*», «*места относительной свободы*»: Литературный квартал, старые дома, достопримечательности, магазин «Музыкальные товары» на Луначарского, рок-клуб на Володарского, «пятак» напротив горкома, Дом культуры на Сурикова – места для «робких экскурсантов», «уральских писателей», «литературных тетушек», «юных художников», местных музыкантов и др.

Кроме того, на карте города оказались выделены такие «обязательные для усвоения» культурные точки, как *недостроенная телебашня* («легендарная руина», «мистический столп», «чудовище», «титан из прошлого»); *Плотинка* (декорация важных городских событий; культурно значимый локус, объединяющий горожан из разных социальных страт; городской символ, действенность которого закреплена исторически и постоянно поддерживается удачным топографическим расположением); *усадьба Харитоновых-Расторгуевых* («знаменитый исторический ансамбль Екатеринбурга», «усадьба золотопромышленников» с проявленной мифологией).

Для Анны Матвеевой, предлагающей разметку города вне социальной стратификации, оказалась важнее степень «освоенности», «обжитости» города героями. Поэтому на карте «Горожан» отмечаются *домашние адреса* («любимые», «светлые», «теплые» места, где «на подоконниках цветы», «повсюду книги», «на стене висит гитара»³⁶¹; где «неспешное чтение в кабинете, обеды за большим столом»; где «устраивают быт»; «убаюкивают малыша» и «целуют на ночь»); *любимые маршруты* («бегом через площадь

³⁶¹ Матвеева А. А. Горожане. Удивительные истории людей из города Е. М., 2017. С. 64.

1905 года <...> в букинистический магазин на Вайнера», «уехать к площади 1905 года», чтобы «потоптаться на ступеньках рок-клуба», «пойти вверх по проспекту», «пересечь улицу 8 Марта», «покурить на Плотинке» и т.д.); *особые места* – «порталы» в мир культуры и искусства (театры, творческие мастерские, парки).

На карту «Горожан» также попали и городские достопримечательности. Но выбранная Матвеевой «оптика деталей», погружающая в городскую повседневность, расширяет ассоциативное поле даже застывших образов, позволяет снять их «шаблонность». Так, например, образ дома Ипатьева за счет описания бытовых мелочей словно постепенно «обрастает» значениями, проходя путь от «добротной», «ладной», «нарядной» постройки конца 18 века, «аккуратнейшим образом вписанной в ландшафт», к «оскверненному», «инфернальному», «темному», «проклятому» локусу, окруженному «слухами» и «толками».

Таким образом, с топографической точки зрения Ёбург Иванова – это упорядоченная структура с распределенной среди горожан властью; город Анны Матвеевой – пространство, картографированное субъективно, хранящее эмоциональную, личную память.

В четко прописанной социальной структуре «Ёбурга» каждому участнику заданы характерологические признаки и функции: *журналисты и репортеры* формируют информационное пространство города, заполняя его разного рода историями, мнениями, слухами, и, в конечном счете, распространяют стереотипные представления о Екатеринбурге («место памяти о гибели Романовых», «типичный провинциальный город», «закрытый индустриальный мегаполис в глубине страны и континента» и т.д.). *Обычные жители* «ходят на митинги», «учатся защищать свои права», «раздражаются от деятельности бизнесменов», активно участвуют в создании городской мифологии, увлекаются коллективным языкотворчеством, «ехидно переименовая» Академический в «Вексельбург», «Уралмаш и Эльмаш» – в «хабаровский край», ресторан «Большой Урал» – в «Буш», «ресторан

«Серебряное копытце» – в «Копыто» и т.д. *Политики* («одержимые депутаты», «громовержцы из администрации») участвуют в «бесконечных и почти безумных» выборах, напоминающих безымянный полилог из лозунгов-обращений «Позаботимся о тех, кто рядом!», «Защитим тишину!», «Надо работать!», «Время думать о людях» и т.д. Появляются в Ебурге *криминальные авторитеты*, голоса которых звучат редко и представляют собой блатные клише с коннотативными установками «устрашение, запугивание и диктат»: «Ограбим всех!», «Ограбим чужих!», «Перекошим плохих ребят!» и т.д. *Представители творческой интеллигенции*, объединенные стремлением выстроить и поддержать диалог с городом: участники свердловского рок-движения находят общий язык и с городской средой, и с местными жителями; представители школы уральской драматургии прорабатывают корпус «ёбургских» текстов, в декорации, бытийные установки, сам язык которых включается «измерение города»; талант художников «скрепляет жизнь города живой преемственностью».

Отдельную группу представляют «уральские лидеры», «пассионарии», яркие местные жители, в «поступках которых говорит история»³⁶²: это и «принимающий решения» Россель, и «изумляющий» «хранитель города» Букашкин, и «высчитавшая экспоненту лидерства» Славникова, и «созидающие и созерцающие» «тетушки» из Литературного квартала и др. Истории одних «лидеров» начались еще в «трудовом» Свердловске, других – в «безбашенном, стихийно-мощном» Ёбурге, к третьим успех пришел уже в «управляемом, респектабельном» Екатеринбурге. Но все «уральские пассионарии» прошли сквозь «водовороты» Ёбурга и прониклись «местным ощущением реальности».

На подобной «технологии объяснения происходящего»³⁶³ основано и городское повествование Анны Матвеевой. Судьбы героев, разделенных

³⁶² Иванов А. В. Ёбург. М., 2014. С. 4.

³⁶³ Там же. С. 275.

десятилетиями и веками, также оказываются «зарифмованы, сведены к одному знаменателю»³⁶⁴ Свердловском / Екатеринбургом.

Так, новички в городе проходят путь *принятия*, как в случае «бывшего москвича» Константина Матвеева, который быстро освоился в городском пространстве и «пустил корни в уральской земле»; как в истории Беллы Дижур, которая «работала, дружила, растила детей», писала стихи и просто «была счастлива, любима» именно в этом городе; «*притирания*» (после побега из другого локуса, аккумулировавшего негативный, драматичный жизненный опыт), как в судьбе Виталия Воловича, постоянно пытавшегося объяснить себе и окружающим, почему «выпал» именно этот город: «Почему мама выбрала из всех российских городов именно этот, суровый, заводской, графичный, мальчик не знает и не узнает. Возможно, потому что он был расположен очень далеко от Спасска-Дальнего, где жил мужчина, не желавший стать отцом, но ставший им?»³⁶⁵; «*отторжения*», как в истории Николая Ипатьева, перманентно ощущавшего чувство «ненужности» в городе.

Для коренных жителей город оказывается индикатором взросления и расширяет свои границы вместе с ростом персонажа: в раннем детстве видится «заколдованным чудищем», затем «состоит из школы, дома, маминого-папиного университета, музыкалки при Доме офицеров», позже, еще больше расширив границы, превращается в город юности и зрелости. Город может осознаваться и как катализатор творческого становления, самоутверждения: город сопровождает «монтажника Свердловского комбината» Владимира Шахрина на его пути по «сценарию американской мечты»; помогает Евгению Ройзману двигаться от «отрицательной отметки» к статусу «местно чтимого героя, уральского Бэтмена»³⁶⁶. Может фигурировать город и как «*вызов*» (как, например, в истории Виктора Мулявина, пытавшегося «преодолеть» место).

При этом без разграничения на «своих» и «чужих» город Матвеевой наделяется властью и силой: он *выбирает лучших и канонизирует их*

³⁶⁴ Матвеева А. А. Горожане. Удивительные истории людей из города Е. М., 2017. С. 27.

³⁶⁵ Там же. С. 12.

³⁶⁶ Там же. С. 293.

(«превращает» Бажова в «бюст на фасаде библиотеки имени Белинского», Воловича – в памятник «недалеко от проспекта Ленина», Татищева – в «плоский бронзовый истукан»; Бахчиванджи – в название улицы, «обрастающее бытовые подробностями», и т.д.); город *«играет адресами»*, предлагая *«одни и те же районы, улицы, дома»* (как в семейных историях Матвеевых, Беллы Дижур) или, напротив, *«строго следит за сроком соблюдения аренды»* и лишает на какое-то время театр Николая Коляды крова, а художественную каморку Букашкина и вовсе погребает под зданием банка; *дистанцирует* (как Николая Ипатьева, «вынужденного переменить целую жизнь в двадцать четыре часа» и покинуть город в «тяжкой славе без вины виноватого»; как Владимира Мулявина, для которого только Минск стал тем, чем «никогда бы не смог стать Свердловск», и т.д.)

Суммируя, можно сказать, что для Иванова город – это социально маркированная структура, для Матвеевой – система взаимоотношений: главные герои думают о городе, высказываются в его адрес, вступают в диалог, из чего постепенно вырастает органичное городское многоголосие – «сложное согласование голосов разных персонажей»³⁶⁷, повествователя и самого города.

Плотно окруженный и в «Ёбурге», и в «Горожанах» авто- и гетеростереотипами («промышленный гигант», «город-завод», «место убийства царской семьи», «индустриальный мегаполис» и т.д.), образ города все-таки освобождается от шаблонности и оказывается и феноменом эпохи, и идеальным городом юности, и существующим вне времени городом культуры и искусства.

Выводы

Оперируя схожими художественными приемами (рассказ о реальных городских событиях, очерчивание пространственно-временных координат,

³⁶⁷ Фомичева Е. Г. Автор и герой в очерке : приемы портретизации : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 37.

проговаривание топографии, включение архитектурных заметок и деталей из городской повседневности, представление образов горожан), современные авторы-документалисты по-разному подходят к образу Свердловска / Екатеринбурга.

Евгений Ройзман и Сергей Платон создают остросоциальные очерки, в которых образ города раскрывает образы авторов. «Невыдуманные рассказы», «Город Бург» – тексты, выступающие в роли актов авторского самоутверждения, проговаривания социальной позиции. Путеводители, подготовленные издательством Эдуарда Кубенского, также передают авторское «обращение» – желание видеть Екатеринбург городом надежды. «Детские путеводители», транслирующие образ комфортного, уютного города-дома, выступают как тексты-сопротивления стереотипным представлениям о промышленном городе.

«Архитектурные» путеводители, подготовленные активистами-экскурсоводами, участниками арх-групп, известными лекторами, нацелены на популяризацию истории города через востребованный сегодня формат городского туризма по малым маршрутам. Кроме того, прогулки по «конструктивистским» маршрутам, «дореволюционному Екатеринбургу», «культурным» точкам – способ продвижения имиджа Екатеринбурга, повышения его статуса как города культурного, интересного для туристов.

«Место. Нестандартный путеводитель» и «Литературный путеводитель» Анны Матвеевой – два противоположных по целеполаганию издания о городе, объединенных, тем не менее, принципом работы с «городским материалом». Авторы выбирают данные о Екатеринбурге и комплектуют образ «ультрасовременного города», полноправного участника медиапроцесса (в случае «Нестандартного путеводителя»), города литературного, история которого переплетена с писательскими биографиями и их текстами (в случае А. Матвеевой).

Самыми сложными, многомерными оказались варианты образа Екатеринбурга в сборниках «Ёбург» и «Горожане»: авторам очерков удалось

создать персонифицированный образ города, связывающий воедино разнесенные во времени имена и сюжеты.

В целом, современная документальная литература отказывается от исторических сюжетов Свердловска / Екатеринбурга («город-завод», «столица Урала», «город на границе Европы и Азии», «место расстрела царской семьи») и предлагает новые: Екатеринбург – «центр современного искусства», «волшебное место», «город-дом», «успешный мегаполис», город надежды и т.д.

Глава 4. Образ Екатеринбурга в текстах с фантасмагорической фабулой

Цель настоящей главы – рассмотреть специфику создания образа Свердловска / Екатеринбурга в современных произведениях с выраженной фантасмагорической фабулой. В текстах подобного плана «осуществимо все неосуществимое, выполнимо все невыполнимое, ибо миром чудесного управляет абсолютная сила и свобода творческого желания»³⁶⁸. Осознавая «недостаточность ... поюсторонних оснований»³⁶⁹ для создания альтернативного варианта реальности, авторы используют приемы завуалированной фантастики (введение различного рода совпадений, предсказаний, слухов), открытой фантастической образности, а также конструирование вариантов двоемирия, основанных на оппозициях реальное – ирреальное, понятное – странное и т.д.

«Фантастическое допущение», разворачивание «невозможного», «познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн»³⁷⁰ позволяют создавать нетривиальные варианты образа города. Авторы прорабатывают идею логически необъяснимой городской реальности: предлагают новую версию городской истории (ведущую мифологему, поддерживаемую легендами и преданиями); встраивают городское пространство в рамку фантастической/ мифологической модели, усиливая символическое звучание ряда городских реалий; населяют город различного рода инфернальными существами; одушевляют город, превращая его из объекта в субъект и т.д. Результатом такой творческой стратегии оказывается появление необыкновенного (таинственного, зловещего, неожиданного) образа города с заново распланированным городским пространством, по-особенному заданным временем, ритмом и содержанием городской истории.

³⁶⁸ Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М., СПб., 2010. С. 139.

³⁶⁹ Агапов М. Г., Корандей Ф. С., «Дрейфующая лагуна» или «история одного поколения»? Прошлое в представлениях тюменских краеведов // Ситуация постфольклора. Городские тексты и практики. М., 2015. С. 122.

³⁷⁰ Там же. С. 106.

В качестве материала для рассмотрения мы берем и рассказы, и повести, но в основе анализа находится «самая сложная, самая гибкая, но все же имеющая свои границы и обретающая в результате творческого акта свою устойчивость, свою статику» романная форма. Авторы, попадающие под влияние романного жанрового закона, выбирают предметом изображения «незавершенную, становящуюся современность» (Бахтин); в качестве конструктивного принципа используют «освоение диалектической многосложности жизни»³⁷¹. При последующем анализе повести и рассказы будем использовать как подтверждение вызревающих в недрах романной формы закономерностей.

Не менее важным представляется тематическое «деление»: в первую группу мы включаем основанные на интерпретации городской истории и повседневности роман «Екатеринбург» Валерия Исхакова, предложившего оригинальную концепцию затемненной истории города; цикл рассказов Эдуарда Кубенского «Урбанистические сны» – футурологические рассуждения на тему Екатеринбурга; роман Ольги Славниковой «2017», опирающийся на мифопоэтическую систему П. П. Бажова; мистический роман «Не буди!» С. Петрова – интерпретацию легенд и преданий, связанных с усадьбой Расторгуевых-Харитоновых; роман «Петровы в гриппе и вокруг него» А. Сальникова – роман-«пазл из девяти кусочков» (Ю. Подлубнова); роман В. Молотова «Урал атакует», развивающий тему экологической катастрофы, возникшей как следствие Третьей Мировой войны; роман «Отдел» А. Сальникова – о сосуществовании с человеческой расой внеземных существ, захватывающих власть.

Во второй группе рассмотрим тексты с выраженной комической условностью – политические сатирические фантазмагии, сюжет которых развивается в конкретных пространственно-временных координатах, в которых легко угадываются жизненные прототипы действующих лиц; в качестве ведущих приемов используются гротеск, гипербола, ирония.

³⁷¹ Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 268.

Прежде чем перейти к анализу текстов, интерпретирующих в фантазмагорическом ключе городскую историю и мифологию, стоит дать некоторые разъяснения понятию «миф», которым мы будем достаточно часто пользоваться.

Под «мифологизацией» вслед за Н. Л. Лейдерманом будем понимать, во-первых, «принцип конструирования образа мира посредством диалогического соотнесения переднего плана, отображающего житейскую повседневность, с “планом Вечности”, воплощенным прежде всего в традиционных и религиозных мифах, в устойчивых мифологемах народной культуры, в “вечных образах” искусства и т.п.»³⁷². Во-вторых, под мифологизацией мы будем понимать бытующие в городской среде рассказы о разнообразных чрезвычайных фантастических событиях, исторические анекдоты, предания об исторических персонажах.

Стоит отметить, что в последнее время достаточно популярны попытки классификации различного рода «таинственных» историй, связанных со Свердловском / Екатеринбургом, в путеводителях, экскурсионных музейных программах, научно-популярных изданиях, на интернет-порталах³⁷³.

По мнению общественного деятеля, социолога, автора ряда городских проектов Д. Москвина, Екатеринбург – это «город с плохо проговоренными историями, с невыявленными смыслами»³⁷⁴; но именно в этой «непроговоренности» и «скрытости», по мнению бывшего руководителя

³⁷² Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. С. 766.

³⁷³ Так, например, на материале «25 екатеринбургских тайн» И. Гладковой, работы «Тайны уральский подземелий» В. Слукина, данных портала «Наш Урал», «УралНаш», рассуждений молодых исследователей из ЕАСИ можно сделать следующую тематическую подборку разноплановых городских историй: 1) истории, связанные с подземным Екатеринбургом (рассказы о лабиринтах, связывающих усадьбы Рязановых, Расторгуева-Харитоновна, купца Железнова; о загадочных подземельях Городка чекистов; о подземельях ливневой канализации в районе «Плотинки» и т.д.); 2) истории о екатеринбургских парках (легенда о воротах в ЦПКиО, вылитых из нескольких драгоценных металлов и периодически самостоятельно закрывающихся и открывающихся; о шарташских и эльмашевских загадочных скульптурах, устанавливающих связь с космосом и др.); 3) истории про «водный» Екатеринбург, куда вошли легенды о Верх-Исетском пруде, где есть своя свободная и счастливая Куба (Большой Конный остров), остров каторжников (Варнакский кряж); легенды о реке Исети, где находят рыб-мутантов; 4) истории, относящиеся к некоторым зданиям: о снесенной недостроенной телебашне; о госпитале («заброшенной больничке») около Зеленой Роши; о ТЦ «Антей», построенной на «энергетическом разломе».

³⁷⁴ 100 мыслей о Екатеринбурге : эксперты о ценности настоящего и идеях будущего. Екатеринбург, 2016. С. 167.

образовательных проектов ГЦСИ, кроется привлекательность города, неограниченность его «символических ресурсов».

Как пишет автор многократно переиздаваемых «Екатеринбургских тайн» И. Гладкова, «... ценность тайны выше, чем ценность знаний», «все города мира так дорожат своими мифами и легендами», «непознанное, прежде запретное или забытое – лучшая приправа для любого исторического блюда»³⁷⁵.

4.1. Фантасмагорические интерпретации городской повседневности

В выбранных для анализа текстах с фантасмагорической фабулой основой художественного мира становится переплетение реального и фантастического. Как писал М. Эпштейн, «тайна всегда возникает на грани реального и фантастического, в неуловимости их взаимоперехода»³⁷⁶. При этом вне зависимости от изображаемой эпохи (советского или постсоветского периода) приметы реального города, как правило, характеризуются как серая, докучающая обыденность; странно-мистическое, напротив, может вызывать самые яркие самоощущения.

Рассуждениям об альтернативном варианте развития городской истории посвящен роман Валерия Исхакова «Екатеринбург» (2004) – причудливое повествование, в котором Екатеринбург одновременно оказывается «фоном» и действующим лицом, следствием и первопричиной необыкновенных событий. Образ Свердловска складывается из различных «включений»: реалий времени и истории, перечисления городских объектов и некоторых маршрутов. Существенно «раскрывают» и уточняют городской образ многочисленные реплики жителей о месте проживания.

События романа разворачиваются в 1970–1980-е годы во времена кооперативного строительства, студенческих отрядов, активного чтения толстых журналов («Свердловск», «Новый мир», «Иностранка»). Тогда на

³⁷⁵ Гладкова И. 25 екатеринбургских тайн. Екатеринбург, 2003. С. 220.

³⁷⁶ Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988. С. 259.

стадионе «Динамо» проходили футбольные матчи; на улицах мелькали «Жигули», «Волги», «Запорожцы», «Чайки»; жители ходили на танцы, где играл эстрадный оркестр УПИ – «веселые ребята с барабанами, гитарами и саксофонами». На карте отмечены, в основном, центральные городские объекты: проспект Ленина, улицы Малышева, Луначарского, Куйбышева, Плотинка, ЦУМ, типография «Уральского рабочего», парк Маяковского, Окружной Дом Офицеров, УрГУ и др. Так – через многочисленные реалии – задается атмосфера обычного советского города с частично оригинальной топонимикой, но «общими архитектурными местами», неотъемлемыми знаками общей истории.

«Типичность», заурядность города улавливается в характеристиках прогулок по городу. Любой маршрут сводится к перечислительному ряду улиц и перекрестков: «... в молчании прошли они под медленно падающим снегом по улице Крауля, вышли к Центральному стадиону, спустились по Малышева вниз, к рынку, к знакомому зданию на углу Малышева и Хохрякова <...> На углу 8 Марта они, не сговариваясь, повернули направо и пошли по направлению к цирку, а там так же молча решили не сворачивать на Куйбышева, чтобы сквером пройти к общежитию». По Свердловску невозможно совершать увлекательные прогулки, в нем невозможно запутаться, потеряться – настолько все обыденно и предсказуемо.

Через описание странных и запутанных обстоятельств предстает городская повседневность в романе «Петровы в гриппе и вокруг него» Алексея Сальникова. В «драматичном, мрачном», лишенном всякой логики, «будто нарезанном на этапы» художественном мире романа «Петровы в гриппе и вокруг него» героям вновь нужно раз за разом вглядываться в «окрестности своей жизни», чтобы находить какие-то ориентиры.

В романе «Петровы в гриппе и вокруг него» переплетаются разные временные пласты: упоминаются приметы советского времени (дома культуры, «желтые бочки с квасом»; вязаные кофты с оленями; коллективные сады); 1990-х («попрошайки, сидящие прямо на снегу», «павильоны, где

раньше торговали видеокассетами», мелькающие на улицах бандиты, хулиганы и т.д.); 2000-х (коттеджи, обнесенные высокими, ровными заборами, высотки, главное – «озабоченные» лица горожан: «Вроде бы и одеты все были лучше, и лица были более сытые, чем в девяностых, а вот чего-то людям не хватало...»³⁷⁷).

В действительности, особой разницы между историческими периодами герои Сальникова не замечают. И в Свердловске, и в Екатеринбурге всегда было и будет топографическое разделение на *промзону* («городские боковины» с «дугообразными дорогами, которым не было конца», с «подробностями городской окраины: железной дорогой под автомобильным мостом, какими-то складами без окон и дверей, далекими, сбившимися в стайки, но при этом выглядящими одиноко высотками», «бетонные заборы», «здания из темного мелкого кирпича, с пыльными узкими окнами»³⁷⁸); *спальный район* (с типичными дворами, где есть «ржавый» турник, песочница, оторванные качели, где гуляют «матери со всякой мелочью в ярких комбинезонах», а суровый дед хлопает «различные многочисленные половички»; где лифты с «именными надписями, нацарапанными гвоздем на фанерных стенках»; где двери подъезда подпирают кирпичом, на первом этаже творится «настоящий хаос» и никогда не горит лампочка); *частный сектор* («желтые двухэтажные домики и черные деревянные, тоже двухэтажные, домишки», «дворы с их секретными магазинами, известными только местным жителям, спрятанная в первом этаже дома детская поликлиника или детский сад», «короткие деревянные палисаднички»³⁷⁹, гаражи). Так складывается образ города без особых примет, хотя упоминаются такие специфические реалии Екатеринбурга, как компания сотовой связи «Мотив», кинотеатр «Колизей», станция «Динамо», Храм-на-Крови и т.д.

³⁷⁷ Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М., 2018. С. 214.

³⁷⁸ Там же. С. 33.

³⁷⁹ Там же. С. 34.

В романе «Урал атакует» В. Молотова, действие которого разворачивается в 2025 году после Третьей Мировой войны³⁸⁰, описывается «новая постъядерная реальность»³⁸¹ Екатеринбурга. При новом Чрезвычайном правительстве город превращается в «сумасшедший мегаполис с военными порядками»: вводится комендантский час, в целях экономии не зажигаются фонари, «лифты не работают уже лет сто», в центре города «на каждом углу» дежурит патруль Народной Дружины, гостиницы, общаги и ночлежки наполняются беженцами из «радиационной зоны»; по городу маршируют роты солдат в «камуфляжных куртках», «шапках-формовках», с «калашниками» наперевес, местные ученые разрабатывают секретное оружие для «удержания Уральской республики на плаву». Центр города оказывается зоной кардинальных перемен: здание Городской Думы переименовывается в Дом Правительства, около «обезглавленного» памятника Ленину проходят митинги (люди «кучкуются с транспарантами», «кричат и свистят», рядом дежурят дружинники). Среднестатистические жители превращаются в «боязливо озирающуюся, безликую» толпу с «затюканными» лицами. На улицах мелькают «безработные шайки», «беглые зэки», «бандиты», «хулиганы», «всякая нечисть» – «ножички или просто кулаки случайных гоп-стопщиков»³⁸²; атмосфера «всеобщей скупости и обеднения» становится нормой.

В целом, Молотовым описывается тяжелая, гнетущая атмосфера «хмурого», «голодного», «серого» Ебурга – города, над которым висит «серый смог», где пугают «мрачной чернотой окон» «недостроенные высотки», «заброшенные заводы» и «пустующие здания с разбитыми окнами»³⁸³. На проспекте Ленина «маячит единственная в городе трехмерная реклама»:

³⁸⁰ По авторской концепции, в недалеком будущем разворачивается Третья Мировая война: Америка бомбит Москву, «уродует Петербург», Нижний Новгород и Ростов-на-Дону; периферийные российские регионы объединяются в Уральскую Независимую Республику во главе с Екатеринбургом.

³⁸¹ Молотов В. Урал атакует. М., СПб., 2011. С. 58.

³⁸² Там же. С. 5.

³⁸³ Там же. С. 24.

«ГИПЕРМАРКЕТ “ЧУРАЕВСКИЙ”. ТРАНСГЕННЫЙ ЦЫПЛЕНОК ВСЕГО ЗА СТО БОН!»³⁸⁴.

Главные герои выделяют и другие зоны: набережную Городского пруда (где когда-то «летом катались на лодках», «зимой – на коньках»), «Спас-на-Крови» (который «гордо красовался на пригорке»³⁸⁵), Вознесенскую церковь (место, где можно повспоминать и подумать); *неприметные городские точки*, ассоциирующиеся с мирной городской повседневностью (дворики «с металлической детской горкой, классическими мусорными контейнерами и облупившейся трансформаторной будкой»³⁸⁶); *домашняя зона* (квартира Муконина, где главные герои смотрят «Иронию судьбы», готовят еду, где Маша вспоминает, «как хорошо жилось в детстве, как она ездила в Турцию с родителями и купалась в Черном море»³⁸⁷; квартира родителей, о которой вспоминает Костя, – заветное место, где мама «что-то делала с лоскутами теста» и ругала за несданные зачеты).

Апокалиптическое мироощущение воссоздается в романе «Отдел»³⁸⁸ А. Сальникова – «кровавом триллере»³⁸⁹ (с эксцентричными героями, сценами физического и психологического насилия), эксплуатирующем тему латентного сосуществования с человеком внеземных разумов³⁹⁰.

При этом город в романе Сальникова предстает как урбанизированное безымянное пространство, заполненное «кривыми бетонными заборами», «зданиями с трубами», «пятиэтажками хрущевских времен», предприятиями со множеством пыльных окошек, «светящихся вывесок и реклам», узкими улочками с «ямами, пробитыми в асфальте грузовой техникой». Вероятно, описываемые события разворачиваются в 1990-е годы, поскольку герои вспоминают о «криминальных эпизодах, происходивших в городе»,

³⁸⁴ Молотов В. Урал атакует. М., СПб., 2011. С. 25.

³⁸⁵ Там же. С. 65.

³⁸⁶ Там же. С. 72.

³⁸⁷ Там же. С. 17.

³⁸⁸ Сальников А. Отдел [Электронный ресурс] / А. Сальников // Волга. – 2015. – № 5/6, 7/8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/2015/8> (дата обращения: 25.01.2019).

³⁸⁹ Толстов В. Китайский синдром // Урал. 2016. №4. С. 226.

³⁹⁰ Согласно авторской концепции, Земля еще с античных времен оказалась прибежищем «инопланетных кораллов», «эволюционировавших собак» и вирусов – бессмертных пришельцев, способных вселяться в людей и заменять человеческий разум своим.

утверждают, что их «еще в помине не было» во время перестройки, и обращают внимание на построенные «совсем недавно» высотные здания «вроде небоскребов», евроремонт, сделанный в некоторых кабинетах. Много времени проводят работники Отдела внутри одного из «зданий с трубами» – в рабочей конторе, которая во многом напоминает советское предприятие с «паровыми котлами», «выцветшими плакатами с правилами техники безопасности», «сумрачным коридором без единого окна», дверями, «покрытыми масляной краской».

Появляется в романе и неряшливая пригородная зона, до которой работники «Отдела» добираются «от силы полтора часа»: если ехать «по замерзшим колеям, по спальным районам, по окраине, напоминавшей то приусадебные участки, то промзону», можно разглядеть традиционные знаки пригорода – «трассы», «железнодорожные переезды», «поля», «бетонные автобусные остановки», «обширные свалки». Маленькие города-спутники описываются как типичные провинциальные локусы, застроенные скученными одноэтажными двухэтажными домишками, изредка встречающимися трехэтажными домами, котельными, трансформаторными будками, сарайчиками в окружении рабицы. Нередко знаки пригорода дополняются знаками деревни: «водозаборными колонками», «скелетами теплиц», старательно лающими «ленивыми деревенскими собаками», огородами, дровяниками, «вертикальными будками туалетов» и т.д.

Безымянным, обыденным, описанным без включения топонимики, ключевых локусов и узнаваемых маршрутов остается Екатеринбург: это просто место обитания, «город вообще», «такая же дыра, как Челябинск, Пермь».

В романе Ольги Славниковой «2017» город также напоминает безликое пространство с заборами, «стихийными рынками», «кубическими кварталами», «сырыми, как туалеты, станциями метро», темными парками, свалками, трущобами, бетонными развалинами. Как фрагменты из прошлого (кроме «деревенских улиц», застроенных «грязно-розовыми бараками» и

«рыжими трехэтажными инвалидами») явлены объекты из числа екатеринбургских достопримечательностей: Оперный театр – «один из немногих объектов, покрытых красотой в виде лепных медальонов и гирлянд, – но строением коробки похожий на шагающий экскаватор»; Плотинка, воды которой, «распространяя запах черной деревянной бани, пылили над столиками шашлычной»; Памятник Татищеву и де Геннину, которые «стояли, в каменном немецком платье, обратив одинаковые полированные лица к черному плотинному туннелю с водопадом – над которым кто-то рискован, из любителей поболтать ногами над бездной, вывел ярко-белой водостойкой краской: “БОГА НЕТ”»; Гостиница «Центральная» – «суровая, как советское учреждение, зато господствующая в квартале обветшалого конструктивизма». Кроме того, в тексте появляются немногочисленные «полузавуалированные» городские объекты: Малышевская улица (Малышева), Пушкарский переулок (улица Пушкина), улица Еременко (Еремина), Вознесенский проспект (Вознесенская площадь) и т.д.

Екатеринбург 2017 года представлен через «граненые зеркальные башни новых кондоминиумов», затейливые дома с «сахарными дверями», с лоджиями, которые высились, «будто составленные стопкой хрустальные стаканы». Екатеринбургская достопримечательность будущего – Экономический центр, напоминающий аквариум: «В сквозном бесконечном пространстве витрин тропическими бабочками горели дамские платья; внезапно у самых ног гладко расстилались, унося наверх и вниз похожие на ноты неподвижные фигуры, бесшумные эскалаторы; скользили, обвитые зеленоватыми водными каскадами, прозрачные лифты. Невозможно было понять, стоишь ты в витрине, в пассаже или под открытым небом»³⁹¹. Но перечисленные футуристические объекты (при всей их экзотичности и эффектности) оказываются лишены символического смысла из-за своей официальности, «назначенности» кем-то и когда-то «сверху».

³⁹¹ Славникова О.А. 2017. М., 2007. С. 424.

Неприметный, серый городской ландшафт в подобных текстах напрямую соотносится со структурой характеров персонажей. Город и жители настолько «срослись друг с другом», что не очень понятно, кто под кого «мимикрировал»: городские декорации отображают сознание и поведение жителей или образ мышления опредмечивается в неряшливости и серости города.

Так, жители города в романе «Петровы в grippe и вокруг него» словно «срастаются с городскими декорациями»: на неопрятных остановках обитают «какие-то бомжи, неотличимые от местных жителей, или местные жители, почти неотличимые от бомжей, какие-то, в общем, маргиналы с мордами, красными или от холода, или от алкоголя»³⁹².

Часто появляются на улицах городские сумасшедшие: пассажиры-«безумцы», которые беседуют в общественном транспорте «про золото партии, про бесплатные путевки в санаторий, которые давали когда-то каждый год, и про то, что всех, кто сейчас находится у власти, надо ставить к стенке»; женщина из троллейбуса, «не скрывающая своего безумия» и рассказывающая, как ее «во время беременности похищали инопланетяне»; «две симпатичные тетеньки, судя по разговору – учителя в школе, филологини», от которых «разило» так, будто «вечером ранее они пили в невероятных количествах какой-то невероятной силы термоядерный деревенский самогон»³⁹³.

Фигурируют в городе (может быть, только в болезненном сознании главного героя) и странные безликие персонажи: повторяющийся в разных вариантах тандем «бабушка-внук»: «спокойная и безропотная» бабушка и внук, который «по-взрослому шипел на бабку и почему-то утверждал, что она дура»; бабушка-сторожиха, считающая, что «без ее круглосуточной опеки внук вырастет уголовником и наркоманом», и «зашуганный тихий мальчик лет

³⁹² Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М., 2018. С. 57.

³⁹³ Там же. С. 10, 86, 61.

трех»; внук, пропадающий среди толпы, и бабушка, звавшая его по имени: «Ихор! Ихор!».

Читатель следит за историей Петрова, среднестатистического слесаря (который «никаких особых амбиций не имел даже в прошлом, от чего не мог испытать разочарования в жизни никаким образом»), но все-таки подсознательно задумывается, насколько реален такой нарочито обычный Петров: вполне может быть, что Петров «ни автослесарь, ни художник, ни отец, ни муж, то есть вроде бы и все это вместе»³⁹⁴. Возможно, Петров не просто болен гриппом, а «гриппозный бред с уймой навязчивых мыслей» – это стабильное свойство сознания героя.

Настойчиво звучащая тема повторений (декораций, маршрутов, сценок) работает на создание образа городской рутинности. Ощущение обыденности, бесцветной каждодневности преследует главных героев. Петров, путешествующий по городу в компании странных друзей, постоянно чувствует некое «кружение», ощущение, что дорога «возвращается обратно». Супруга Петрова остро чувствует «пустынную» города: проезжая около парка Чкалова, замечает «обширные пространства вдоль улицы Бардина», «пустоты и пространства с гаражами», детский клуб «где-то в стороне от домов». «Слишком много пустоты» ощущается и вокруг ТюЗа, вызывающего «сплошную какую-то бледную, депрессивную тоску».

Герои Сальникова напоминают фланеров, которые бесцельно бродят по городу и волей-неволей обращают внимание на троллейбус, который «пощелкивая усами, дергался туда-сюда»; на «длинную пожарную машину», укатившую «куда-то в сторону леса на краю города, где вроде бы и ничего и не горело»; на милицейский уазик, который поехал «куда-то во дворы, отодвинув в две стороны людей на остановке»³⁹⁵.

Досуг горожан во все времена также оказывается организованным по стандартному набору: «молча гулять в парке, молча сидеть в кино,

³⁹⁴ Сальников А. Петровы в гриппе и вокруг него. М., 2018. С. 356.

³⁹⁵ Там же. С. 169, 219.

похрустывая попкорном, молча сидеть в пиццерии», устраивать «посиделки на заброшенной стройке», «шляться по лесопарку», «обсуждать литературу и кино под пиво или вино».

При этом праздничатание Петровых отличается от фланерства как способа постижения городского своеобразия. Герои Сальникова не открывают архитектурные особенности города и достопримечательности, редко замечают любопытные детали, но лишь какие-то «куски» из свердловско-екатеринбургской повседневности: вывороченное, искривленное сознание героев, смотрящих на действительность словно «из некоего тумана», не способно охватить специфику города.

В специфических отношениях с городом пребывают герои В. Исхакова. На городских улицах мелькают одни и те же лица; все жители – дальние или близкие родственники, «а если не родственники, значит, с кем-то лежали в одном роддоме, сидели на горшках в одних яслях, вместе ходили в детский садик, учились в одном классе, кончали один и тот же институт»³⁹⁶. На улице – обыкновенные спешащие прохожие, в трамвае – пассажиры с абонементом за три копейки. Городское население представлено как одно целое, функционирующее по выработанным и навсегда усвоенным законам. Так, например, описывается одна из поездок в общественном транспорте, наполненном «уставшими и как бы не совсем живыми людьми»: «Они стояли плотно, единой слипшейся массой, и Киру иногда казалось, что по жилам у них вместо крови течет электрический ток <...> что троллейбус, который их всех везет, и водитель троллейбуса, иногда объявляющий остановки механическим, неживым голосом андроида, что все это – пассажиры, троллейбус, водитель – часть одного целого»³⁹⁷.

Но главные герои пытаются хотя бы на эмоциональном уровне воспринять город. У героев Валерия Исхакова есть устойчивый набор чувств –

³⁹⁶ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 288.

³⁹⁷ Там же. С. 613.

переживаний, связанных со Свердловском: в городе чаще всего бывает скучно, страшно, тревожно и неудобно.

«Неинтересность», ординарность Свердловска – одна из основных тем разговоров. Скучно в городе из-за отсутствия ярких событий: Свердловск, по выражению одного из главных героев, – это город, где «не может происходить ничего необычного, загадочного, а значит – интересного»³⁹⁸.

Ощущение «бесчеловечности», «необжитости» вызывает серая архитектура города, которую составляют серые здания (самые крупные из них – заводы и фабрики), неопрятные дворы, каменные и деревянные заборы. Своей загруженностью, неодушевленностью город отталкивает людей; особенно неудобным Свердловск оказывается для приехавших из маленьких уральских городков. Так, например, один из героев, перебравшихся в Екатеринбург из Нижнего Тагила, испытывает на себе «бесчеловечность» этого «не слишком гостеприимного города»: «Сколько я ни старался, сколько ни тратил усилий, чтобы стать для него своим, все равно он относится ко мне как к чужаку, как к докучному и ненужному пришельцу и пускает в ход любые средства, чтобы от меня избавиться <...> Что ж, значит, он добился своего, этот город, он сжил меня со свету, но одного, по крайней мере, добиться ему не удастся никогда. Никогда не сможет он заставить меня просить у него пощады»³⁹⁹.

Диалог с городом не выстраивается у «чужих» в городе в романе «Петровы в гриппе и вокруг него»: так, Марина, скромно жившая с мамой и младшим братом в деревянном доме в Невьянске, не понимает город и его амбициозных жителей. Свердловский мальчик Саша, читающий наизусть «Евтушенко и Вознесенского, Асадова и Ахмадулину», воспринимается Мариной как «яркая» «пластмасса, которая тогда была очень модной и была везде, из нее даже мебель делали, в нем не было ничего своего». Марина, в свою очередь, классифицируется родителями Саши и сокурсниками как

³⁹⁸ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 339.

³⁹⁹ Там же. С. 608.

девушка «из глубинки», «лимитчица». Не ужившись в столице Урала, Марина «нисколько бы не пожалела, если бы весь Свердловск провалился в тартарары, чтобы у Свердловской области не было бы никакого центра, а только маленькие деревеньки»⁴⁰⁰.

«Чужими» в городе себя ощущают герои романов «Урал атакует» и «Отдел». Героям Молотова и Сальникова приходится прорываться сквозь странные и страшные обстоятельства и постоянно терять чувство «домашности» мира: привычный, уютный, узнаваемый мир либо превращается, либо уже давно превратился в чужой, враждебный.

Так, самоощущениями в постыдном Екатеринбурге делятся Костя и Маша из романа «Урал атакует», блуждая по мрачному городу и наблюдая за городскими изменениями: «Да уж, будущее наступило <...> Еще вчера никто не мог представить его Таким. Даже в бреду. А вчера было совсем недавно. Но теперь мы ступили в завтра. Оказались ли готовы? Нет, конечно. Нам было некогда думать об этом <...> Нечто подобное случилось и в моем детстве...»⁴⁰¹.

Пытаясь «вписать» себя в современные городские декорации, герои чувствуют сопротивление: панорамы «постыдного» Екатеринбурга вызывают страх и тоску. Город одновременно узнается и нет: узнаются то «поднимающиеся в горку, то спускающиеся» дороги, «воткнутые кое-где, точно свечи в огромный торт, небоскребы», «граффити на бетонных заборах промзон», «вялая и грязная речка, усыпанная летом пластиковыми бутылками»⁴⁰². Герои чувствуют, что у города нет сил, надежд, но в целях самоутешения все же ищут какие-то объяснения: «Нет, она не мертвая, эта роща», – размышляет Костя, оказавшись вблизи Шарташа: «Она просто спит, замерзла и спит»⁴⁰³. Чувствуя себя отверженными городом, герои даже замечают галлюцинаторный образ «желтозубого», «волосатого, то ли черта, то

⁴⁰⁰ Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М., 2018. С. 387.

⁴⁰¹ Молотов В. Урал атакует. М., СПб., 2011. С. 70.

⁴⁰² Там же. С. 75.

⁴⁰³ Там же. С. 76.

ли еще кого, с рожками»⁴⁰⁴. Так создается образ мира, отмеченный дьявольским знаком и транслирующим драматичность и безнадежность образа города.

В романе «Отдел» жители города – это обычные люди, которые после рабочего дня возвращаются домой, выгуливают собак и своей обычностью и схожим жизненным опытом (наслоенными «друг на друга пионерским детством, комсомольской юностью») «создают ощущение унылого конвейера».

Как обычный человек описывается главный герой Игорь, который спешит домой, где его встречает «вечерняя», «домашняя» жена, где маленький сын включает ночник и просит почитать книгу, где становится «уютнее» от посиделок на кухне с воспоминаниями о «всяком» из ранней супружеской жизни. Символом домашнего уюта, семейных традиций оказывается также старый садовый домик с его атрибутами (старым холодильником, книгами, остановившимися часами), каждый из которых вызывает у главного героя детские воспоминания. Мангал, бассейн, комары, «древесный дым затапливаемых бань и жарящихся шашлыков» выступают знаками размеренного, понятного хода людской повседневности.

При этом коллеги Игоря (как говорит сам автор, «сплоченное сообщество пекущихся друг о друге мужчин на нелегальном положении, по сути, окруженных врагами, одиноких и несчастных, – этаких усталых подпольщиков»⁴⁰⁵) пребывают в состоянии «боевой готовности». Ощущают себя в «военном» положении горожане: пенсионеры смотрят «Рен ТВ»; каждый слесарь «в загашнике ствол прячет»; в проулках встречаются «хмыри» в «наколках» и с четками.

В романе Ольги Славниковой «2017» для характеристики жителей используется две основные номинации: «рифейцы» и «горожане». «Горожане» – ролевое обозначение, используемое для указания на «включенность»

⁴⁰⁴ Молотов В. Урал атакует. М., СПб., 2011. С. 116.

⁴⁰⁵ Интервью с писателем года Алексеем Сальниковым [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <https://www.elle.ru/stil-zhizni/books/intervyu-s-alekseem-salnikovym-id6774491/> (дата обращения: 27.05.2018).

жителей в социальные отношения, на их существование в ритме города. В первый круг социальной сети входят влюбленные (Иван и Татьяна, Иван и Тамара), друзья (Крылов и его «хита»), «жалкие семейства» (типичный вариант рифейской супружеской пары: «Он – маленький, оскаленный, со страшно натянутыми жилами, накрытый сверху заскорузлой кепкой, сделанной как будто из того же куска материала, что и его немые ботинки: она – лишь чуть побольше, со склеивающимися глазками за сильными, словно готовыми лопнуть очками»⁴⁰⁶), соседи («одутловатые жильцы», «тщедушные существа»).

Второй круг символизирует разделение на классовые группы: «рифейскую элиту» («богачи», «баловни», «персонажи богемной тусовки», «разношерстная элита»), представителей власти (мэр, губернатор – «добротный, плотный, улыбочивый»; правоохранительные органы – «озлобленная милиция», «так себе милиционеры, воробьи в очках»); интеллигенцию («художники, коллекционеры, краеведы»); обитателей «дна» («молодые бомжихи», «синявочки», «попрошайки», «нищенки», «синеватые вампиры»); рифейскую мафию («подозрительные типы», «угрюмые крепыши с обритыми головами», мужчины с «уголовным видом»).

Отдельную группу представляют городские сообщества: уральские хитники – «основные» и избранные («сталкеры»), среди которых – друзья Крылова (Сергея Гаганов – «авантюрист и скаут-мастер», Владимир Меньшиков – «не только удачливый хитник, но и автор десятка разнообразных книжек, от истории кладов до приключенческих романов»; Фарид Хабибуллин – «едва ли не единственный из «стариков» профессиональный горный инженер»). Городское население остается на втором плане и предстает в общественных ролях «пассажиров», «местных», «жильцов», «пешеходов» и т.д.

«Рифейцы» оказывается номинацией психотипической. Это обозначение особенного – уральского типа сознания, существующего

⁴⁰⁶ Славникова О. 2017. М., 2007. С. 225.

одновременно в двух измерениях – реальном, включенном в структуру общества, и ирреальном. Под ирреальным измерением понимается «долгая горноуральская память», постоянная тяга к земле и камню, вера в местных духов. Жители города постоянно чувствуют свою включенность в «горный мир»: каждый из них когда-то принимал участие в экспедициях, составлял коллекцию минералов и знает весь комплекс местных легенд и преданий. Но это только формальные показатели, истинным признаком родства с миром горных духов является постоянная готовность к риску, авантюре, странному и бесшабашному поступку. Каждое действие настоящего рифейца – это вызов собственной судьбе: «Пятьдесят на пятьдесят – то самое соотношение, которое рифейский человек не может пропустить в принципе. Максимальная неопределенность исхода открывает максимально широкий канал для общения с той силой, которую рифеец всю жизнь побуждает обернуться и посмотреть»⁴⁰⁷.

Душа рифейца сравнивается с удивительным по своим свойствам камнем: она обладает «прозрачностью» и «самоцветностью». «Прозрачность» – это цельность, свобода и глубина, напоминающая «стихию водную и небесную»; «самоцветность» – тяга к гордой непоколебимой красоте.

Общение жителей с «горными духами» ведется постоянно: у каждого рифейца есть ряд воспоминаний, связанных с «местной живностью», самые распространенные из которых – это рассказы о неопознанных летающих объектах, шелковисто-зеленых получеловечках, ищущей свою любовь Каменной Девке и одаривающем богатством Великом Полозе. Люди «не отсюда» улавливают существование таинственной связи местных жителей с миром ирреальным: «У вас свои, особые права. Независимо от того, кто здесь родился и кто сюда приехал, вы – аборигены, все остальные колонизаторы. Прекрасная местность каким-то образом сама вас воспроизводит – для собственных, совершенно не человеческих нужд. Я возле вас наслушалась и про Полоза, и про Хозяйку Горы. Не знаю, что это за существа. Но все

⁴⁰⁷ Славникова О. 2017. М., 2007. С. 492.

истории, что происходят с вами, можно прочесть как истории отношений с ними»⁴⁰⁸.

Суммируя, можно отметить, что романы с фантазмагорической фабулой оказываются плотно «заселены» персонажами – горожанами, напряженно или безучастно вглядывающимися в городскую реальность и замечающими определенные странности.

Первопричиной странных самоощущений горожан оказывается таинственное двоемирие – сосуществование буднично-городской и таинственно-мистической реальностей.

Так, в романе «Петровы в гриппе и вокруг него» сквозь тривиальную городскую повседневность проглядывает нечто мистическое. Отдельные приметы античной мифологии (сравнения таинственного Игоря с Аидом, уподобление города царству мертвых, упоминание отдельных античных персонажей) распределены по романному пространству и планомерно деформируют реально-исторический «пласт». В широком смысле миф об Аиде возникает в теме болезненного, гриппозного состояния, в котором пребывают персонажи, в иррациональном характере разворачивающихся событий.

Предзаданность городской повседневности «расшатывают» разбросанные по тексту знаки и приметы смерти: звучат городские страшилки про пропадающих детей; городской транспорт из средств передвижения превращается в проводников из мира реального в мир потусторонний; в подъездах на лестницах, на фартуках продавцов и фирменных пакетах отмечаются «пятна крови»; безобидное место работы Петрова (гаражная яма) воспринимается как «портал» в подземный мир.

Медиатором зла оказывается некий Игорь – человек неопределенного возраста, семейного и социального положения: и сороколетний мужчина, и старшеклассник, и новый русский с «машиной, стоившей, наверно, как пара квартир», и даже инопланетянин. «А ты кто, инопланетянин, что ли?» –

⁴⁰⁸ Славникова О. 2017. М., 2007. С. 208.

раздраженно спросил Петров. «Если учесть, как люди поменялись всего за пятнадцать лет после того, как Союз распался, – да. Просто пришелец из космоса. Я бы даже сказал – из осмоса, если учесть, как ко мне все просачиваются»⁴⁰⁹.

Игорь легко «изображает, играет», «странно улыбается, будто сдерживает смех», «других ставит в неловкие положения, а сам всегда на коне». Именно Игорь оказывается «зачинщиком» временных «сдвигов» и путаниц: встреча с Игорем может завершиться «побоями, пьянкой на островке возле УрГСХА и песнями про голубые береты». Именно Игорь является «самым фантастическим элементом в романе» – «духом места, духом заледенелого каменного уральского пространства», который руководит городом и жителями⁴¹⁰. «А я вон порхаю над Свердловской областью и окрестностями, аки Эрот, и что-то не прихожу в уныние от окружающих меня видов», – утверждает Игорь и обозначает как свою связь с городом, так и власть над ним.

В романе «2017» Ольги Славниковой, как было указано, городское пространство характеризуется как «поглощенное», «переваренное», «искаженное», «аномальное». Оно напоминает лабиринт, в котором сложно и запутанно располагаются петляющие, путающие маршруты улицы, переулки, дворики и дома. Все парки города у Славниковой «темные и неопрятные», подвальчики «подозрительные», переулки «неосвященные».

Этот «город вавилонского типа» создает препятствия: внезапные отмены транспортных маршрутов, автомобильные пробки, «двигавшиеся от светофора к светофору, подобно ртути в гигантском термометре»⁴¹¹. Он распоряжается судьбами людей: назначает свидания, отменяет их, знакомит людей и тут же навсегда разводит: «Судьба вступила в борьбу со средой. Среда же как будто нарочно подставляла Тане и Ивану вместо наиболее вероятных жилых многоэтажек самые жесткие варианты».

⁴⁰⁹ Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него. М., 2018. С. 360.

⁴¹⁰ Подлубнова Ю. Плотная материальность камня // Урал. 2016. № 12. С. 207.

⁴¹¹ Славникова О. 2017. М., 2007. С. 44.

Местные жители, перемещающиеся толпами и застревающие в многочисленных городских лабиринтах, «сливаются» с пространством: «Рядом с мрачными, как тюрьмы, зарешеченными магазинами, где продавали спиртное, отдыхала на ящиках местная молодежь. Девочки с личиками лягушек <...> юные самцы рабочей молодежи стремились выглядеть декоративней самочек, крашенные волосы у них на головах напоминали морских существ вроде осьминогов или актиний»⁴¹².

На странность «городской среды» указывают искаженные карты города, которые были составлены еще в советские времена: «Сами пропорции промышленного города оказались засекречены так, что последствия искажений, подобно последствиям полиомиелита, сказывались на структуре как реального, так и изображенного города, сообщая улицам странные вывихи и заставляя неоправданно вилять, срываясь рогами с проводов, городские неуклюжие троллейбусы»⁴¹³.

«Засекречивающий» себя промышленный город не поддается целостному описанию и переносу не только на географическую карту, но и в художественный текст. Художники, поэты-песенники, коллекционеры, краеведы, «эти серьезные дядьки, пожилые лет с тридцати», «смутно чувствовали, что чего-то хочет от них вся эта каменная и индустриальная мощь, загруженное небо над ней, без конца транспортирующее тонны облаков, – но не могли преодолеть поверхность, как будто удовлетворяющую требованиям художественности и рифейской самобытности»⁴¹⁴.

В качестве ведущего городского символа видится *заброшенная телебашня («поганка»)* – вертикальная городская достопримечательность, аналог мирового древа и мирового столпа, олицетворение рифейского сознания.

Истинность этого символа Ольга Славникова объясняет тем, что каждый рифеец осознанно или неосознанно понимает предназначение объекта

⁴¹² Славникова О. 2017. М., 2007. С. 35.

⁴¹³ Там же. С. 32, 33.

⁴¹⁴ Там же. С. 81.

– быть «материализованным паролем», знаком связи с небом. Рифеец замирает перед телебашней, представляя себя на ее «верхушке»: каждый мечтает там побывать и ощутить «чувство высоты». Выбор заброшенной телебашни в качестве символа Екатеринбурга дает точное представление о жителях, населяющих город.

Таким образом, все жители находятся под мощным влиянием двух сил: города и окружающей его древней земли. Промышленный город и магическая рифейская земля образуют смысловые центры романа: в них разворачиваются ключевые события – театрализованная «революция 2017 года» и реальная экологическая катастрофа.

«Революция 2017 года», с одной стороны, похожа на внутреннее «брожение», «переворачивание», хаотическое движение толпы, в которой все смешивается. Люди превращаются в безликую массу, ведомую азартом, лихорадкой, страхом, ужасом. С другой стороны, революция напоминает карнавально-гротескные перевертывания с переодеваниями и разыгрыванием ролей. Центральная и финальная сцены представляют собой именно демонстрации-карнавалы, участниками которой являются городские «ряженные»: «бабки в мокрых клочковатых шубах», «деды в подбитом ватой камуфляже, в потертых, словно фанерных, пальтецах», «торговцы газетами и поддельными телефонными картами, мелкие мошенники, артисты пригородных электричек, дряхлые кляузники, фальшивомонетчики-надомники»⁴¹⁵.

Экологическая катастрофа также представляет собой мощный выплеск негативной, темной энергии, которая скопилась за долгие годы. Источник ее – город, являющийся символом цивилизации и деструктивного воздействия на природу. Город распространяет свои разрушительные силы и нарушает законы древней земли. Мир горных духов не терпит власти цивилизации и также вторгается на городскую территорию.

⁴¹⁵ Славникова О. 2017. М., 2007. С. 541

По версии Ольги Славниковой, сквозь железобетонные постройки промышленного города, охватывающего каменными объятиями, проглядывает то древнее, что таилось и таится в недрах могучего уральского края. Источником «неистошимой неизвестности» являются внутренние «токи», таинственные особенности «места»; первопричиной – уральская земля, которая является «не фоном, не контекстом, но истинным и едва ли не главным участником событий».

Выбор в качестве второго плана мифологии П. П. Бажова, очевидно, можно объяснить ее жизнеспособностью. «Написанная на основе легенд и преданий, хранимых бездонной народной памятью и вездесущей молвой, оберегающей магию места»⁴¹⁶, она смогла прочно закрепиться за уральским краем. Многие места – Мраморское, Зюзелька, Косой Брод, Гумешки – называют бажовскими местами до сих пор и «толкуют, что там грибники плутают, филины ухают, туманы ходят кругами, здешние люди горную матку до сих пор во сне видят»⁴¹⁷.

Мифология П. П. Бажова обнаруживает себя на персонажном уровне: герои и их прототипы (Крылов – Данила Мастер, Татьяна – Каменная Девка, друзья Крылова – горноуральские хитники), введенные персонажи бажовской мифологии.

Каменная Девка, она же Хозяйка Медной горы, появляется в городе, принимая разные обличия – «немолодой интеллигентной дачницы, испачканной ягодами и раздавленными комарами, с ведром огурцов; или буфетчицы на маленькой станции, с накрахмаленной башней обесцвеченных волос и тоскующими глазами в припухлых мешочках; или девчонки лет пятнадцати, у которой в горловину свободной майки залетает ветерок, когда она, пригнувшись, жмет на педали бряцающего велосипеда».

Добытчики у ночных костров видели и пляшущую Огневку (Огневушку) – «легко одетую женщину ростом примерно полметра,

⁴¹⁶ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург, 2002. С. 89.

⁴¹⁷ Там же. С. 89.

менявшую форму, будто глина на гончарном круге; ее безбровое узкое личико с глазами, как капельки крови, было покрыто, как показалось профессору, прозрачной чешуей»⁴¹⁸.

Однажды видели «хвосты» золотого песка, оставленные, по всей видимости, одним из самых старых горных духов – оленем с серебряными копытами: «Палеонтологический призрак был высок, едва скрываем бушующим березняком, четырехметровые в размахе рога напоминали костяные орлиные крылья и вспугивали птиц <...> серебряные копыта на мощных передних ногах, испачканные болотистой почвой, были сильно окислены»⁴¹⁹. Мелькала в лесу и «рифейская Горгона» – Златовласка – «трехметровая женщина с клубящейся жидким золотом безглазой головой, способной превращаться в сильно намагниченную подземную змею»⁴²⁰.

Персонажи бажовской мифотекстовой реальности являются в романе в виде призраков, представителей потусторонней силы. Веселая в сказах Бажова Огневушка оборачивается злой ведьмой, Великий Полоз – коварным существом, заманивающим хитников в самые отдаленные и страшные места, Каменная Хозяйка – губительницей местных мастеров.

Таким образом, роман «2017» строится на классическом двоемирии, реализованном в убедительной авторской концепции: в романе сосуществуют два тесно контактирующих мироздания: конструируемое на городских страницах Ольги Славниковой и творимое в сказах Павла Петровича Бажова.

Роман «Не буди!» С. Петрова и О. Батталова также строится на основе двоемирия – конфликта между современностью 1990-х и темным городским прошлым. По авторской концепции, местом концентрации зла становится дом Харитоновых-Расторгуевых – «инфернальный», «проклятый», «зловещий» локус с непроясненной мистериальной историей, которая проглядывает сквозь настоящее и готова при любой возможности войти в городскую реальность.

⁴¹⁸ Славникова О. А. 2017. М., 2007. С. 246.

⁴¹⁹ Там же. С. 384.

⁴²⁰ Там же. С. 384.

По авторской концепции, знаменитый дом изначально был возведен на неправильном месте – территории «черного» кладбища, «предназначенного исключительно для захоронения останков вампиров, ведьм, колдунов и их жертв»⁴²¹; позже сатанинские образы будут преследовать и строителей, и владельцев, и гостей дома: «Все или почти все царственные или близкие их роду особы, побывав на Урале, в скором времени умирали». Пройдет немало лет, но «зло, сжигающее все доброе вокруг», живет, а «страшные события»⁴²² настойчиво сопровождают городскую историю, мир мертвых пытается войти в мир живых.

В плане настоящего времени события разворачиваются стремительно. Герои из 1990-х (обычные городские студенты), впервые очутившись рядом с домом, сразу нарушают ряд негласных запретов: называют себя «хозяевами этого прекрасного, хотя ночью и несколько жутковатого особняка»⁴²³, проводят комедийно-подражательную экскурсию по особняку – с деланным «трагизмом», стилизованными «пассажами», «наигранным удивлением» и смехом «экскурсантов». Превратив рассказ о величии особняка и его запутанной истории в фарс, посетители «понижают» статус места и «настраивают» его тайные силы против себя. Согласно логике хоррора, ощущение трагического, страшного «нарастает»: мальчики и девочки, только что смеявшиеся над шутками об особняке, «поднимаются по мраморной лестнице на второй этаж» и оказываются посреди «торжественной старины этого монументального здания». «Старинные бронзовые светильники, зажженные вместо огромной люстры», «дубовые стулья старинной работы», «стол из красного дерева» остаются для героев недооцененными декорациями.

В определенный момент вечерних молодежных посиделок приходит время «спиритических сеансов» и «страшных историй». Подготовленные члены компании охотно рассказывают о злых хозяевах особняка и «заживо замурованных людях», о периодически появляющихся в здании «призраках» и

⁴²¹ Батгалов О. Не буди. Екатеринбург, 1999. С. 13.

⁴²² Там же. С. 8.

⁴²³ Там же. С. 20.

«духах». Но и страшные истории об особняке преподносятся в комическом ключе: оратор с «окосевшими от спиртного глазами», войдя в сценическую роль, делает вид, что «бросает вызов дьявольским силам». Дом, в свою очередь, «вызов принимает»: «Шелковые шторы зловеще зашевелились, как привидения, свечи внезапно потухли, наступила темнота. В ту же секунду сверху что-то зашуршало, словно чьи-то когти яростно заскребли потолок»⁴²⁴.

Герои находят старинную «роковую» дверь – «портал», «ведущий в страшную, неизвестную тьму» и «открывающий» силы зла: «Кажется, там – заканчивается реальность и наступает мир, не поддающийся законам природы»⁴²⁵. Контакт с «порталом» запускает ход трагическим событиям, зло пытается «воплотиться в героях»: в Таню вселяется злой дух; в Диме просыпается жажда наживы, и он готов добровольно уйти в подземное царство за «несметными сокровищами»; Леша чувствует прикосновение «холодных рук», которые «затягивали его под землю», а затем и вовсе исчезают.

Контакт с потусторонними силами меняет отношение к месту: особняк начинает осознаваться как «проклятое место», подземелья – как «чертов лабиринт», где ждет «кто-то злой, жаждущий смерти», настоящий «хозяин, привыкший столетиями ходить по этой холодной земле в этом мрачном месте»⁴²⁶.

Выходом из череды неприятностей должна стать расшифровка таинственной истории особняка и открытое противостояние демонам, заселившим особняк. Герои заново изучают имеющиеся данные о владельцах и гостях дома, прибегают к помощи священнослужителей, чтобы прийти к собственной интерпретации истории: создать столь «величественное» строение, где все детали так «гармонично сливались друг с другом», мог «либо сам Бог, либо сам Дьявол». Авторы не дают героям шансов на спасение:

⁴²⁴ Батгалов О. Петров С. Не буди. Екатеринбург, 1999. С. 49.

⁴²⁵ Там же. С. 61.

⁴²⁶ Там же. С. 80.

в заключительных сценах в церкви появляется, «улыбаясь острыми зубами», «антихрист», держащий в руках меч.

Двойственность образа города задается и в романе Валерия Исхакова, согласно концепции которого Екатеринбург и Свердловск – разные города, не совпавшие в своем развитии. По утверждению Валерия Исхакова, город Екатеринбург так и не был основан: «...на самом деле никакого города Екатеринбурга нет и не было никогда, а была лишь игра воображения, фантазия, был сон наяву, привидевшийся горному начальнику Василию Никитичу Татищеву в тот солнечный с морозцем, январский день 1721 года, когда стоял он над Исетью, вынашивая в сердце план будущей столицы Урала. План, которому так никогда и не суждено было сбыться <...> потому, что прихлопнула этот план в самом зародыше всемогущая Берг-коллегия <...> работы был свернуты, сам Татищев запил, заболел, и вскоре умер в нищете и забвении <...> Не стало Татищева – не стало и задуманной им столицы Урала. Осталась только фантазия, мираж, сон наяву. И вот уже 270 лет длится этот сон <...> и уже никто не в силах отличить сон от реальности, и реальность кажется порой фантастичнее сна, сон же – проще и будничной реальности»⁴²⁷.

«Екатеринбург» остался лишь замыслом, творческой волей. Но материальная нереализованность города, по Валерию Исхакову, не является синонимом его нереализованности в жизни вообще, «Екатеринбург» перешел в новое – культурно-литературное пространство и реализовался в (условно) духовном смысле: «... и там, в Екатеринбурге, вершится настоящая история, там есть и настоящая литература, и музыка, и живопись – все, что у вас здесь влачит жалкое существование под гнетом цензуры <...> да не в цензуре, собственно, дело! Просто сам воздух, дух этого города не способствует развитию литературы»⁴²⁸.

История «Свердловска» противоположна. Город Свердловск был построен на месте небольшого поселка исключительно ради материальных

⁴²⁷ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 4.

⁴²⁸ Там же. С. 364.

нужд людей. Отсутствие в его истории элемента творческого порыва, фантазии и мечты – знак «искусственности» города, неодушевленности, незначительности в культурном плане. Город, возникший не для воплощения какого-то глубокого замысла, лишается «творческого потенциала», «городской тайны» и т.д.

Образ загадочного Екатеринбурга соседствует с образом «культурно неполноценного» Свердловска, о творческом потенциале которого постоянно рассуждают представители «свердловской интеллигенции». Так, Федор Удилов (местный писатель), сравнивая Екатеринбург с Москвой и Санкт-Петербургом, постоянно сетует на невозможность сделать Свердловск объектом художественного творчества. По мнению писателя, этому городу не хватает местных таинственных историй и персонажей: «Кто бродит по нашему проспекту Ленина? Призрак коммунизма? Чья великая тень хоть раз мелькнула на нем, кто оставил свой вечный литературный след? <...> Вы только представьте себе, как звучало бы для читателя название, к примеру, нашего Исторического сквера, если бы какая-нибудь местная Лиза не дождалась тут местного Германа и бросилась в воду с мостика, словно нарочно для того предназначенного, чтобы с него бросались литературные героини?! А мало ли у нас в городе старинных домов, в которых могли бы жить наши местные Родионы Раскольниковы, Анны Каренины, Наташи Ростовы?»⁴²⁹.

Именно тот далекий, нереализовавшийся «Екатеринбург» является потерянным «символическим прошлым», «духовным потенциалом», разошедшимся в своем развитии с реальным городом. При этом дух ушедшего «Екатеринбурга» присутствует в неуловимом виде: «невоплотившаяся мечта Татищева», его грандиозная фантазия постоянно пытается самореализоваться, воплотить себя. «Загадочный» Екатеринбург, конкурирует с индустриальным Свердловском, «вторгаясь» в повседневность в виде многочисленных «городских странностей», сконцентрированных в «темных местах» –

⁴²⁹ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 364.

«Солидные и прочные» старинные особняки в центре города фигурируют как «окна» в параллельный Свердловску утерянный мир культуры и искусства. Рядом с этими зданиями «можно переноситься во времени и пространстве, воображать, что прогуливаешься по Невскому или по Миллионной». Планировка квартир в этих домах повторяет планировку квартир, в которых жили когда-то герои Пушкина и Лермонтова: «...лермонтовский Арбенин, видимо, занимал точно такие же апартаменты, так что Кир не слишком удивился, когда в приемной возле стола с напитками и закусками увидел с бокалом в руке князя Звездича»⁴³⁰. Оказавшись вблизи особняков, местные жители обнаруживают свое сходство с лермонтовскими или пушкинскими персонажами.

Традиционно воспринимаемый как символ советского города Окружной Дом офицеров превращается автором в «Олимп», место проживания таинственного «небожителя» – генералиссимуса. Генералиссимус управляет судьбами, выносит приговоры, пугает, а иногда предостерегает горожан. Контакт с жителями «местный небожитель» предпочитает устанавливать через конкретных людей. Чаще всего таким посредником становится молодой Кир Годунов. Во время одной из прогулок героя по вечернему городу «природа устроила специально для него, Кира, удивительное представление»: «Когда он проходил по улице Луначарского, порывом ветра вдруг сорвало квадратный жестяной колпак с башни Дома офицеров, и он полетел над площадью на манер огромного бесхвостого воздушного змея. А потом покатился по Первомайской с грохотом и звоном и исчез, пропал в клубах снега, и возникший из небытия и забвения генералиссимус уставился прямо на Кира, словно говоря ему жирным голосом уполномоченного: “следим за вами! Следим...” – и грозил ему вслед рукой, сжимающей трубку»⁴³¹.

⁴³⁰ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 275.

⁴³¹ Там же. С. 214.

Чтобы попасть в местную «нехорошую» квартиру, нужно проследовать по достаточно запутанному маршруту: «...по проспекту Ленина, мимо исполкома, ЦУМа, по улице Вайнера и дальше, по Малышева, мимо кафе “Москва” под арку гигантского конгломерата домов, сросшихся в огромное “Г”, протянувшееся до перекрестка и загибающегося переключиной с Малышева на Хохрякова, а засечкой даже на параллельную Малышева улицу Попова»⁴³².

Любой гость, очутившийся в этой «ужасной, поистине убийственной» квартире и познакомившийся с ее весьма подозрительными жителями, начинает испытывать чувство «чего-то неправильного»: «Кир не мог понять, не мог сформулировать, ему не хватало слов, но он чувствовал, что что-то в нем самом или вокруг него – неправильно»⁴³³. Неправильно, что два первых этажа в доме – нежилые, а многочисленные жильцы (бандиты, молодые семьи, дети, старушки) помещаются на четвертом этаже в одной маленькой коммунальной квартире. Все происходящее в квартире также «неправильно»: крики младенца, пение старухи одновременно на французском и русском языках, семейные и уголовные разборки. Побывав однажды в этой квартире и ощутив тягостное впечатление от нее, герои на время словно теряются, «растворяются» между существованием и забвением.

Авторская мифологизация города в романе носит локальный характер: таинственное, непонятное связывается с определенными точками на карте. Такой вариант екатеринбургской мифологии подразумевает, что все локусы, отмеченные автором, должны заговорить: Монастырский парк должен напомнить о таинственном исчезновении главного героя, местная «нехорошая» квартира – о некоторых странных жителях, Окружной Дом Офицеров – о «небесном» генералиссимусе и т.д. Распространителями «екатеринбургской мифологии», занимательных «городских историй»

⁴³² Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 585.

⁴³³ Там же. С. 602.

выступают местные жители, остро ощущающие «сдвиги в чувстве реальности»⁴³⁴.

Таинственный Екатеринбург Валерия Исхакова оказывается городом опасным и привлекательным одновременно. «Темные пятна» на городской карте, грозящие потерей пространственно-временных координат, вызывают чувство страха, а одновременно – желание секрет раскрыть. Путь, который выбирают жители, – домысливание, «допридумывание» городской тайны. Результатом догадок горожан становятся разноплановые «городские истории» – по сути, общее «таинственное прошлое», сформированное под влиянием затерянного Екатеринбурга.

Среди «городских историй» можно выделить «затемненную» историю об основании Екатеринбурга; историю о странных пространственных перемещениях (анекдот Грини Кутилина о доменном цехе⁴³⁵, о временной пропаже Кира Годунова в районе центра города); истории, связанные с издательством (о загадочном главном редакторе, о молодой поэтессе, превратившейся в птичку); истории, связанные с УрГУ (о вечном студенте и пришедшая ей на смену «легенда о Наргис Шарафутдиновне»).

Многие герои Валерия Исхакова, ощущая и постоянно испытывая на себе непредназначенность города для людей, думают о смене места жительства. Причиной этого желания является не только культурная «неполноценность» города, но и постоянное ощущение искаженности и странности городской среды: «Когда долго поживешь в Екатеринбурге, когда

⁴³⁴ Химич В. В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург, 2003. С. 109.

⁴³⁵ «- Пили мы, пили как-то с мужиками, утром прихожу в себя <...> где ты думаешь? В доменном цехе! Как меня на завод занесло – убей, не помню. Кругом, понимаешь, шум, грязь, народ в трудовом азарте чугун варит, пятилетку в четыре года, а я лежу на какой-то ветоши с большой головой и ничего вспомнить не могу. И что характерно: куча денег при себе, и ни копейки не пропало. Рабочий класс, старичок! Ну, что делать? Пришлось тоже до конца смены отстоять, как говорится, на трудовой вахте, внести свой вклад в копилку – в качестве подручного, разумеется. Ничего, сработал, мужики предлагали еще приходиться... И знаешь, что самое смешное?

- Что? – машинально спросил Кир, заранее зная ответ.

- А то, что это был вовсе даже не Свердловск! Это был город Нижний Тагил, старичок! А ты говоришь – случай...». (Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 610).

приглядишься к нему повнимательнее, в голову начинает лезть всякая чертовщина»⁴³⁶.

Чувство страха вызывает также географическая отдаленность города от центра страны и близость к Сибири: «Никаких тебе посольств, никаких иностранных корреспондентов <...> мне иной раз кажется, что они нарочно всю эту гадость сюда, на Урал, запихивают, все до кучи – атом этот, химию, бактериев всяких. Чтоб уж если рванет, так всех нас разом тут и кончило, чтоб наверняка и никаких следов»⁴³⁷.

Мистифицированный Екатеринбург недружелюбно относится к своим обитателям, герои, в свою очередь, пытаются противостоять «городу-организму, городу-роботу». Например, местный врач Аркадий Иванович Островский предлагает план уничтожения города: «... берешь особую жидкость – без вкуса, без цвета, без запаха – и выливаешь. Допустим, в Исеть, и готово: при первой же эпидемии самого банального гриппа весь город вымрет от пневмонии, потому что вирусы начнут размножаться с ураганной скоростью. Весь город вымрет, представляешь: ну и черт с ним! Пусть вымрет, пропади он пропадом, нисколько мне его не жалко»⁴³⁸.

Сборник футуристических рассказов «Урбанистические сны» Эдуарда Кубенского также представляет собой авторские фантазии о возможных вариантах развития города. Прагматичность сборника (желание автора-архитектора поделиться «многолетними размышлениями о том, каким должен быть Екатеринбург будущего») и жанровые возможности сборника рассказов (введение различных авторских «масок», использование средств гротеска, разворачивание законченных и самостоятельных историй) задают своеобразие образу Екатеринбурга.

В «Урбанистических снах» Эдуарда Кубенского также выстраивается вариант городского двоемирия. Автор, мыслящий как архитектор-градостроитель, конструирует образы города разных времен: 1996, 1997, 2007,

⁴³⁶ Исхаков В. Екатеринбург. Екатеринбург, 2004. С. 4.

⁴³⁷ Там же. С. 165.

⁴³⁸ Там же. С. 233.

2006, 2017 гг., далекого будущего. При этом каждый временной пласт оставляет свои следы в образе города, существующего одновременно в прошлом и настоящем.

Упоминается «свердловское» время, когда шло строительство Уралмаша, Белой Башни (рассказывается о смелых планах и мечтах Петра Оранского, Моисея Рейшера и Белы Шефлер: о «небоскребах на берегу Исети» и «башне до неба где-нибудь в районе цирка»), когда еще не были снесены многие памятники архитектуры (как, например, усадьба Фальковского, которая была местом встречи интеллигенции, читающей Солженицына за стаканом «Агдама» и слушающей Владимира Высоцкого).

При этом узнать Екатеринбург будущего без авторских подсказок практически невозможно: чтобы представить город 2052 года, читатель должен мысленно собрать по деталям новый Екатеринбург, ориентируясь на знакомые топонимы и многочисленные авторские комментарии. Белая башня подвергается нападению, но оказывается спасенной архитектором-супергероем Зодчим и арх-группой Podelniki; Центральный стадион перенесен на Уралмаш и переконструирован во фристайл-парк; Железную дорогу превращают в огромный парк «Лесополоса»; Городской пруд очищают нанофильтрами после расформирования Верх-Исетского завода; недостроенную телебашню переоборудуют в земную станцию для нанолифта в космос (рассказ «Лифтер»).

Очевидно, что в выработанной автором концепции фантастически-идеального Екатеринбурга достаточно сложно отыскать изначальный Свердловск / Екатеринбург. В перестановках, изменениях маршрутов, новой перепланировке видится незнакомый локус. Перед читателем разворачивается модель идеального города, воплотившая рабочие мысли автора. Футуристические рассказы Эдуарда Кубенского работают на создание «идеального города» – некоего new Екатеринбурга, Екатеринбурга-3000 и т.д.

Таким образом, в текстах с фантазмагорической фабулой ведущим приемом для создания мистического образа Екатеринбурга оказывается

выстраивание городского двоимирия (через обыгрывание истории, наслаивание временных планов, игру с мифологическим планом). Мотивная структура фантазмагорий базируется на образах сумасшедших, нечистой силы, разрушенных судеб.

Заданный через многочисленные бессвязные, разрозненные зарисовки, мистифицированный образ города обычно оказывается окрашен негативными коннотациями (исключение составляют рассказы Эдуарда Кубенского).

Часто Екатеринбург, наделенный обширным набором странных качеств (лабиринтообразный по планировке, не поддающийся фиксации на географической и литературной картах, тиранствующий над обитателями), оказывается под влиянием злого «гения места». Многочисленные знаки смертности, расставленные в текстах, подчеркнутая мрачность повседневности, мифологические ассоциации отсылают город к царству мертвых.

Заселяя город таинственными персонажами, авторы выявляют особенности сознания местных жителей – людей закрытых, обособленных друг от друга, расположенных к мистике.

4.2. Екатеринбург в современной политической сатире

В настоящем параграфе мы будем рассматривать синтетические жанровые формы, совмещающие черты политической сатиры (обличающей «явления при помощи различных средств комического: сарказма, иронии, гиперболы, гротеска, аллегии, пародии»⁴³⁹), плутовского романа (подразумевающего введение героев-масок, использование логики случайного, разворачивание комических перебранок, скандалов, драк), публицистики (освещающей актуальные общественно-политические вопросы современности).

⁴³⁹ Байбатырова Н. М. Политическая сатира в публицистике русского зарубежья «Третьей Волны» (на примере публицистики А. Зиновьева) [Электронный ресурс] // Н. М. Байбатырова. – Филология и культура. – 2014. – № 1 (35). – С. 148–153. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskaya-satira-v-publitsistike-russkogo-zarubezhya-tretiey-volny-na-primere-publitsistiki-a-zinovieva> (дата обращения: 25.04.2018).

Основа повествования в такой жанровой форме – событийность, ведущий прием – гротеск, способный «осмеять, приземлить авторитетные в обществе понятия путем выворачивания их наизнанку и профанации через обесмысливание»⁴⁴⁰; основа авторской стратегии – «высмеивание и абсурдизация посредством пародии и карнавальной инверсии установленных иерархий»⁴⁴¹.

Концептуальной в подобных текстах «с ключом» становится узнаваемость: читатель должен догадываться, о каких деятелях идет речь, какая проблематика и исторические события зашифрованы автором.

Соответственно, в политических сатирических фантазмагориях предметом описания становится политическая жизнь города в определенные временные промежутки.

Вариант апокалиптического образа города Екатеринбурга представлен в книге «Тайны третьей столицы», посвященной политической жизни города. Данный роман (политический триллер, детектив), вышедший в 2003 году накануне выборов главы города, воспринимается, в первую очередь, как политический текст, используемый в качестве инструмента в предвыборной борьбе.

Для краткого описания романа «Тайны третьей столицы» как текста, входящего в среднеуральский политический дискурс, можно воспользоваться алгоритмом, предложенным А. П. Чудиновым в монографии «Политическая лингвистика»⁴⁴². При характеристике данного произведения как политического текста следует, по концепции А. П. Чудинова, представить автора, адресата и выбранную авторскую стратегию. Создатель текста – это, очевидно, сторонник оппозиции, не желающий выдавать свое авторство и выступающий под псевдонимом «П. Лотинкин»; адресат – политические единомышленники, оппоненты и избиратели; выбранная стратегия –

⁴⁴⁰ Химич В. В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург, 2003. С. 300.

⁴⁴¹ Северская О. И. Пересмешники: «смеховое эхо» в поэзии и каналах массовой коммуникации // Карнавал в языке и коммуникации. М., 2016. С. 361.

⁴⁴² Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2006.

изменение отношения к тем или иным среднеуральским политическим деятелям (Чирницкому, Россилу, Баскову, Затовскому, Кунгусову и др.) через демонстрацию негативных личностных характеристик политических деятелей, распространение слухов и т.д. Время действия романа «Тайны третьей столицы» – конец девяностых годов; содержание – описание жизнедеятельности городской мэрии и сотрудничающей с ней, по версии автора, «местной» мафии, а также представление внутреннего устройства Екатеринбурга («Катеринбурга», «Екабе»), пребывающего в полуразрушенном состоянии.

«Год культуры» Дениса Каменщикова также можно охарактеризовать как политическую сатиру с фантасмагорической фабулой. В данном тексте историческое событие (объявление «года особого внимания культуре») подается в формате шоу. События разворачиваются в Светлопутёвском крае, в городе Светлый путь, на гербе которого изображен «вомбат, сжимающий батат», а «под зверьком на изогнутой алой ленте золотом вьется девиз: “Светлопутёвский край — путёвый край державы!”»⁴⁴³. Упоминается в тексте и другая городская конкретика: площадь 1825 года, Главная библиотека (состоящая из двух зданий с переходом), Beatles-клуб, экспоцентр (где в качестве местных символов выставляют сувенирные монеты, самовар на дровах). Фигурируют в тексте и некоторые знаменитости, номинация которых осуществляется через карнавальную образность: «популярный драматург Даляко»; писатель Репейников, основавший отряд «Бригантина»; группа «Кофемашина» с «бессменным главным кочегаром Володей Нушроком» и т.д.

В сатирическом романе Вадима Дубичева «Рябиновая революция» Екатеринбург становится эпицентром масштабной смуты, «массовой аномалии», в которой движущей силой оказывается агрессивно настроенная оппозиция и часть поддерживающей ее екатеринбургской общественности. «Страх, ужас и ненависть нависли над Екатеринбургом»⁴⁴⁴, революция лишает

⁴⁴³ Каменщиков Д. Год культуры // Урал. 2016. № 11. С. 106.

⁴⁴⁴ Дубичев В. Рябиновая революция // Урал. № 10. 2015. С. 20.

горожан сна, а город – обычной повседневности. Повествование Дубичева выстраивается как цепочка нелепых комических ситуаций, в которые попадает случайный персонаж – московский журналист, изначально планировавший освещать государственный переворот. Оказавшись в эпицентре уральских событий, Битман сразу же втягивается в уральский политический карнавал.

Выбранные для анализа политические тексты достаточно явно «вписаны» в конкретные условия: угадывается время, место и действующие лица. При этом город в таких текстах изображается неблагополучным, проблемным, в какой-то мере, олицетворяющим социально-политическое зло: город преступной власти, черного пиара и социальной несправедливости П. Лотинкина; герой желтой прессы Д. Каменщикова; место социальной смуты В. Дубичева.

Так, в «Рябиновой революции» знаками надвигающихся событий становятся проехавшая по бизнес-центру машина «с торчащими во все стороны погрузочными стрелами» и самопогрузчик, «лихо подруливший к памятнику» Ельцину и высадивший «могучих мужиков»⁴⁴⁵ – первых героев революции, демонтировавших монумент. Уже в первую «революционную» ночь ритм города меняется: «город полыхает огнями уличного освещения, окнами бодрствующих обывателей и заревом горящих машин»⁴⁴⁶. Меняется и городская панорама: «площадку позади памятника неизвестные превратили в общественный туалет», мирно спешившие на работу горожане замещаются «толпами из провинции», по набережной проносятся «машины с развевающимися флагами разных партий», от Дома правительства к мэрии города и к штабам оппозиционных партий «шарахаются» толпы людей.

Как «комическая войнушка» описывается штурм здания администрации силами оппозиции: сторонники новой власти бьют окна, шумят, запугивают работников муниципалитета. Полиция оказывается не вполне готовой к «екатеринбургской бойне»: полковник Енин после ночного

⁴⁴⁵ Дубичев В. Рябиновая революция // Урал. № 10. 2015. С. 14.

⁴⁴⁶ Там же. С. 15.

дежурства и кутежа отрицает действительность и наблюдает, как последовательно раздваивается его личность. Начальник управления Службы федеральной безопасности также теряется: сидит «на своем рабочем месте и мрачно рассматривает пустой лист бумаги, лежащий перед ним на столе»: «За стенами здания царствовала улица и дураки из оппозиции. А он, опытный и умный мужик, сидел в кабинете и бездействовал»⁴⁴⁷.

Стойко воспринимает осаду муниципалитет: распевая неофициальный гимн «Если вы не бывали в Свердловске», работники Администрации «готовятся к ответным действиям» (закрывают листами фанеры окна, придумывают «защитную амуницию» из всего того, что «валялось на складах и в подсобках мэрии», берут в руки «черенки от метел и флагов», на голову надевают «пластиковые ведра»). С криком «Бей гадов!» отряд городских чиновников атакует оппозиционеров и «отгоняет противника до подножия памятника Владимиру Ленину».

Заканчивается противостояние и повествование достаточно масштабно: в небе появляются военные самолеты-истребители, вертолеты, в центре города – «ревушая моторами колонна танков», горожане встречают армию как освободителей. Танковая пушка стреляет по Дому правительства, вокруг которого собираются «автоматчики в бронежилетах», съемочные группы и «плотная толпа, орущая: “Долой!”».

События в политической сатире могут разворачиваться по сценарию карнавального действия – с разыгрыванием ролей, переодеваниями и комическими ситуациями. Социально-историческая неразбериха, в которую втягиваются жители города, помогает передать спутанность сознания городских жителей.

Так, в романе «Год культуры» разворачивается городской маскарад, игровой характер которого олицетворяют многие герои: генерал Аполлинарий Епифанович Шутка, «галантный полк в полной экипировке», директор «краевого представительства МИА», требующий билеты на «Лебединое

⁴⁴⁷ Дубичев В. Рябиновая революция // Урал. № 10. 2015. С. 55.

озеро» в «нормальную ложу, где можно стол накрыть» и «чтобы внуки побегать там могли, им же на балете скучно»⁴⁴⁸.

В патриотическом маскараде участвуют «продвигающие культуру» деятели, твердо уверенные что «Есенин, Розенбаум, Пушкин и другие великие поэты, писавшие о казачестве», способны объединить русских в «один-единый здоровый организм, способный сдать нормы ГТО»⁴⁴⁹. И вполне вписывается в логику бредовой реальности первая акция по продвижению новой реформы: по области курсирует «агитационный Поезд культуры» с казачьим ансамблем песни и пляски, курсантами кадетского корпуса, «маленькими нашими детишками из самодеятельности», епархиальным хором, программой спортивных мероприятий и даже крестным ходом.

Масштаб комически-фантастических событий несколько снижается описанием будней «краевой» редакции, а также отдельными репликами о городе жителей провинции: «Гриля я те, Васька, на хрен ентот ихний “Оби” вместе с “Макдональсом”! Чё попёрлись в Светлый Путь ентот! В сельпо бы гвоздей купил!»⁴⁵⁰.

В таком жанровом повороте город теряет свои исключительные черты: иносказания, умолчания, эвфемизмы создают дистанцию между реальным городом и его фантазмагорическим двойником. Так, профанацией оказывается не только предложенная правительством программа, но и место ее воплощения – некий город-шарж.

Таким образом, в сатирических текстах фиксируется, прежде всего, «низовой» образ города, отодвинутый выбранной жанровой формой на периферию и фиксирующий, прежде всего, несуразность повседневности.

При этом топографическая разметка в политической сатире оказывается нагруженной смыслами. Так, в повести «Рябиновая революция» события смуты разворачиваются в центре города: фигурируют супермегауниверсам «Гринвич» и магазин «Эльдорадо», подвергающиеся

⁴⁴⁸ Каменищков Д. Год культуры // Урал. 2016. № 11. С. 106.

⁴⁴⁹ Там же. С. 90.

⁴⁵⁰ Там же. С. 104.

нападениям мародеров, Дом правительства Свердловской области, «Табаккос» (место «передачи денег»), «Чапаевские бани». Упоминание различных кафе и ресторанов (например, «Троекуровъ», «Тинькофф», «Шоко») в качестве мест «неформальных заседаний нового правительства» создает «праздничную атмосферу постоянного застолья», свойственную карнавальным художественным системам.

Как верхняя точка Екатеринбурга упоминается недостроенная телебашня, на которую взбирается журналист Битман с отчаянной уральской девушкой, водрузившей пиратский флаг на смотровую площадку. Фигурирует в романе и «подземный Екатеринбург»: по «подземному ходу от резиденции губернатора к посаженной мэрии» снабжают «посаженную мэрию продуктами питания, питьевой водой, канцелярскими товарами и прочим нужным скарбом»; здесь же коротает время бригада метростроителей, снятая в спешном порядке с визовской ветки и занимающаяся пересказом страшилок из «будней простых уральцев»⁴⁵¹.

В романе «Тайны третьей столицы» топографическое разделение города оказывается одним из ключевых приемов. Выделяется зона с повышенной концентрацией политического зла, куда входят официальный и неофициальный политические центры Екатеринбурга: Ленинский, Октябрьский районы, Уралмаш, Химмаш. Среди улиц встречаются Тургенева, Луначарского, «зачуханная Народная Воля», «широченная Московская», «тенистая и узенькая Хомякова», Фрунзе, среди объектов упоминаются «обшарпанный Дом Офицеров», «Площадь в честь кровавого воскресенья», памятник Татищеву и де Геннину. В данной зоне разворачиваются основные политические события: осуществляются переговоры, заключаются секретные сделки, распределяется власть. Кроме того, именно здесь локализуется

⁴⁵¹ «А то вот еще история была. Один мужик прибежал за семьдесят пять километров в больницу — сам сдался: голоса стал слышать. Всю зимовку читал единственную книжку под названием “Неприкасаемые”, про шпионов, и ему стали мерещиться диверсанты за каждым кустом...» (Каменщиков Д. Год культуры // Урал. 2016. № 11. С. 50).

екатеринбургские криминальные события: исчезновение людей, убийства, нахождение барсеток с крупными денежными суммами и др.

С архитектурной точки зрения, это зона контрастов, где уживаются «пятиэтажные дворцы с кондиционерами, итальянскими окнами, мавританскими черепицами, французской мебелью и шикарными комнатами отдыха»⁴⁵² и «обветшавшие», разваливающиеся больницы, центры социальной поддержки, жилищно-коммунальные хозяйства и другие муниципальные учреждения.

Местами наибольшей концентрации зла оказались резиденция губернатора, здание правительства, здание Горздрава, на одно из которых «израсходовано столько, будто оно облицовано чистым золотом», а строительство другого «обошлось горожанам примерно в сорок тысяч пенсий или в двадцать тысяч врачебных зарплат»; зоопарк, о котором «в городе страшные слухи ходят» (как предполагают местные жители, там расположена «тайная типография, кладовые с секретной электроникой, и даже <...> пыточные камеры»⁴⁵³).

С другой стороны, в качестве точек локализации правительственного зла выступают здания детских поликлиник в центре города, которые «не ремонтировали шестьдесят пять лет» и которые «выглядят так жутко, будто, по мнению горздрава, ничего пакостнее больных детей не бывает»⁴⁵⁴.

Выделяется зона с повышенной концентрацией экологического зла, к которой относятся типичные «пролетарские районы» – «неряшливые», «заросшие грязью», «неопрятные», «в смоге», с «обшарпанными хрущевками, мусором, заросшими бесприютными дворами, убогими детскими площадками и неряшливыми жителями»⁴⁵⁵. В главах, посвященных описанию типичных спальных районов, в качестве героев фигурируют депрессивно настроенные «екабевцы», которые ведут свою «несчастливую жизнь»: пытаются отстоять

⁴⁵² Лотинкин П. Тайны третьей столицы. М., 2003. С. 11.

⁴⁵³ Там же. С. 85.

⁴⁵⁴ Там же. С. 11.

⁴⁵⁵ Там же. С. 22.

права на митингах; сетуют на власть; понимают, что потихоньку «вымирают» («вроде и больницы на каждом шагу, и новые все время открывают, а смертность – ого-го»⁴⁵⁶); и признаются, что «город уже опротивел», что жить в этом городе «противно».

В качестве относительно благополучной зоны, где «легко дышится» и «совсем другая экология», выступают Уктус со «знаменитыми Уральскими горами – нашей гордостью»; «необъятный» Сосновый бор и «чудесный» Шарташ. В этой аполитичной, спокойной зоне расположены уютные жилые дома, около которых «побеленные бордюры и яркие клумбы», «аккуратно скошенные газоны». Это территория счастливых, здоровых екатеринбуржцев, которым хочется гулять, сидеть на лавочках и кататься на велосипедах.

Социальная структура города описывается достаточно прямолинейно: в определенном иерархическом порядке и с обязательным указанием на уровень социальных прав. Высшую ступень в «Тайнах третьей столицы» занимают политический Олимп («политический бомонд», «команды политиков», «люди мэра» и «люди губернатора», «политики-воры»); екатеринбургская мафия («преступные группировки», «банды», «бандиты», «местная мафия», «вольготные бандюги»). На средней ступени располагается «орда чиновников», врачи, милиция. Соответственно, на низшей ступени остаются обычные жители («екабевцы», «катеринбуржцы», «жители глубинки», «нищий народ», «обозленный народ»).

Первую и вторую ступень, как указано, занимают «нечистая на руку власть», «вороватое начальство», «беспощадная милиция», чиновники, «верховодящие в городе мафиози», которые «город оккупировали и грабят в свое удовольствие». По концепции автора, именно эти две социальные группы, представляющие собой городское управление, являются основным источником «екатеринбургского зла» и устанавливают негласные бандитские законы «третьей столицы»: «ментам плати, инспекторам плати», «заходи тихо, говори четко, проси мало, давай много, уходи быстро!», «если человеку не

⁴⁵⁶ Лютинкин П. Тайны третьей столицы. М., 2003. С. 46.

хватает на дворец в Испании, он имеет полное право воровать у вдов и сирот. А ему за это орден дадут».

Третью ступень в социальной лестнице Екатеринбурга занимают жертвы преступной деятельности властей – местные жители. «Наивные», верящие в «туманные слова» депутатов и вынужденные подчиняться установленным в городе законам екатеринбуржцы живут своей «честной жизнью», иногда мечтая уехать в Москву, Челябинск или за границу, но только на время, чтобы понять, как «тесно, скучно, стерильно» настоящему уральцу в других краях.

Главными городскими героями в «Рябиновой революции» также оказались представители власти – с одной стороны, новое «Правительство народного доверия и достатка» («победившие коммунисты», «народороссы», «соколы Жириновского» и их группа поддержки – люди с неоднозначной репутацией, криминальные авторитеты). С другой – нынешнее городское правительство во главе с «мэром Екатеринбурга начала 90-х годов» Самариным и работниками муниципалитета, пытающимися спасти город.

Втянутыми в революционные события стали местные жители, большая часть которых занимает сторону бунтовщиков: «угрюмая толпа молодежи с Сортировки», «подрастающее поколение рабочих окраин», вышедшее на революцию с битами и сумками для награбленного; политические активисты «вне возраста и социальной принадлежности», занимающиеся грабежом, сожжением и обстреливанием автомобилей.

Символом городской неразберихи в «Рябиновой революции» стало появление достаточно большой группы «чужих» – туристов, которые чувствуют себя потерянными и беспомощными в революционном городе. Поляки «странствуют» по пабам и заставляют всех распевать польский гимн; туристы из Германии три часа бродят по замкнутому кольцу «проспект Ленина – 8 Марта – Малышева – Банковский переулок», пытаясь попасть в гостиницу «Хайятт»; на перекрестке Бардина и Амундсена (а также соседних улицах, дворах, площадках) оказывается «плотная толпа китайцев» («жители

Поднебесной живо общались друг с другом, хохотали, курили, разговаривали по сотовым телефонам, слушали плееры, парочки целовались, кто-то стоял молча, а кто-то пел»⁴⁵⁷) и т.д. Философическое объяснение происходящему находят, как ни странно, представители КГБ: «... началось тектоническое движение, смысл и последствия которого понять пока не дано»⁴⁵⁸.

Вполне сносно ощущают себя в «революционных обстоятельствах» торговцы Шарташского рынка, которые «по завершении торгового дня» выпивают и «время от времени смотрят на красный шар, заваливающийся в сизые облака, как абрикос в сахарный сироп, черными огромными глазами и, цокая языками, показывают пальцами на женщин, запоздавших покупательниц», «жадно поедают пироги с яйцом и луком, запивая теплым пивом и русской водкой прямо из бутылок»⁴⁵⁹.

Еще одну ступень в социальной структуре занимают средства массовой информации, выступающие в роли распространителей «екатеринбургского зла»: тележурналисты-москвичи, местные «пареньки» и девушки с камерами, «бесцеремонные страховщики-телевизионщики», фотокорреспонденты из газет «Коммерсантъ-Урал», «Утренний Екатеринбург», «Областной газеты», новостного портала «Ура.ру», которые выслеживают «движуху» и «мясо фактологическое».

Так, в «Тайнах третьей столицы» городские СМИ (печатные издания с криминальными сводками, телеканалы «УТА», «41-й», «10-й», Интернет) опираются на ставшие стереотипными представления о Екатеринбурге. Среди используемых «ярлыков», связанных с уральской столицей, мелькают следующие: «третья столица» («настоящая», «руководящая всей страной»); «далекий город на границе Европы и Азии»; «тихий провинциальный город», в котором «не любят москвичей», где «цены гораздо ниже московских», где царит «сибирское гостеприимство» и течет своя незаметная жизнь; «город российского покаяния», стремящийся заслужить прощение за убийство

⁴⁵⁷ Дубичев В. Рябиновая революция // Урал. № 10. 2015. С. 64.

⁴⁵⁸ Там же. С. 64.

⁴⁵⁹ Там же. С. 75.

царской семьи через строительство многочисленных церквей. Использование «карикатурных стилистических масок и квазицитат» должно подчеркнуть «абсурдность современной медиакартины мира»⁴⁶⁰.

Подытоживая, можно сказать, что в политической сатире создается образ шумного, находящегося в беспрестанной деятельности, плотно населенного совершенно разными людьми города. «Революция по-екатеринбургски» – грандиозная неразбериха, цепочка абсурдных ситуаций, «опрокидывающих» историческую логику.

Своеобразно звучит тема уральской идентичности в политической сатире. Прошедшие сквозь призму сатирического и иронического мировидения, авто- и гетеростереотипы принимают комические формы.

В «Тайнах третьей столицы» специфическими именами наделяются пытающиеся выжить в криминализованном городе местные жители: «горноуральские самураи», «уральские горцы», «камнерезы», «уральские умельцы».

В сатирическом ключе в романе «Рябиновая революция» описывается «писательское племя бунтующего Урала», «остроглазые уральцы», которые, занимая позицию игроков-актеров, «пьют водку и матерятся», устраивают Вечера Исторической Памяти Великой Руси. При необходимости «писатели земли уральской» «легко ориентируются в ситуации и оценивают размах происходящего», становятся вполне успешными медийными фигурами⁴⁶¹. Так, например, писатель Евгений Камов («умничка и талант земли уральской»), который «частенько ездил за пределы своей любимой Родины, предпочитая выписывать уральские пейзажи по памяти, сидя в маленьком, но уютном номере отеля Парижа или Рима», легко вливается в революционные события.

Неслучайны также «местные» галлюцинации, возникающие в кафе «Журавлик» у Битмана: журналист видит Маминых-Сибиряков, Бондиных,

⁴⁶⁰ Северская О. И. Пересемешники: «смеховое эхо» в поэзии и каналах массовой коммуникации // Карнавал в языке и коммуникации. М., 2016. С. 373.

⁴⁶¹ Верников, собирая впечатления для новой книги, бродил в летнюю жару по проспекту Ленина в тулупе, вывернутом наизнанку, и наблюдал за реакцией прохожих; Курицын написал роман о придуманном наркотике «Акварель», после чего несколько лет бегает по стране, скрываясь от Госнаркконтроля, и т.д.

которые дружно слушают Бажова, рассказывающего о «нахождении рубинов в копиях Сысерти», видит Хозяйку Медной горы, убирающую за посетителями. В целом, носитель столичной культуры по-своему пытается «вписаться» в местные координаты, объясняя всё странное через традиции: «Машина ГТ неслась по заснеженным улицам в потоке грязных легковушек. Битман пялился в окно, не понимая, почему владельцы не моют свои машины. Уже зима, можно сказать, прошла, но авто были покрыты осенней грязью. Наверное, это какая-то традиция, суеверие. Типа, если вымыть автомашину до 1 мая, то попадешь в аварию. Уральцы, они такие – суеверные»⁴⁶²; «Утром он выдул пять чашек чая. Ему кто-то сказал, что на Урале принято пить по утрам много чая с баранками и вареньем. Вот Джорджик и попробовал. Больше пяти не осилил, но уже три раза бегал отливать»⁴⁶³.

Суммируя, можно сказать, что при всем обилии городской конкретики образ Екатеринбурга, созданный в социально-политической сатире, не является уникальным: это образ клишированный, шаблонный.

Политические сатирические фантасмагории, посвященные екатеринбургским политическим событиям, оказываются текстами об альтернативности истории в целом. События, развивающиеся в хаотическом, случайном порядке, наталкивают на мысль, что подобная история могла произойти в любом другом провинциальном городе. Екатеринбург на страницах романов «Тайны третьей столицы», «Рябиновая революция», «Год культур» – это город N, выступающий, прежде всего, в качестве инструмента в политической борьбе.

Обобщенный образ уральской провинции в современных политических текстах, где переплетаются криминальная, политическая и смеховая тематические линии, складывается из различных приемов карнавализации. Абсурдная череда событий, происходящих вне всякой логики, создает

⁴⁶² Дубичев В. Рябиновая революция // Урал. № 10. 2015. С. 64.

⁴⁶³ Там же. С. 44.

атмосферу разорванной, несуразной городской повседневности, где перепутаны серьезное и комическое, высокое и низкое.

Выводы

При всем тематическом разнообразии произведений с фантазмагорическим началом Свердловск / Екатеринбург в рассмотренных текстах – это город, определяемый чаще через отрицательные характеристики: демонический, зловещий, разрушающийся, экологически неблагоприятный и т.д. В подобных текстах фиксируется «такое состояние мира, в котором разрушены все устойчивые связи, а люди выбиты с привычных мест»⁴⁶⁴. Многочисленные упоминания злого гения места (Аида, «то ли черта, то ли еще кого с рожками») демонизируют образ Екатеринбурга, наделяя его приметами разрушающегося и разрушаемого города.

Дезориентированными, утратившими чувство реальности, зараженными отчужденно-апокалиптическим мироощущением оказываются, прежде всего, горожане: часто впадая в пограничные состояния (сон, потеря памяти, неясность сознания, галлюцинации), герои испытывают на себе нарушенную, искаженную логику мира. Чтобы каким-то образом объяснить «разорванность», абсурдность городской реальности, персонажи сочиняют таинственные истории (как герои В. Исхакова, О. Славниковой); предпринимают попытки борьбы с недружелюбным городом, выдвигают инициативы (как в тексте Э. Кубенского, В. Молотова) или, не найдя внутренних и внешних ресурсов, пытаются из города сбежать (как герои В. Дубичева, Д. Каменщикова).

Городская повседневность в текстах «фантастов-мифологов» оказывается перенасыщенной искажениями и странностями, причиной которых может быть сосуществование двух городских реальностей – обычной и чудесно-мистической; глобальные первопричины мирового масштаба (Третья Мировая война, засилие инопланетян); действие разрушающих сил

⁴⁶⁴ Химич В. В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург, 2003. С. 101.

города в изначально «перевернутом» городском мире (где проводят абсурдные политические реформы и разворачивается беспринципная предвыборная гонка).

Стоит отметить, что общность рассмотренным текстам придает также введение ряда мотивов, которые используются авторами для создания образа города: мотив злого «гения места», управляющего городом; нечистой силы – «галлюцинаторных образов», возникающих как «проекции образов фантазии, возникающих от испуга»⁴⁶⁵; мотив уничтожения, умирания города; мотив неясности, нелинейности, нарушенности ландшафта.

Для создания яркого, необычного, интересного образа города авторы разрушают, переиначивают, расширяют официальные, ставшие клишированными представления о городе: прозаики не представляют Екатеринбург как «третью столицу», «город на границе Европы и Азии» или «место российского покаяния». «Официальное» воспринимается мифотворцами-фантастами как безликое, «неговорящее», потерявшее свою значимость. Поэтому авторы обращаются к средствам фантастики и мифа, позволяющих отрешиться от «назойливой привычки видеть мир в его бытовых очертаниях» (Ю. Лотман); к интертекстуальным опорам на сказовую систему П. П. Бажова, традиции «петербургского текста», канонам научной фантастики, политический дискурс и т.д.

⁴⁶⁵ Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М., СПб., 2010. С. 159.

Заключение

Обзор теоретических исследований категории *образ города*, работ по изучению образа Свердловска / Екатеринбурга и наш собственный анализ образа столицы Урала в корпусе разноплановых текстов подтверждает мысль, высказанную еще в 1922 году Н. П. Анциферовым о том, что «отражение» города в «душах наших художников слова не случайно, здесь нет творческого произвола ярко выраженных индивидуальностей»: «За всеми этими впечатлениями чувствуется определенная последовательность, можно сказать, закономерность. Создается незыблемое впечатление, что душа города имеет свою судьбу, и наши писатели, каждый в свое время, отмечали определенный момент в истории развития души города»⁴⁶⁶.

Образ города в современных художественных и художественно-документальных произведениях получается достаточно схожим. Именно образ Свердловска / Екатеринбурга, интересный своей самодостаточностью и повторяемостью, объединяет тексты с разными жанровыми установками.

В автобиографической прозе в центре повествования оказывается фигура вспоминающего прошлое и осмысляющего настоящее автора, который стремится связать воедино жизненные события и описать максимально подробно декорации и обстоятельства, на фоне которых они (события) разворачивались. В текстах автобиографов история Свердловска / Екатеринбурга, его топография и повседневность описывается подробно и жизнеподобно. Авторы, словно экскурсоводы, проводят виртуальные прогулки по старому городу, делятся воспоминаниями о любимых с детства местах, фиксируют изменения в городском ландшафте. Вполне логично, что одним из лейтмотивов текстов с меморативным началом оказывается сравнение «теплого», «уютного», «родного» города из прошлого и «чужого», «неузнаваемого» города из настоящего.

⁴⁶⁶ Анциферов Н. П. Душа Петербурга ; Петербург Достоевского ; Быль и миф Петербурга ; Петербург Пушкина. М., 2014. С. 31.

⁴⁶⁶ Ключкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII– середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 29.

Автобиографические тексты, заряженные энтузиазмом и наполненные ностальгией, словно обходят тему стереотипов: место, где прошло детство, юность, молодость, где появились друзья, где жили семейные династии, остается навсегда особенным и значимым. Будет ли это «старый город», «закрытый Свердловск», «тыловой город», совершенно не важно: общеизвестные представления о городе перешли в «формулы», «сгустки» памяти, «те элементы общественного сознания, которые знаменуют определенную его устойчивость, его преемственность и противостояние любым изменениям и назревающим конфликтам»⁴⁶⁷.

В социально-психологической прозе образ города наделяется сразу несколькими функциями. Во-первых, город «направляет» развитие фабулы, оказывается причиной переездов и возвращений, выступает помехой или символом жизненного успеха персонажей. Во-вторых, Свердловск / Екатеринбург фигурирует в «атмосферной» функции. Усложненная субъектно-объектная организация текстов не подразумевает развернутые описания города, но позволяет городу «мерцать» через отдельные детали, подробности, упоминаемые в ремарках повествователя, монологах и диалогах героев. В-третьих, образ города в подобных текстах соотносится с образами местных жителей. «Настоящие уральские женщины» А. Чуманова, противоречивые героини А. Матвеевой, лихие герои А. Иванова проявляют темперамент города.

В документальной прозе разработка образа города призвана решить определенные прагматические задачи, поставленные авторами: утвердить общественную позицию, защитить культурное наследие, популяризовать местное искусство, повысить уровень привлекательности места. Такая целенаправленность текстов определяет следующую специфику образа Свердловска / Екатеринбурга: каждая выбранная для описания деталь из городской повседневности, представление топографии, городские истории и их интерпретация транслируют открытое авторское высказывание. На основе

⁴⁶⁷ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 81.

создаваемого образа города авторы не только пытаются формировать продуктивную среду для реализации собственных творческих и общественных задач, но и определяют свою идентичность.

Занимая позицию активных городских жителей, авторы-документалисты основательно подходят к функционирующим авто- и гетеростереотипам. Именно в документалистике остро чувствуется, как общественность отказывается от открыточного статуса «столица Урала», драматичного шаблона «место расстрела царской семьи», безликого клише «город-завод». Авторы убеждены, что сегодня Екатеринбург может позиционироваться и как «центр современного искусства», и как «город творчества», и как семейно-уютный, безопасный «город-дом», и как «город перспектив и амбиций».

В текстах с выраженной фантазмагорической фабулой образ города создается парадоксальным образом. Для создания необычного, яркого, привлекательного образа Свердловска / Екатеринбурга используется определенный набор художественных средств: выстраивание двоемирия (реального и фантастического города), введение устойчивых мотивов (катастрофы, злого «гения места», неясности топографии и т.п.), опора на существующие тексты (мифотекст П. П. Бажова, тексты актуальной политической жизни, приемы фантастической литературы и т.д.).

Авторы, чьи тексты были выбраны для анализа, словно не удовлетворены тем символическим капиталом, культурным потенциалом, которым обладает Екатеринбург сегодня. Мистический город, ведущий двойную жизнь (Исхаков), мегаполис во власти хтонических сил (Славникова), идеальный город будущего (Кубенский) – такие варианты образа Екатеринбурга можно считать попытками «литературного картирования» города, при котором, согласно В. Абашеву, «сюжеты известных литературных произведений, а также эпизоды биографии писателей

становятся полноценным компонентом культурного ландшафта, наполняют его новыми смыслами, определяют новую реальность места»⁴⁶⁸.

Таким образом, систематизированное изучение образа Свердловска / Екатеринбурга в современных прозаических текстах различной природы показывает, что логика создания образа города во многом обуславливается законами той или иной жанровой модели. Изучение ключевых деталей художественной структуры (описание локусов, представление городской атмосферы, образов местных жителей) позволило выйти к некоторым общим тенденциям, наблюдаемым при создании образа Свердловска / Екатеринбурга:

1. Специфика создания образа города во многом определяется такими внутрижанровыми факторами, как особенности субъектно-объектной организации, позиция автора, приемы сюжетосложения и т.д.

2. Образ города, как правило, подается сквозь призму сознания локализующих себя в пространстве героев разных возрастов, профессий, взглядов. Именно через «противостояние систем ценностных ориентаций, амбивалентность массового сознания»⁴⁶⁹ создается сложный образ городской атмосферы.

3. Нередко для создания образа inferнального, (само) разрушающегося города авторами разрабатываются образы литературных двойников Свердловска / Екатеринбурга: Батуев А. Иванова, Светлый Путь Д. Каменщикова, Город О. Славниковой. Но даже наделенный новым именем (и, казалось бы, новой судьбой, историей, характером) Екатеринбург остается узнаваемым.

4. Для передачи идеи развития и жизнеспособности образа города вводится мотив городской эклектики, понимаемой как «многообразие и широта выбора» (Маркова): «Все причудливо перемешивалось на главной екатеринбургской улице. Советские звезды, православные кресты, товарные

⁴⁶⁸ Цит. по: Фирсова А. В. Литературное картирование г. Перми в путеводителях // Географический вестник. Туризм и краеведение. № 3(22). 2012. С. 104.

⁴⁶⁹ Вепрева И. Т. Имя города в оценках горожанина: мифотворчество и парадоксы восприятия Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы VII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2006. С. 425.

знаки ведущих концернов Запада и Востока, гигантские экраны электронной рекламы, легкомысленные зонтики летних кафе, официальные колоннады уральских вузов, жесткая геометрия конструктивистских ансамблей и водная гладь городского пруда с японским силуэтом лиственницы на Плотинке»⁴⁷⁰. Так складывается образ города, который аккумулирует различные мировоззренческие парадигмы и непрерывно инициирует переоценку прошлого.

5. Устойчивым приемом в прозаических текстах, посвященных Свердловску / Екатеринбургу, стало выстраивание различного рода противопоставлений (прошлое – настоящее, реальное – фантастическое, повседневное – необычное), что можно объяснять стремлением авторов создавать творчески переосмысленный образ реального города, основы которого они пытаются понять.

Хорошо чувствуя противоречия в образе Свердловска / Екатеринбурга (который одновременно признает и опровергает свое прошлое, пытается при всей своей индустриальности выглядеть креативным и творческим, позиционирует себя как инвестиционный центр, но оценивается местными жителями гораздо как менее презентабельный), современные авторы пытаются преодолеть автоматизм восприятия образа, наделяют его энергией, ищут «нематериальный актив» (Кропотов), который помог бы раскрыть символические ресурсы места.

Вписанность авторов в единый культурный контекст, постоянное или периодическое пребывание в городском пространстве, развитость системы творческих взаимосвязей, осведомленность в современных городских проблемах также определяют специфику образа города.

Таким образом, целый ряд обстоятельств объясняет стихийность и амбивалентность образа Свердловска / Екатеринбурга как в современной прозе, так и в современной культурной среде. При этом исчерпывающая

⁴⁷⁰ Рыжков А. Нарисованный город. Екатеринбург, 2012. С. 9.

классификация различных вариантов художественного воплощения города представляется одной из перспектив настоящего исследования.

Список литературы

1. Источники

1. Агеев С. Уралмашевские байки / С. Агеев, Ю. Бриль. – Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2004. – 77 с.
2. Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники / П. П. Бажов. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1955. – 271 с.
3. Батталов О. Не буди! / О. Батталов, С. Петров. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. – 764 с.
4. Бачинин В. Теология и социология зла (несентиментальное путешествие из Петербурга на Уралмаш) / В. Бачинин // Нева. – 2017. – № 8. – С. 157–164.
5. Беляев С. Композитор Сергей Прокофьев в столице Урала / С. Беляев // Урал. 2011. – № 9. – С. 207–210.
6. Берсенева А. Облик города / А. Берсенева // Урал. – 1976. – № 8. – С. 148–155.
7. Блинов В. А. Монастырская роща : повести и рассказы / В. А. Блинов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003. – 668 с.
8. Болковский А. Екатеринбургский централ / А. Болковский. – М. : Эксмо, 2009. – 315 с.
9. Букина М. Жизнь, отданная революции / М. Букина, Ю. Постнов // Урал. – 1966. – № 6. – С. 148–161.
10. Бухаркина О. «Дабы произросла добрая польза» / О. Бухаркина // Урал. – 2000. – № 7. – С. 65–68.
11. Бухаркина О. Вдоль по улице по главной / О. Бухаркина // Урал. – 2000. – № 12. – С. 158–162.
12. Бухаркина О. По улицам старого города / О. Бухаркина // Урал. – 2000. – № 8. – С. 150–155.
13. Волович В. М. Мастерская : записки художника / В. М. Волович. – Екатеринбург : Автограф, 2017. – 601 с.

14. Гарин С. Приметы времени / С. Гарин // Урал. – 1958. – № 10. – С. 109–129.
15. Гладкова И. М. 25 екатеринбургских тайн / И. М. Гладкова. – Екатеринбург : Уральское издательство, 2003. – 220 с.
16. Голдина М. Поехали / М. Голдина // Урал. – 2013. – № 12. – С. 178–182.
17. Головина В. Страницы музыкальной школы / В. Головина // Урал. – 1976. – № 7. – С. 143–154.
18. Демидова С. Детство в Свердловске : воспоминания / С. Демидова // Урал. – 2011. – № 6. – С. 72–106.
19. Дробиз Г. Ф. Свидетель : повести и рассказы / Г. Ф. Дробиз. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003. – 639 с.
20. Друзь А. А. Петербург: пешком по городу / А. А. Друзь. – М. : Издательство АСТ, 2018. – 253 с.
21. Дубичев В. Рябиновая революция / В. Дубичев // Урал. – 2015. – № 10. – С. 8–81.
22. Евгеньев Ю. Свердловску – 250. Наш юбиляр. Размышления после встречи с председателем горисполкома / Ю. Евгеньев // Урал. – 1973. – № 11. – С. 87–94.
23. Екатеринбург : сказочный путеводитель. – Екатеринбург : TATLIN, 2017. – 95 с.
24. Екатеринбург для больших и маленьких : энциклопедия от А до Я. – Екатеринбург : TATLIN, 2016. – 107 с.
25. Екатеринбург: архитектурный путеводитель. 1920–1940 / ред. А. Елизарьева, Э. Кубенский. – Екатеринбург : TATLIN, 2016. – 360 с.
26. Екатеринбург: наследие конструктивизма. – Екатеринбург : Независимый институт материальной культуры, 2009. – 162 с.
27. Екатеринбург: умножая на миллион. Екатеринбург в произведениях художников. – Екатеринбург : Екатеринбургский художник, 2014. – 230 с.

28. Злоказов Л. Д. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев / Л. Д. Злоказов. – Екатеринбург : ИГЕММО : Музей истории Екатеринбурга, 2000. – 607 с.
29. Иванов А. В. Ёбург / А. В. Иванов. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. – 573 с.
30. Иванов А. Ненастье / А. Иванов. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. – 640 с.
31. Иванова П. Путеводитель по Екатеринбургу и Свердловску / П. Иванова. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2017. – 280 с.
32. Исхаков В. Э. Екатеринбург : роман / В. Э. Исхаков. – Екатеринбург : ПироговЪ, 2004. – 639 с.
33. Каменщиков Д. Год культуры / Д. Каменщиков // Урал. – 2016. – № 11. – С. 89–107.
34. Карасюк Д. Свердловская рок-энциклопедия / Д. Карасюк. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 278 с.
35. Касимов А. Малахитовые гитары / А. Касимов, Д. Мелких. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 362 с.
36. Касимов Е. П. Физиология Екатеринбурга / Е. П. Касимов. – Екатеринбург : Автограф, 2009. – 247 с.
37. Красилов А. Жизнь у огня / А. Красилов // Урал. – 1959. – № 1. – С. 19–51.
38. Кулешова С. Неожиданный Екатеринбург / С. Кулешова. – Екатеринбург : Азимут, 2013. – 128 с.
39. Лотинкин П. Тайны третьей столицы / П. Лотинкин. – М. : Маллет, 2003. – 96 с.
40. Лукьянин В. Прогулки по Екатеринбургу / В. Лукьянин, М. Никулина. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. – 176 с.
41. Матвеева А. А. Горожане. Удивительные истории людей из города Е / А. А. Матвеева. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 347 с.

42. Матвеева А. А. Литературный путеводитель [Электронный ресурс] / А. А. Матвеева // Горький : [сайт]. – 2017. – Режим доступа: <https://gorky.media/context/pushkin-v-nochnushke-vannaya-mayakovskogo-i-vysotskij-neboskreb> (дата обращения: 25.01.2018).
43. Матвеева А. А. Девять девяностых : рассказы / А. А. Матвеева. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. – 346 с.
44. Матвеева А. А. Завидное чувство Веры Стениной / А. А. Матвеева — М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 541 с.
45. Молотов В. Урал атакует / В. Молотов. – М. ; СПб. : АСТ, 2011. – 316 с.
46. Николаев Н. Суеват (Северный дневник) / Н. Николаев // Урал. – 1961. – № 1. – С. 28–91.
47. Никонов Н. Г. Весталка: роман / Н. Г. Никонов. – М. : Современник, 1989. – 527 с.
48. Никонов Н. Г. Солнышко в березах : повести / Н. Г. Никонов . – М. : Советская Россия, 1980. – 384 с.
49. Никонов Н. Г. След рыси / Н. Г. Никонов. – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 2004. – 576 с.
50. Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора / М. П. Никулина. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – 119 с.
51. Очеретин В. Верен себе / В. Очеретин // Урал. – 1984. – № 10. – С. 3–94.
52. Очеретин В. О тех, кого любят / В. Очеретин // Урал. – 1958. – № 10. – С. 3–7.
53. Очеретин В. Трижды влюбленный в Урал / В. Очеретин // Урал. – 1970. – № 7. – С. 19–88.
54. Платон С. Город Бург : рассказы, миниатюры / С. Платон. – Екатеринбург : Ажур, 2015. – 314 с.
55. Погодин С. А. Второй дом советов в воспоминаниях, фотографиях и документах / С. А. Погодин // Веси. – 2014. – № 6. – С. 89–132.

56. Погодин С. А. Дом, ставший мечтой / С. А. Погодин // Уральский рабочий. – 2014. – 24 декабря. – С. 4.
57. Погодин С. А. Дома из утопии / С. А. Погодин // Столица Урала. – 2014. – № 42. – С. 59–64.
58. Погодин С. А. История, тайны и легенды «Дома Чекиста» в воспоминаниях, фотографиях и документах / С. А. Погодин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 448 с.
59. Погодин С. А. Прописались на Вайнера / С. А. Погодин // Уральский рабочий. – 2014. – 18 января (№ 7). – С. 4.
60. Путилов Б. Детство на Пароходной улице / Б. Путилов // Урал. – 1980. – № 3. – С. 55–107.
61. Раскин А. М. Знаменитые усадьбы Свердловской области / А. М. Раскин. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 144 с.
62. Резник Я. Чекист / Я. Резник // Урал. – 1968. – № 11. – С. 10–49.
63. Решетникова Н. Мои драгоценные люди : лирико-театральные заметки / Н. Решетникова // Урал. – 2002. – № 10. – С. 241–252.
64. Ройзман Е. В. Невыдуманные рассказы / Е. В. Ройзман. – Екатеринбург : Автограф, 2013. – 176 с.
65. Рыжков А. Нарисованный город / А. Рыжков. – Екатеринбург : Столица Урала, 2012. – 219 с.
66. Рябинин Б. С. Ушедшее – живущее: книга воспоминаний / Б. С. Рябинин. – М.: Советский писатель, 1984. – 432 с.
67. Сальников А. Отдел [Электронный ресурс] / А. Сальников // Волга. – 2015. – № 5/6, 7/8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/2015/8> (дата обращения: 25.01.2019).
68. Сальников А. Петровы в grippe и вокруг него / А. Сальников. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. – 411 с.
69. Свод памятников истории и культуры Свердловской области в 2 т. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – 535 с.

70. Славникова О. А. 2017 / О. А. Славникова. – М. : Вагриус, 2007. – 541 с.
71. Слово современников Бориса Ельцина. – Екатеринбург : Уральский Центр Б. Н. Ельцина : Институт региональной политики, 212. – 159 с.
72. Сорокин Л. Л. Школьные годы : повести / Л. Л. Сорокин. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1980. – 176 с.
73. Стариков А. А. Екатеринбург. История города в архитектуре / А. А. Стариков. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 253 с.
74. Стариков А. А. Екатеринбург: История города в архитектуре / А. А. Стариков. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 253 с.
75. Старостин А. Парни из легенды / А. Старостин // Урал. – 1967. – № 6. – С. 129–152.
76. Сутырин В. А. Е-бург: родной город step by step : путеводитель для тинейджеров / В. А. Сутырин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. – 144 с.
77. Сюньков Г. Неоконченный спор / Г. Сюньков // Урал. – 1973. – № 3. – С. 114–120.
78. Турбанов И. Екатеринбург : пять бликов / И. Турбанов // Урал. – 2010. – № 4. – С. 144–149.
79. Факова Н. Б. Дворы моего детства / Н. Б. Факова // Урал. – 2006. – № 2. – С. 48–60.
80. Хазанович Ю. Я. Поиски, тревоги, мечты : очерки и рассказы / Ю. Я. Хазанович. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1958. – 264 с.
81. Хазанович Ю. Я. Рабочая академия / Ю. Я. Хазанович // На Урале, в рабочем краю. – Свердловск : Свердловское книжное издательство, 1957. – С. 41–59.
82. Хомяков О. Все до последнего слова / О. Хомяков // Урал. – 1971. – № 8. – С. 31–98.

83. Хомяков О. Все до последнего слова / О. Хомяков // Урал. – 1971. – № 9. – С. 46–121.
84. Цыганов В. Г. Мой Екатеринбург: записки еще не старого жителя / В. Г. Цыганов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. – 179 с.
85. Чеботаева М. Наш Екатеринбург. Путеводитель по центру столицы Урала / М. Чеботаева. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. – 62 с.
86. Чуманов А. Н. Три птицы на одной ветке / А. Н. Чуманов // Урал. – 2003. – № 9. – С. 112–165.
87. Чуманов А. Н. Три птицы на одной ветке / А. Н. Чуманов // Урал. – 2003. – № 10. – С. 47–104.
88. Шаманаева И. Улица Пирамидальных тополей / И. Шаманаева // Звезда. – 2007. – № 12. – С. 4–72.
89. Шахрин В. В. Екатеринбург в оранжевом настроении / В. Шахрин. – Екатеринбург : Азимут, 2018. – 174 с.

2. Научно-критические исследования

90. 100 мыслей о Екатеринбурге : эксперты о ценности настоящего и идеях будущего. – Екатеринбург : TATLIN, 2016. – 323 с.
91. CULTURALICA. Лаборатория культурных проектов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://culturalica.ru/> (дата обращения: 26.05.2018).
92. Абашев В. В. Городское пространство как аккумулятор коллективной памяти / В. В. Абашев // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2014. – № 2. – С. 135–147.
93. Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. – 404 с.

94. Абашева М. П. Писатель «здесь и сейчас» / М. П. Абашева // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 325–350.

95. Абашева М. П. Логика жанрового развития прозы 1980–1990-х годов / М. П. Абашева // Дергачевские чтения – 1998. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1998. – С. 20–21.

96. Автограф: екатеринбургские писатели о себе. – Екатеринбург : Уральское литературное агенство, 2000. – 379 с.

97. Агапов М. Г. «Дрейфующая лакуна» или «история одного поколения»? Прошлое в представлениях тюменских краеведов / М. Г. Агапов, Ф. С. Корандей // Ситуация постфольклора. Городские тексты и практики. – М. : Форум, 2015. – С. 109–126.

98. Алексеев В. А. Очерк: Спецкурс для студентов заочного отделения / В. А. Алексеев. – Л. : Издательство Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, 1973. – 84 с.

99. Алексеев В. В. Екатеринбург в калейдоскопе мнений (некоторые итоги и задачи изучения истории города) / В. В. Алексеев // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: материалы научно-практической конференции, посвященной 275-летию города. Екатеринбург, 21–22 апреля 1998 г. – Екатеринбург : [б. и.], – С. 5–7.

100. Алексеев Е. П. Лев Эппле / Е. П. Алексеев. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 302 с.

101. Алексеев Е. П. Памятники монументального искусства Свердловской области / Е. П. Алексеев. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 152 с.

102. Алексеева В. Л. Образ города в культурном сознании [Электронный ресурс] / В. Л. Алексеева // Университетская площадь :

альманах. – 2010. – № 3. – С. 174–176. – Режим доступа: <http://pus.vsu.ru/pdf/2010/2010-01-27.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).

103. Алексеева М. А. «Объект, к освоению не предназначенный»: пространственная модель мира в романе О. А. Славниковой «2017» / М. А. Алексеева // Литература Урала: история и современность сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2008. – Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Институт истории и археологии УрО РАН. – С. 213–221.

104. Анализ художественного текста в аспектах его пространственных характеристик : учебное пособие / сост. В. Ю. Прокофьева. – Оренбург, ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 99 с.

105. Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Петроград : Издательство Брокгауз-Ефрон, 1924. – 87 с.

106. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов. – М. : Бертельсманн Медиа Москау, 2014. – 400 с.

107. Анциферов Н. П. Непостижимый город / Н. П. Анциферов. – СПб. : Лениздат, 1991. – 336 с.

108. Арсенова Т. А. Вторчермет Бориса Рыжего на литературной карте России: к проблеме читательской рецепции / Т. А. Арсенова // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 4. – С. 31–36.

109. Бажовская энциклопедия. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – 639 с.

110. Байбатырова Н. М. Политическая сатира в публицистике русского зарубежья «Третьей Волны» (на примере публицистики А. Зиновьева) [Электронный ресурс] // Н. М. Байбатырова. – Филология и культура. – 2014. – № 1 (35). – С. 148–153. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskaya-satira-v-publitsistike-russkogo-zarubezhya-tretiey-volny-na-primere-publitsistiki-a-zinovieva> (дата обращения: 25.04.2018).

111. Байдуж М. И. Седьмая башня сатаны, или город-болото: негативные образы Тюмени в современных городских нарративах / М. И. Байдуж // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. – М. : Форум, 2015. – С. 126–154.
112. Барковская Н. В. Путешествие по Уралу с книгой : материалы для элективного курса / Н. В. Барковская // Филологический класс. – 2016. – № 1. – С. 31–36.
113. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 301 с.
114. Безрогов В. Г. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях : учебно-методическое пособие / В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева, Е. Ю. Мещеркина, В. В. Нуркова. – М. : Издательство Университета Российской академии образования, 2001. – 192 с.
115. Белоусов А. Ф. Провинция как реальность и объект осмысления / А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. – Тверь : Тверской государственный университет, 2001. – 225 с.
116. Бирюков Е. М. Метенков и Ко / Е. М. Бирюков. – Екатеринбург : СВ-96, 2007. – 224 с.
117. Блажес В. В. «Уйду за собственную тень»: Е. М. Малахин и Б. У. Кашкин / В. В. Блажес // Урал. – 2013. – № 6. – С. 189–204.
118. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 312 с.
119. Будущее прошлого: футурология ДК УЗТМ. – Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства, 2014. – 51 с.
120. Булкина И. С. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... канд. филол. наук / И. С. Булкина; Тартуский университет. – Тарту, 2010. – 213 с.
121. Быков Л. Воин на мирном поле / Л. Быков // Урал. – 2012. – № 9. – С. 224–226.

122. Быков Л. От мира сего / Л. Быков // Урал. – 1997. – № 3. – С. 174–175.
123. Вайль П. Л. Гений места / П. Л. Вайль. – М. : Издательство КоЛибри, 2007. – С. 488.
124. Ваксер А. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы / А. Ваксер. – СПб. : Остров, 2006. – 469 с.
125. Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография . – М. : Совпадение, 2015. – С. 29–58.
126. Везнер Л. Н. Структура образа города: основные теоретические подходы / Л. Н. Везнер // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 221–224.
127. Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? / О. Вендина. – М. : Центр миграционных исследований Института географии РАН, 2005. – 88 с.
128. Вепрева И. Т. Имя города в оценке горожанина: мифотворчество и парадоксы восприятия / И. Т. Вепрева // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы VII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. – С. 423–428.
129. Верхейл К. Любовь остается / К. Верхейл // Знамя. – 2005. – № 1. – С. 157–166.
130. Власова Е. Г. Стрит-арт и дворовое благоустройство как формы освоения городского пространства : на примере современной Перми / Е. Г. Власова // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 73–82.
131. Возьянов А. Коробка для звуков // Микроурбанизм : город в деталях. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 111–132.

132. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Волошина; Томский государственный университет. – Томск, 2008. – 192 с.

133. Гаврилина М. С. «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности [Электронный ресурс] / М. С. Гаврилина // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 5. – С. 88–99. – Режим доступа: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/gavrilina.pdf> (дата обращения: 13.02.2018).

134. Галеева Р. А жил ли тут Мамин? / Р. А. Галеева // Литературный квартал. – 2008. – № 11. – С. 84–86.

135. Галеева Р. С. «Долой за свечки – 10 к.» / Р. С. Галеева // Пятые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции, Екатеринбург, 16–17 февраля, 2010. – Екатеринбург : Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского : Институт истории и археологии УрО РАН, 2010. – С. 98–101.

136. Герменевтика литературных жанров / под общ. ред. В. М. Головки. – Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2007. – 391 с.

137. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : ИНТРАДА, 1999. – 411 с.

138. Глазычев В. Л. Урбанистика / В. Л. Глазычев. – Москва : Европа, 2008. – 219 с.

139. Голосовер Я. Э. Избранное : логика мифа. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2010. – 494 с.

140. Горелов О. С. Петербургский текст в художественной концепции И. Бродского: дис. ... канд. филол. наук / О. С. Горелов ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2010. – 176 с.

141. Горелова Ю. Р. Образ города: единство реального и идеального [Электронный ресурс] / Ю. Р. Горелова // Личность. Культура. Общество. – М. : Независимый институт гражданского общества, 2009. – Т. 11. – Вып. 4 (51–

52). – С. 353–360. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=13081331> (дата обращения: 12.02.2018).

142. Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / сост. Т. В. Степугина. – М. : Наука, 1996. – 286 с.

143. Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики : сборник материалов дискуссии «Культура и искусство как ресурс развития города». Пермь, 12–13 сентября 2008 г. – Пермь: [б. и.], 2009. – 215 с.

144. Грабовенко М. Ю. Екатеринбург в судьбе Ф. М. Решетникова / М. Ю. Грабовенко // Литературный квартал. – 2007. – № 7. – С. 49–51.

145. Граматчикова Н. Б. Мифопоэтические коды в романе Н. Никонова «Весталка» / Н. Б. Граматчикова // Литература Урала : История и современность: сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : УрО РАН : Объединенный музей писателей Урала : Издательство АМБ, 2006. – С. 324–331.

146. Давыдкина Л. В. Исследование образа города Самары студентов разных профессиональных групп [Электронный ресурс] / Л. В. Давыдкина // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2012. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-obraza-goroda-samary-studentov-raznyh-professionalnyh-grupp> (дата обращения: 01.03.2017).

147. Давыдов И. Город под надзором: отправляемся на экскурсию по сталинским башням на крышах Екатеринбурга [Электронный ресурс] / И. Давыдов // Екатеринбург онлайн. – 2016. – Режим доступа: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-441265.html (дата обращения: 08.07.2017).

148. Давыдов И. Элитные советские парадные: открываем тайны необычных подъездов Екатеринбурга [Электронный ресурс] / И. Давыдов // Екатеринбург онлайн. – 2016. – Режим доступа: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-446327.html (дата обращения: 08.07.2017).

149. Девятайкина Г. Уральский сверхтекст в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Именинник» / Г. Девятайкина // Литература Урала : история и современность: сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2008. – Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Институт истории и археологии УрО РАН. – С. 75–82.

150. Джанджугазова Е. А. Культурные и товарные бренды Москвы: интегрированный подход, или что общего у фабрики «Красный Октябрь» («Эйнемъ») и Третьяковской галереи [Электронный ресурс] / Е. А. Джанджугазова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnye-i-tovarnye-brendy-moskvu-integrirovannuyu-podhod-ili-cto-obshego-u-fabriki-krasnyu-oktyabr-eunem-i-tretyakovskoy-galerei> (дата обращения: 21.03.2017).

151. Долгов А. В. Деревянное зодчество Урала: Свердловская область, Челябинская область / А. В. Долгов. – Екатеринбург: Сократ, 2012. – 230 с.

152. Дуреко Е. Ю. Образ Екатеринбурга в медийном дискурсе: динамика актуальных смыслов / Е. Ю. Дуреко // Литература Урала : история и современность: сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2010. – Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. – С. 374–380.

153. Евлампиев И. И. На грани вечности. Метафизические основания культуры и ее судьба / И. И. Евлампиев // Метафизика Петербурга / отв. ред. Л. Морева. – Санкт-Петербург : Эйдос, 1993. – С. 7–25.

154. Егорова В. Образ Екатеринбурга в сочинениях школьников / В. Егорова // Литературный квартал. – 2009. – № 2. – С. 66–67.

155. Екатеринбург в прошлом и настоящем: материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. – Екатеринбург : УрГУ, 1993. – 120 с.

156. Екатеринбург литературный. Энциклопедический словарь. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 446 с.

157. Екатеринбург: От завода-крепости к евразийской столице : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 255 с.

158. Екатеринбургский пульс. Культурная среда и символический капитал [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ekaterinburgpulse.ru/> (дата обращения: 14.02.2019).

159. Ермолаева Ж. Е. Петербургский текст: мифология города в прозе 20-30-х гг. XX века : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Ж. Е. Ермолаева; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. – СПб. : ЛЕМА, 2008. – 20 с.

160. Журавлева Н. И. Екатеринбург-Свердловск: трансформация образа города [Электронный ресурс] / Н. И. Журавлева, С. В. Мельникова // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3. – С. 66–68. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekaterinburg-sverdlovsk-transformatsiya-obraza-goroda> (дата обращения: 23.04.2018).

161. Журбина Е. И. Повесть с двумя сюжетами : о публицистической прозе / Е. И. Журбина. – М. : Советский Писатель, 1979. – 376 с.

162. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров / Е. И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 399 с.

163. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти / Д. Н. Замятин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 352 с.

164. Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 506 с.

165. Замятин Л. П. «Образ города» как категория исторических исследований: подходы к изучению [Электронный ресурс] / Л. П. Замятин // Омский научный вестник. – 2012. – № 1. – С. 27–30. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/obraz-goroda-kak-kategoriya-istoricheskikh-issledovaniy-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 13.02.2018).

166. Зашихин Е. С. Жизнь на изломе / Е. С. Зашихин // Культура Урала. – 2015. – № 1. – С. 10–11.

167. Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты / С. Зенкин. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 368 с.
168. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – Вып. 3/4. – С. 1–12.
169. Злобин В. В., Самарин А. В., Шадрина А. В. Проблема учета нарративного потенциала среды в формировании образа города [Электронный ресурс] / В. В. Злобин, А. В. Самарин, А. В. Шадрина // Архитектон. – 2008. – № 22. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2008_2/3 (дата обращения: 24.04.2018).
170. Зорина Л. И. Улица и площади старого Екатеринбурга / Л. И. Зорина, В. М. Слукин. – Екатеринбург : Баско, 2005. – 249 с.
171. Иванов А. В. Такие сюжеты голову сносят! / А. В. Иванов // Новая газета. – 2013. – № 141. – С. 20–21.
172. Иванов А. Екатеринбург – это супер / И. Иванов // Столица Урала. – 2014. – № 42. – С. 39–45.
173. Иванова П. Кто в теремочке жил [Электронный ресурс] / П. Иванова // Екатеринбург онлайн. – 2016. – Режим доступа: <https://www.e1.ru/longread/teremok> (дата обращения: 15.02.2018).
174. Ивова Н. Хроники несовершенного мира / Н. Ивова // Урал. – 2007. – № 5. – С. 241–243.
175. Известные литераторы в Свердловске (1920–1970-е гг.) // Веси. – 2015. – № 7 (113). – С. 2(82)-40 (120).
176. Интервью с писателем года Алексеем Сальниковым [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <https://www.elle.ru/stil-zhizni/books/intervyu-s-alekseem-salnikovym-id6774491/> (дата обращения: 27.05.2018).
177. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 608 с.
178. Кабанов В. В. Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века / В. В. Кабанов. – М. : Институт российской истории РАН, 2004. – 281 с.

179. Каганов Г. Санкт-Петербург: образы пространства / Г. Каганов. – М. : Издательство Ивана Лимбаха, – 2004. – 232 с.

180. Капица Ф. С. Русский детский фольклор : учебное пособие для педагогических вузов. Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 314 с.

181. Кириллова Н. Б. Ярополк Лапшин: жизнь и творчество / Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург: Сократ, 2014. – 287 с.

182. Кислова Е. А. Возможности музея П. П. Бажова в формировании геопоэтического образа Екатеринбурга [Электронный источник] / Е. А. Кислова // Культурологические чтения – 2016; материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – С. 214–219. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/43344> (дата обращения: 08.08.2018).

183. Кларк Д. Потребление и город, современность и постсовременность / Д. Кларк // Логос. – 2002. – Вып. 3/4. – С. 39–54.

184. Клочкова Ю. В. Екатеринбург в системе образов творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка (к постановке проблемы) / Ю. В. Клочкова // Культура Екатеринбурга: время зрелости и перспективы : научно-практическая конференция, посвященная 275-летию Екатеринбурга. Екатеринбург, 29 сентября 1998 г. – Екатеринбург : [б.и.], 1998. – С. 67–70.

185. Клочкова Ю. В. Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет / Ю. В. Клочкова // Литература Урала : История и современность: сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : УрО РАН : Объединенный музей писателей Урала : Издательство АМБ, 2006. – С. 128–135.

186. Клочкова Ю. В. Модель описания Екатеринбурга в первых текстах и путевых заметках (к проблеме становления городского мифа) / Ю. В. Клочкова // Миф и символ в прошлом и настоящем. – Нижний Тагил : [б. и.], 2007. – С. 82–95.

187. Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.

В. Ключкова; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Уральское издательство, 2006. – 23 с.

188. Комаров К. Жить можно. Свердловск / Екатеринбург: город и поэты [Электронный ресурс] / К. Комаров // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 115–134. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/4/zhit-mozhno.html> (дата обращения: 25.04.2018).

189. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.) / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. – 97 с.

190. Корепанов Н. С. Город посредине России : Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург / Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Сократ , 2005 – 366 с.

191. Костина Д. Арт-движение «Старик Букашкин»: новая мифология или живое творчество? / Д. Костина // Литературный квартал. – 2009. – № 2. – С. 58–59.

192. Костина Д. Искусство в общественных пространствах, общественные пространства в искусстве / Д. Костина // Технологии современного искусства как инструмент гуманизации общественных пространств. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. – С. 52–54.

193. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору : учебное пособие / Е. А. Костюхин. – М. : Дрофа, 2004. – 336 с.

194. Кропотов С. Воображаемое под властью символического порядка в жанре городской хроники / С. Кропотов // Литература Урала : история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции». Екатеринбург, 5–7 октября, 2006. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – С. 26–32.

195. Кропотов С. Легенды и мифы постиндустриального Урала / С. Кропотов // Директор. – 2005. – № 1. – С. 37.

196. Кропотов С. Миссия «Преодоление» / С. Кропотов // Уральский ревизор. – 2008. – № 3. – С. 28–31.

197. Лейдерман Н. Л. Динамика лирического романа: романы Миколоса Слущкиса [Электронный ресурс] / Н. Л. Лейдерман // Движение времени и законы жанра : жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е годы. – Свердловск : Средне-уральское книжное издательство, 1982. – С.170–187. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/79> (дата обращения: 14.02.2017).

198. Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 904 с.

199. Линч К. Образ города / К. Линч. – М. : Стройздат, 1982. – 328 с.

200. Литературные прогулки по Екатеринбургу : дайджест / сост. Г. П. Гурбич; М. Е. Шамагина, И. Н. Щеголева. – Екатеринбург : Свердловская областная библиотека для детства и юношества, 2007. – 65 с.

201. Литовская М. Тема города как самооправдания биографического автора в современной прозе Урала / М. Литовская // Литература Урала : История и современность: сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2008. – Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Институт истории и археологии УрО РАН. – С. 196–203.

202. Литовская М. Авторская реструктуризация мифологии места: бажовский Екатеринбург / М. Литовская // Дергачевские чтения – 2014. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материал VII Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2006. – С. 449–454.

203. Литовская М. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов / М. Литовская // Литература Урала : история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и

развитие художественной традиции». Екатеринбург, 5–7 октября, 2006. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – С. 66–75.

204. Литовская М. Приобщение и наказание: памятник литератору в провинциальном городе [Электронный ресурс] / М. Литовская // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 268–287. – Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/litovskaya.pdf> (дата обращения: 23.01.2017).

205. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Труды по русской и славянской филологии : Ученые записки Тартуского университета. – Вып. 683. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1986. – С. 106–121.

206. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Том 2 / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 2. – С. 9–22.

207. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – С. 251–293.

208. Лукьянин В. Во многих мудрости много печали / В. Лукьянин // Урал. – 2006. – № 12. – С. 242–247.

209. Лукьянин В. П. Музей писателей Урала в контексте литературно-культурной жизни Екатеринбурга, Урала, России: [к 60-летию музея] / В. П. Лукьянин // Музей в контексте социокультурной жизни города, региона, России. – Екатеринбург: [б. и.], 2005. – С.7–12.

210. Лыжин С. М. Интрига жилища. Архитектура массовых жилых зданий Екатеринбурга и городов Свердловской области с 1900 по 2000 годы / С. М. Лыжин. – Ялта : Филантроп, 2005. – 192 с.

211. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис.... канд. культурол. наук / А. П. Люсый; Российский институт культурологии. – М. : [б.и.], 2003. – 267 с.
212. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного : опыт культурологической интерпретации / И. А. Манкевич. – СПб. : Алетейя, 2011. – 708 с.
213. Манн Ю. В. Проза и драматургия второй половины 20-х и 30-х годов / Ю. В. Манн // История всемирной литературы в 9 томах. – М. : Наука, 1989. – Т. 6. – С. 349–357.
214. Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин) / Т. Н. Маркова. – М. : МГОУ, 2003. – 267 с.
215. Матафонова Ю. Две фотографии с натуры. Маяковский и Пастернак на Урале / Ю. Матафонова // Урал. – 2016. – № 7. – С. 201–204.
216. Матафонова Ю. К. Эрнст Неизвестный / Ю. К. Матафонова. – Екатеринбург : Сократ, 2013. – 240 с.
217. Матафонова Ю. Легендарный Гайдар / Ю. Матафонова // Уральский рабочий. – 2004. – 16 нояб.
218. Матвеева Ю. В. Проблема сюжета в документальной, биографической и автодокументальной прозе / Ю. В. Матвеева // Сюжетология и сюжетография. – Новосибирск : Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. – № 2. – С. 3–10.
219. Матвеева А. А. Боюсь тех, кто не читает / А. А. Матвеева // Аргументы и факты. – 2015. – № 4. – С. 15.
220. Мационг Е. С. Агнией Барто мы жили в соседних квартирах / Е. С. Мационг // Уральский рабочий. – 2006. – 4 марта. – С. 1–3.
221. Мельникова С. В. П. П. Бажов – Geniusloci и бренд Екатеринбурга / С. В. Мельникова, Е. А. Кислова // Современный город: власть, управление, экономика. – Пермь : Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2015. – С. 261–271.

222. Местергази Е. Г. О термине «документальная литература» [Электронный ресурс] / Е. Г. Местергази // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 11 (55). – С. 174–177. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-termine-dokumentalnaya-literatura> (дата обращения: 23.11.2017).

223. Микроурбанизм: город в деталях : сборник статей. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 346 с.

224. Милюкова Е. В. Культурное самоопределение провинции в самодеятельной литературе Южного Урала советского периода : дис. ... канд. культурологи / Е. В. Милюкова; Российский государственный гуманитарный университет. – М.: [б.и.], 2006. – 226 с.

225. Мир русской провинции: вчера, сегодня, завтра. – Балашов : Николаев, 2006. – 156 с.

226. Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Мирнова, Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2012. – 19 с.

227. Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Мирнова, Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2012. – 193 с.

228. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

229. Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д. С. Московская, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М., 2011. – 40 с.

230. Муратов А. Б. Действительно ли существует Петербургский текст? / А. Б. Муратов // Существует ли Петербургский текст? : сборник трудов / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. – Вып. 4. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – С. 13–24.

231. Мурзина И. Я. Очерки истории культуры Урала / И. Я. Мурзина. – Екатеринбург : Форум-книга, 2008. – 411 с.
232. Мысливцева Ю. Г. Территория мечты / Ю. Г. Мысливцева. – Омск : [б.и.], 2014. – 383 с.
233. Найдыш В. М. Мифология: учебное пособие / В. М. Найдыш. – М. : КноРус, 2010. – 431 с.
234. Национальные культуры Урала: традиционная народная культура в контексте современной цивилизации : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2 октября 2014 г. – Екатеринбург : Центр традиционной народной культуры Среднего Урала, 2014. — 144 с.
235. Не просто прожитая жизнь : биография А. К. Матвеева в документах и воспоминаниях. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. – 635 с.
236. Немченко Л. М. Знаки повседневности в современном постсоветском кинематографе (Россия, Грузия) [Электронный ресурс] / Л. М. Немченко. – УрФУ, каталог образовательных ресурсов. – Режим доступа: <http://media.ls.urfu.ru/495/1271/2864/> (дата обращения: 12.04.2018).
237. Немчинов В. М. Метафизика города / В. М. Немчинов // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 233–240.
238. Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми. – Екатеринбург : Автограф, 2013. – 191 с.
239. Новиков А. В. Записки уголовного барда / А. В. Новиков. – Екатеринбург : Сократ, 2016. – 365 с.
240. Обзор социальной политики в России. – Москва : Независимый институт социальной политики, 2007. – 427 с.
241. Онуфриева Н. И. «Сказочный Свердловск» Бориса Рыжего // Литература Урала: история и современность / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2008. – Вып. 4:

Локальные тексты и типы региональных нарративов / Институт истории и археологии УрО РАН. – С. 188–195.

242. Оренбургский край в произведениях русских писателей: учебное пособие по литературному краеведению / сост. А. Г. Прокофьева. – Оренбург : Оренбургский государственный педагогический институт, 1993. – 101 с.

243. Осадчая Г. И. Социальная жизнь россиян: изменения и проблемы / Г. И. Осадчая. – Москва : Издательство Российского государственного социального университета, 2006. – 76 с.

244. Павлов А. Бесславные ублюдки, бешеные псы. Вселенная Квентина Тарантино / А. В. Павлов. – М. : Дело, 2018. – 393 с.

245. Павлова Н. Концепция и художественность документального произведения / Н. Павлова // Иностранная литература. – 1966. – № 8. – С. 187–189.

246. Панкратова Д. А. Креативные индустрии в пространстве Екатеринбурга [Электронный ресурс] / Д. А. Панкратова // Электронный научный архив УрФУ. – Екатеринбург, 2017. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/48446> (дата обращения: 24.07.2018).

247. Пихоя Р. Г. Борис Ельцин / Р. Г. Пихоя. – Екатеринбург : Сократ, 2011. – 475 с.

248. Подлесных А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Подлесных; Пермский государственный университет. – Пермь, 2008. – 190 с.

249. Подлубнова Ю. Город иванов / Ю. Подлубнова // Урал. – 2014. – № 8. – С. 215–218.

250. Подлубнова Ю. С. «Пограничный миф» Екатеринбурга: литературные воплощения [Электронный ресурс] / Ю. С. Подлубнова // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы – V : сборник материалов Международ. научной конференции. Екатеринбург, 23 апреля–23 мая, 2015. – С. 98–109. – Режим доступа:

http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/35805/1/kd_2015_15.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

251. Подлубнова Ю. С. Модели «уральского текста» в литературе 1920–1930-х гг.: взгляд извне [Электронный ресурс] / Ю. С. Подлубнова // Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV : сборник материалов Международной научной конференции. Екатеринбург, 15 апреля–5 мая 2014 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. – С. 138–150. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27953/1/rya-IV-2014-20.pdf> (дата обращения: 02.10.2018).

252. Подлубнова Ю. С. Плотная материальность камня / Ю. С. Подлубнова // Урал. – 2006. – № 16. – С. 206–208.

253. Подлубнова Ю. С. Реалии и мифы Екатеринбурга в повести «Золотой поезд» / Ю. С. Подлубнова // Культура современного мегаполиса : постиндустриализация городского пространства : студенческая научно-практическая конференция. Екатеринбург, 11 мая 2010 г. – Екатеринбург : Екатеринбургская академия современного искусства, 2010. – С. 61–69.

254. Подлубнова Ю. С. Современный литературный процесс. Проза 2000-х гг. : конспект лекций / Ю. С. Подлубнова. – Екатеринбург : УТГУ-УПИ, 2009. – 82 с.

255. Подлубнова Ю. С. Трагедия семьи Романовых и локальная мифология Екатеринбурга в драме П. Северного «Последние дни императора Николая Второго» [Электронный ресурс] / Ю. С. Подлубнова // Актуальные проблемы современного краеведения на Среднем Урале : материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. – С. 146–151. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39700/1/aps_2015_26.pdf (дата обращения: 24.03.2017).

256. Прохоров Е. П. Искусство публицистики : размышления и разборы / Е. П. Прохоров. – М. : Советский писатель. 1984. – 360 с.

257. Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века : дис. ... канд. филол. наук / Л. С. Прохорова; Томский государственный университет. – Томск, 2005. – 194 с.

258. Равинский Д. К. Городская мифология / Д. К. Равинский // Современный городской фольклор. – М. : РГГУ, 2003. – С. 409–419.

259. Расторгуев А. Жить по-человечески / А. Расторгуев // Урал. – 2008. – № 10. – С. 237–248.

260. Рахматуллин Р. Э. Две Москвы, или Метафизика столицы / Р. Э. Рахматуллин. – М. : АСТ : Олимп, 2009. – 702 с.

261. Ревзин Г. Москва: десять лет после СССР [Электронный ресурс] / Г. Ревзин // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 5. – Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/nz/2002/5/revz-pr.html> (дата обращения: 13.03.2018).

262. Ремизов А. В. Омское краеведение / А. В. Ремизов. – Омск : Издательство Омского государственного педагогического университета, 2010. – 345 с.

263. Рогачева Н. А. Историческая динамика поэтической образности в сибирском тексте русской лирики XVIII–XX вв. / Н. А. Рогачева, С. О. Драчева, А. А. Медведев // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 126–134.

264. Русская провинция. Культура XVIII–XX вв. : сборник статей / ред. кол.: С. О. Шмидт (отв. ред.) и др.; ред.-сост.: В. Ю. Афиани, Т. О. Размутова, А. А. Сундиева. – М. : Российский институт культурологии, 1993. – 130 с.

265. Савченко Л. В., Шум О. Ю. Гипертекстовые признаки путеводителя как база его интерактивности [Электронный ресурс] / Л. В. Савченко, О. Ю. Шум // Интерактивная наука. – 2016. – № 6. – С. 92–95. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26489030_96707894.pdf (дата обращения: 01.05.2018).

266. Сафронов А. В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза) : учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / А. С. Сафронов. – Рязань : Рязанский

государственный университет им. С. А. Есенина, 2013. – 108 с. – Режим доступа: <http://dspace.rsu.edu.ru/xmlui/bitstream/handle> (дата обращения: 01.09.2018).

267. Северская О. И. Пересмешники: «смеховое эхо» в поэзии и каналах массовой коммуникации // Карнавал в языке и коммуникации. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2016. – С. 361–374.

268. Семенова С. В. Алексей Денисов-Уральский / С. В. Семенова. – Екатеринбург : Сократ, 2011. – 388 с.

269. Сидякина А. А. Хроника событий уральского поэтического движения (1981– 2012) / А. А. Сидякина // Уральская поэтическая школа / ред. В. Кальпиди. – Челябинск : Десять тысяч слов, 2013. – С. 560– 608.

270. Сильченко Г. В. Сибирь как сверхтекст в русской рок-поэзии / Г. В. Сильченко // Культура как вид человеческого бытия и познания. – Ишим : Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова, 2015. – С. 291–298.

271. Славникова О. «Я» в Екатеринбурге / О. Славникова // Урал. – 1999. – № 7. – С. 167–176.

272. Славникова О. А. Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга / О. А. Славникова // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 294–304.

273. Слобожанинова Л. Из поколения шестидесятых / Л. Слобожанинова // Урал. – 1979. – № 7. – С. 149–155.

274. Слобожанинова Л. Две повести Николая Никонова / Л. Слобожанинова // Урал. – 2004. – № 6. – С. 140–147.

275. Слукин В. М. Краеведение: шаги к культуре / В. М. Слукин // Культура Екатеринбурга: время зрелости и перспектив. Научно-практическая конференция, посвященная 275-летию Екатеринбурга. Екатеринбург, 29 сентября 1998 г. – Екатеринбург : [б. и.], 1998. – С. 63–70.

276. Слукин В. М. Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск / В. М. Слукин. – Екатеринбург : Сократ, 2005. – 247 с.

277. Соболева Е. Г. Формирование мифа «Екатеринбург – третья столица» в текстах СМИ / Е. Г. Соболева // Литература Урала : история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции». Екатеринбург, 5–7 октября, 2006. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – С. 95–102.

278. Созина Е. «Екатеринбургский текст» Натальи Смирновой / Е. Созина // Урал. – 2005. – № 4. – С. 220–225.

279. Созина Е. К. Автобиографическая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка (некоторые заметки) / Е. К. Созина // Лицо и стиль : сборник научных статей, посвященных юбилею проф. В. В. Эйдиновой. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. – С. 131–142.

280. Созина Е. К. Об «Истории литературы Урала» : предисловие к проекту / Е. К. Созина // Литература Урала : История и современность: сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург : УрО РАН : Объединенный музей писателей Урала : Издательство АМБ, 2006. – С. 7–17.

281. Созина Е. К. Уральский текст в литературе региона 1800–1820 гг. / Е. К. Созина // Литература Урала: история и современность / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2008. – Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Институт истории и археологии УрО РАН. – С. 53–69.

282. Стариков А. А. Екатеринбург : История города в архитектуре / А. А. Стариков. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 240 с.

283. Стариков А. А. Знаменитые памятники архитектуры Свердловской области / А. А. Стариков. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – 162 с.

284. Суворова Т. Дыхание незримого моря / Т. Суворова // Урал. – 2003. – № 4. – С. 249–250.

285. Сутырин В. А. Павел Бажов: биографическое повествование / В. А. Сутырин. – Екатеринбург : Сократ, 2012. – 509 с.

286. Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература [Электронный ресурс] / Л. Н. Таганов / Иваново : Листос, 2014. – 380 с. – Режим доступа : <https://www.listos.biz> (дата обращения: 22.04.2018).

287. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка. Екатеринбург, 4–5 ноября 2002 г. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 221 с.

288. Темлякова А. Иное видение. Современное искусство в городской среде / А. Темлякова // Технологии современного искусства как инструмент гуманизации общественных пространств. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. – С. 13–22.

289. Теория литературы : В 2 т. : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Academia, 2004.

290. Ткач О. Свадьба в большом городе: на прогулке / О. Ткач // Микроурбанизм : город в деталях. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 170–210.

291. Толстов В. Китайский синдром / В. Толстов // Урал. – 2016. – № 4. – С. 226–228.

292. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство–СПБ, 2003. – 616 с.

293. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс-Культура, 1994. – 623 с.

294. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М. : Гардарики, 2001. – 398 с.

295. Трубина Е. Г. Урбанистическая теория : учебное пособие / Е. Г. Трубина. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. – 285 с.

296. Трущенко О. Е. Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве / О. Е. Трущенко. – М. : Socio-Logos, 1995. – 109 с.

297. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учеб. пособие для студентов вузов / В. И. Тюпа. – Москва : Academia, 2006. – 331 с.

298. Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого [Электронный ресурс] / Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман // Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Языки русской культуры, 1996. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/04.php (дата обращения: 03.04.2016).

299. Фирсова А. В. Литературное картирование г. Перми в путеводителях [Электронный ресурс] / А. В. Фирсова // Географический вестник. Туризм и краеведение. – 2012. – № 3 (22). – С. 104–109. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/literaturnoe-kartirovanie-g-permi-v-putevoditelyah> (дата обращения: 16.01.2019).

300. Фомичева Е. Г. Автор и герой в очерке: приемы портретизации: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Фомичева. Санкт–Петербургский Государственный университет. – СПб. : [б.и.], 2003. – 192 с.

301. Харитонова Е. В. Образ Екатеринбурга в прозе С. Петрова / Е. В. Харитонова // Литература Урала : история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции». Екатеринбург, 5–7 октября, 2006. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – С. 88–95.

302. Харитонова Е. В. Образ старого Урала в творчестве П. П. Бажова / Е. В. Харитонова // Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века) / сост. Е. П. Пирогова. – Екатеринбург : Сократ, 2007. – С. 5–25.

303. Химич В. В. В мире Михаила Булгакова / В. В. Химич. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2003. – 330 с.

304. Черепახов М. С. Проблемы теории публицистики / М. С. Черепახов. – М. : Мысль, 1973. – 269 с.

305. Черняева Н. А. Культурная география и проблематика «места» / Н. А. Черняева // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – Вып. 9. – № 35. – С. 273–283.

306. Чикишев А. С. Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании [Электронный ресурс] / А. С. Чикишева // Культурологический журнал. – 2012. – № 3 (9). – С. 1–9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-nostalgii-i-ego-problematizatsiya-v-sovremennom-kulturologicheskom-znanii> (дата обращения: 13.02.2018).

307. Читатель в городе: город как учебник – город как мастерская – город как место для творчества: коллективная монография / под ред. Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой. – М. : Библиомир, 2017. – 304 с.

308. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта, 2006. – 254 с.

309. Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета / Ю. Н. Чумаков. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 87 с.

310. Шампаров Ф. Миф как аутотренинг территории / Ф. Шампаров // Литературный квартал. – 2009. – № 2. – С. 65–66.

311. Шейнис К. Городской роман, непридуманый / К. Шейнис // Культура Урала. – 2016. – № 2 (38). – С. 58–59.

312. Шимов Я. Прага: скромное обаяние «посторонней» столицы / Я. Шимов // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 65–81.

313. Шишов К. В музей или в металлолом? / К. Шишов // Урал. – 1976. – № 5. – С. 139–145.

314. Щербинин А. И. К постановке проблемы внешнего позиционирования университетского города [Электронный ресурс] / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина // Философия, социология, политология. – 2012. – № 4 (359). – С. 53–58. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k->

postanovke-problemy-vneshnego-pozitsionirovaniya-universitetskogo-goroda (дата обращения: 14.02.2017).

315. Эволюция жанров в литературе Урала XVII-XX вв. в контексте общероссийских процессов. – Екатеринбург: УрО РАН, Ин-т истории и археологии, 2010. – 550 с.

316. Эпштейн М. Ирония идеала / М. Эпштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 384 с.

317. Эпштейн М. Парадоксы новизны / М. Эпштейн. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.

318. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: дис. ... д-ра. филол. наук / Е. Н. Эртнер. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 448 с.

319. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения / А. Я. Эсалнек. – Москва: Флинта: Наука, 2004. – 179 с.

320. Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. М. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 484 с.

321. Ядарова И. А. Развитие жанра очерка в марийской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Ядарова. Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2002. – 22 с.

322. Яковенко И. Г. Художественное сознание и городская среда (в их взаимодействии и созидании) / И. Г. Яковенко // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / сост. Т. В. Степугина. – М.: Наука, 1996. – С. 20–25.